

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1915 ГОДА

Мухом

НОВОЕ ВРЕМЯ

48

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14275

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 5-го (18-го) ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14275

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Съ офорта М. В. Рундальцова.

Думы.

Есть дни, как сумерки, что кажутся
не днями,
Есть ночи бѣлые, что смотрятъ блѣднымъ
днемъ,
Есть сны, которые намъ кажутся не
снами,
И пробужденія, казавшіяся сномъ.

Есть жизни долги, съ умершими годами,
И есть мгновения, гдѣ жизнь полна огня,
Есть души юныя съ угасшими мечтами,
И есть цвѣты, боащіяся дня.

Есть трезны хмельныя—подобье про-
ванья,
И есть вѣчания съ печалью похороны,
Есть чувства вѣрные безъ словъ, безъ
обѣщанья,
И страсти пылкія, обманныя, какъ сонъ.

Безъ словъ есть набожность, молитвы
есть безъ вѣры,
Есть ледъ безгрѣшности и жаркій вопль
въ грѣхахъ,
Есть не продажная привязанность гетеры,
И ядъ продажности—на дѣвственныхъ
устахъ.

Н. Вальде.

Голодъ сердца.

Рассказъ.

I.

Владимиръ Михайловичъ проводить цѣ-
лые дни въ разъѣздахъ. Надо было еще за-
купить множество вещей, а времени оста-
валось мало. Его полкъ уже давно былъ
на австрийскомъ фронтѣ, и хотѣлось поско-
рѣе отбыть къ мѣсту службы.

Ксенія Николаевна помогала въ сборахъ,
собирала и приводила въ порядокъ бѣлье,
укладывала его и бичу всякихъ мелочей по
чемоданамъ, а сама, между дѣломъ, обо-
стренно-внимательно и нѣсколько удивлен-
но наблюдала за мужемъ.

Онъ повеселѣлъ и какъ будто помоло-
дѣлъ. Новый полковничій жупдиръ очень
шелъ къ нему, дѣлалъ его стройнымъ, вы-
сокимъ, молодцоватымъ, казавъ она его
совсѣмъ не знала, и особенно новымъ явил-
ось для нея лицо, гладко выбритое, ро-
зовое и свѣжее, которое нѣтъ-нѣтъ да и
улыбнется застѣчиво и мило кому-то или
чему-то куда-то въ пространство. И гла-
за, всегда нѣсколько печальные и обычно
недоумѣвающіе, глядѣли какъ-то добро-
душно-просто и по-дѣтски ясно, и облачко
хмурого недовольства и скуки, такое обыч-
ное на немъ, исчезло. Всѣ движенія стали
быстры, ловки, даже щеголеватые, и въ го-
ловѣ, вмѣсто прежнихъ раздражительныхъ,
и такъ раздражавшихъ Ксенію Николаев-
ну, несправедливыхъ нотъ, зазвучали никогда
и ласкающія ноты. Онъ весь какъ-то за-
тихъ и ушелъ въ себя, не сердился, не
ерничалъ на прислугу, даже говорилъ мало,
но все время Ксенія Николаевна чувству-
вала, какъ онъ глубоко взволнованъ и по-
лонъ, какъ до краевъ налигалъ чаю, тор-
жественнымъ, высокимъ и покорившимъ
его себѣ чувствомъ.

Да, конечно, не этотъ съ иглою мун-
диръ съ погонами и шапкой, не эти са-
поги съ позванивающими шпорами, не эта
петля коротко-подстриженныхъ черныхъ
волосъ надъ бѣлымъ гладкимъ лбомъ, не эти
усы, по-модному побритые, такъ меняли
его. Его настроеніе, его міросозерцаніе, его
отношеніе къ жизни стали иными. Самый
духовный обликъ его былъ не тотъ, какой
знала Ксенія Николаевна, былъ иной, воз-
вышенный, строгій и красивый. И было
что-то колюче-обидное, больно-ранящее въ

мысли, что за столько лѣтъ совместной
жизни съ мужемъ она его не знала и не
подозрѣвала такимъ, совсѣмъ проглядѣла
то, что было въ немъ намучаго и цѣ-
ннѣшаго. Досадно было и за себя, и за
него, и жалко, ужасно жалко себя. Въ
все могло бы быть иначе, у нихъ была бы
другая жизнь, было бы счастье.

А сейчасъ назадъ все такъ сѣро, ничтож-
но, противно-буднично и обыкновенно. Не-
чѣмъ вспомнить прошлое.

Ксенія Николаевна выходила замужъ,
когда ей было уже двадцать четыре года.
Владимиръ Михайловичъ сдѣлалъ ей пред-
ложеніе и не получалъ отказа. Онъ тогда
уже вышелъ въ отставку, но имѣлъ пре-
красную частную службу съ готовой квар-
тирой. Дѣтей у нихъ не было, и всѣ девять
лѣтъ супружества протекли для Ксеніи
Николаевны въ обстановкѣ красиваго, уют-
наго, обеспеченнаго достатка.

Жаловаться было не на что. Съ мужемъ
у нея никогда не было несправедливостей, и
въ близкомъ кругу уже давно сложилось о
нихъ представленіе, какъ объ идеальной
парѣ.

Первые годы и Ксенія Николаевна, вы-
шедшая изъ трудянической интеллигентной
семьи, жизнь съ мужемъ казалась безмыс-
леннымъ праздникомъ. Но постепенно, по мѣ-
рѣ того, какъ все то, что развле-
кало и тѣшило ее, теряло свою прелесть,
становясь привычнымъ и всегда доступ-
нымъ,—все чаще и чаще являлась скука,
и наконецъ смутное, неопредѣленное недо-
вольство стало обычнымъ спутникомъ мо-
лодой женщины, у которой все было, кро-
мѣ любимаго, нужнаго ей и другимъ дѣла
и разумной цѣли.

Ксенія Николаевна не умѣла разобратъ-
ся въ своихъ отношеніяхъ къ жизни и къ лю-
дямъ, всѣ женщины ея круга жили въ-
такъ же, какъ она, и еще у многихъ изъ
нихъ или были дѣти, явившіяся источни-
комъ заботъ и огорченій, или супруги не
ладили между собой. У нея отсутствовала
и та и другая причина, способная испор-
тить самую легкую и вышине-красивую
жизнь. И она сама не разъ думала такъ.
Но недовольство росло, и въ жизни Мерца-
ловыхъ постепенно вѣдрилась какая-то
недоумѣнная напряженность, какъ бы ощу-
щеніе чего-то тягелаго и неприятнаго,
что уже здѣсь въ ихъ домѣ, и что какъ бы
подстерегаетъ ихъ.

Ксенія Николаевна видѣла, что то же
испытываетъ и Владимиръ Михайловичъ,
хотя, можетъ быть, не такъ ясно сознаетъ
это. Онъ былъ все тѣмъ же простодуш-
нымъ, милымъ и мягкимъ, но становился
все раздражительнѣе, и все какъ-то по-
тускнѣлъ и потемнѣлъ. По временамъ онъ
былъ очень задумчивъ и молчаливъ, что
казалось было такъ несвойственно ему,
раньше такому жизнерадостному и весе-
лому, и часто, сидя съ нимъ за столомъ, за
обѣдомъ или за чаемъ, глядя, какъ онъ ма-
шинально ѣстъ или разсѣянно безконечно
долго размышляетъ въ стаканѣ давно
остывшій чай, она говорила себѣ:

— Ему тяжело такъ же, какъ и мнѣ.
Мы не пара. Судьба столкнула насъ двухъ
совершенно разныхъ, непонятныхъ другъ
другу людей, и мы идемъ по одному пути,
далекіе, чуждые, съ каждымъ днемъ все
сильнѣе и больнѣе ощущая тяжесть свя-
зывающихъ насъ цѣпей. И вотъ откуда и
скука наша, и грусть, и страданіе. Мы оба
ошиблись. Я никогда не любила его, и онъ
никогда не любилъ меня.

Когда она въ первый разъ сказала себѣ
это, она испугалась. Такъ была страшна
мысль, что все пережитое только само-
обманъ, что лучшіе годы потрачены да-
ромъ, и что не было въ нихъ счастья
любви.

А виновникомъ всего являлся Владимиръ
Михайловичъ. Это онъ такъ легкомысленно,
какъ глазъ и устъ...

Съ бокаломъ искрищагося вина подл-
палъ Сумкинъ, и провозглашалъ оной
тостъ.

— За всѣхъ васъ, господа!

— И за процвѣтаніе нашихъ дѣлъ!—
подхватывалъ Халуенко, высоко подни-
мая свой бокалъ надъ головой.—
Гдѣ деньги—тамъ мы. Я смотрю
правдѣ прямо въ глаза и не желаю лице-
мѣрить. Хочу быть дерзкимъ, хочу быть
смѣлымъ.

А присяжный повѣренный Арутюновъ,
низко склонялъ свой армянскій профиль
съ хищнымъ крочковатымъ носомъ, алымъ
чувственнымъ ртомъ и черными, похожи-
ми на вишни, плавающія въ маслѣ, гла-
зами, къ плечу Ксеніи Николаевны, розо-
вое тѣло которой просвѣчивало сквозь
газъ и кружева, и шептала:

— Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣ-
лымъ,
Хочу упиться роскошнымъ тѣломъ...

Ксенія Николаевна улыбалась насмѣш-
ливо, но поощрительно.

Дамы кружка ей завидовали. Къ ней
внимательно приглядывалась сама Сум-
кинъ, отъ котораго она уже приняла на
память бриллиантовый браслетъ, «потому
что отъ него всѣ принимали», и Халуен-
ко уже успѣлъ сообщить по секрету
каждой изъ дамъ, что Сумкинъ выкинулъ
за браслетъ, не торгуясь, восемь тысячъ
рублей.

Ксенія Николаевна дѣлала вниманіе
толстосума, которому всѣ глядѣли въ
глаза, но нравился ей Арутюновъ. Онъ
казался ей интереснымъ, остроумнымъ и
способнымъ на сильное, горячее чувство.

Она знала, что онъ женатъ, но знала и то,
что это уже третья жена, что съ первой
женой, богатой кунчихой, за которой онъ
взялъ состояніе, онъ развелся, чтобы же-
ниться на Дунѣ Сапожковой, известной
исполнительницѣ цыганскихъ романсовъ,
но черезъ пять лѣтъ развелся и съ нею,
наскучивъ тѣмъ, что Дуна, выйдя замужъ,
неожиданно обнаружила всѣ добродѣтели
лица, и старые знакомые ея мужа. Но и
супруги и матери семейства и совершенно
эти старые знакомые теперь относились
къ ней по-новому, а сама она чувствовала
себя другой, здоровой, веселой, игривой,
еще молодой женщиной, которая можетъ
кружить головы мужчинамъ и передъ ко-
торой вся жизнь съ ея радостями и
наслажденіями. Эта мысль приятно волно-
вала и ошаривала. Но еще больше ошаривала
близость золота, возможность тратить
большія деньги, не заботясь о томъ, от-
куда онъ, и не считая ихъ. Въ компаніи
подобрался все мужчины со средствами,
съ широкими вкусами, а «въ конюводу
затесался»,—какъ онъ самъ говорилъ,—
богачъ, подрядчикъ Сумкинъ, съ неразлуч-
нымъ другомъ своимъ, инженеромъ Халу-
енко, виднымъ банковымъ воротилой.

Оба любили и умѣли жить въ свое удо-
вольствіе, и оба швыряли деньги не счи-
тая, откровенно заявляя въ своемъ
кругу:

— Война нашъ праздникъ. Только во
время войны можно загребать золото до-
платами. Что мы и дѣлаемъ. «Не теряемъ
дни златые, ихъ немного въ жизни сей!»
И дни и ночи летѣли съ головокружи-
тельной быстротой. Пикники, обѣды, ужин-
ы, катанья на тройкахъ и автомобиляхъ,
арблицы и развлечения смѣнялись одно
другимъ, не оставляя времени для раз-
мышлений и не давая задумываться.

Гдѣ-то въ страданіяхъ и мукахъ отда-
вали свою жизнь люди,— а въ да-то
теплыхъ, уютныхъ, съ показной
роскошью убранныхъ комнатахъ ли-
лось шампанское, ломались столы подъ
праздничъ, поднималось недовольство со-
изысканными блюдами, и вокругъ нихъ бои
и другими, и мучительно ошутитель-
твенными красивыми, пышно причesan-
ными, богаты и вызывающе одѣтыми жен-
щинами, и сытые, самодовольные обладатели
набитыхъ кредитками бумажниковъ, всѣ
ошаренные виномъ, достоянностью жен-
щины, дерзостью прикосновеній, маня-
щими, дразнящими и обѣщающими улы-
бками, глазами и устъ...

Кромѣ того, за послѣднее время она
стала бояться одиночества. За праздни-
чнымъ блескомъ и шумомъ уходили ку-
лаки въ да-то вглубь запросы души, и жизнь
представлялась такой полной, такой яр-
кой. Но едва гасли огни и прекращался
тѣльный, поднималось недовольство со-
изысканными блюдами, и вокругъ нихъ бои
и другими, и мучительно ошутитель-
твенными красивыми, пышно причesan-
ными, богаты и вызывающе одѣтыми жен-
щинами, и сытые, самодовольные обладатели
набитыхъ кредитками бумажниковъ, всѣ
ошаренные виномъ, достоянностью жен-
щины, дерзостью прикосновеній, маня-
щими, дразнящими и обѣщающими улы-
бками, глазами и устъ...

Но пріѣзжалъ Арутюновъ... Онъ сталъ
часто заглядывать къ Мерцаловой, и дер-
жалъ себя своимъ человекомъ въ домѣ,—
привозилъ цвѣты или конфеты, говорилъ
слазныя и лестныя рѣчи, смотрѣлъ вос-
хищенными, жадными глазами,—и Ксенія
Николаевна хотѣлось отвѣчать ему въ
тонѣ, поддерживать его игру, хотѣлось

вѣрить, что онъ искрененъ, что онъ действительно любить ее.

О новой интригѣ Арутюнова уже прошел слухъ, и имя его часто упоминалось рядомъ съ именемъ Мерцаловой. Самому Арутюнову начинала уже надоедать игра въ платоническое увлечение, и онъ говорилъ себѣ, что пора предпринять рѣшительные шаги.

А Ксенія Николаевна повторила себѣ: — Мнѣ этотъ человекъ нравится. Да, да, нравится! Это человекъ сильный, оригинальный, талантливый, а, главное, — онъ безумно влюбленъ въ меня.

Какъ большинство женщинъ, Ксенія Николаевна склонна была къ мысли, что какъ бы много ни любилъ мужчина, она та единственная избранница, которая ему дороже всего, передъ которой блѣднѣютъ всѣ остальные.

Съ веселого ужина, которымъ кормилъ Суженый всю компанію, чтобы отпраздновать новый грядущій годъ, въ четыре часа утра, подвыпившій Арутюновъ везъ Ксенію Николаевну, и, обхвативъ ее талию, повторялъ все одну и ту же, крѣпко заставшую въ его помутненномъ мозгу, мысль:

— Такъ мы ѣдемъ ко мнѣ, моя очаровательная! Вѣдь уже обещано!

А Ксенія Николаевна трясла головой, хохотала и отбѣчала все однимъ и тѣмъ же:

— Вы съ ума сошли!

И только уезъ у самого подъезда того дома, гдѣ у Арутюнова была небольшая, прекрасно обставленная, «холостецкая», какъ онъ говорилъ, квартира, она рѣшительно воспротивилась и объявила, что поѣдетъ только домой и никуда больше.

Арутюновъ попробовалъ уговорить ее, но попытка была слабая, и онъ повезъ ее домой.

Когда же они поднялись по лѣстницѣ въ квартиру, Арутюновъ, съ усиленнымъ страхомъ съ себя все сильнѣе овладевавшую имъ сонливую усталость, упрямо повторялъ:

— Когда же? То, что обещано, надо исполнять.

Она подошла къ нему близко-близко, и выразительнымъ шопотомъ, стараясь каждое слово сдѣлать значительнымъ и вѣскимъ, произнесла:

Сестра-милосердія головного эвакуаціоннаго отряда Юлія Гучиоская, награжденная зрѣлыми главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта 3-й и 4-й корпусами Георгіевскими медалями храбрости и подвиги, выразившіеся въ томъ, что, находясь неоднократно подъ обстрѣломъ неприятельской артиллеріи и будучи осуждена сама, несмотря на непосредственную опасность для жизни, продолжала перевязывать раненныхъ.

Сербскій король ПЕТЪ I КАРАЂОРЂЕВИЧЪ. Съ послѣдней фотографіи короля.

— Пріѣзжайте послѣзавтра, въ семь часовъ вечера, и я поѣду съ вами, куда вы хотите.

— Это ужъ вираду?—обрадованно спросилъ Арутюновъ.

Ему хотѣлось еще что-то сказать, но дверь открыла горничная, и онъ успѣлъ только растерянно прошептать:

— Въ семь послѣзавтра?

— Да, да!—донеслось откуда-то издали.

Дверь захлопнулась, и Арутюновъ, нащупывая ногой ступеньки, медленно и осторожно сталъ спускаться внизъ.

III.

— Вы жена?

Ксенія Николаевна отвѣтила утвердительно. И по тому, какъ заговорилъ съ ней докторъ, большой, рыхлый, съ сѣрыми, утомленнымъ лицомъ человекъ, въ блѣдомъ халатѣ, который точно отгораживалъ его отъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ и дѣлалъ существомъ особеннымъ, какъ будто одареннымъ могуществомъ и всевѣдѣніемъ, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть у другихъ людей — и по тому, какъ глядѣла на нее предупредительно, точно жалѣя и робко извиняясь, пожилая, съ сухимъ и строгимъ лицомъ, на которомъ печальные глаза казались еще печальнѣе, старшая сестра, — Ксенія Николаевна поняла, что положеніе Владиміра Михайловича очень серьезно, можетъ быть, смертельно.

Она не ощутила въ сердцѣ ни страха, ни горя, но какая-то смутная тревога переполнила ее существо, и мысли въ головѣ были какія-то отрывочныя, путанныя, и въ воображеніи странно мѣшались образы — то Арутюнова, торжествующаго, самодовольнаго, жизнерадостнаго, то Владиміра Михайловича, котораго она иначе не могла себѣ представить, какъ умирающимъ, или уже лежащимъ въ гробу.

А докторъ говорилъ:

— Повторяю, я положительно противъ того, чтобы разрѣшить вамъ свиданіе съ мужемъ. Главное это — ваши женскіе нервы; безъ истерики и безъ слезъ дѣло не обойдется. Для вашего мужа самый опасный моментъ прошелъ, но вѣдь у меня въ палатѣ есть еще тяжело больные, только что ампутированные, ихъ слѣдуетъ поберечь.

И такъ какъ доктору побазалось, что Ксенія Николаевна хочетъ возразить, онъ рѣшительно остановилъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста, не просите. Вотъ если вы желаете взять его къ себѣ домой, это я могу разрѣшить. Желаете?

Ксенія Николаевна опять представила себѣ гробъ, похороны, связанные съ ними безпокойство и хлопоты, далеко въ глубинѣ сознанія мелькнула мысль, что это ужъ

послѣднее, что на этотъ разъ онъ уйдетъ изъ ее жизни навсегда, и она останется одна, госпожей положенія, и жизнь всецѣло будетъ принадлежать ей, и голодь сердца, — она нашла наконецъ имя чудовищу, отравлявшему каждый мигъ ее существованія, — голодь сердца будетъ утоленъ значительнымъ, большимъ, исчерпывающимъ чувствомъ.

Она думала такъ, а докторъ глядѣлъ на ее лицо, съ залегшей на лбу напряженной морщинкой, ловилъ ее разсѣянный, витающей въ иномъ мѣстѣ взглядъ, и ему казалось, что онъ видитъ передъ собой олицетвореніе глубокаго, безысходнаго горя...

— Такъ вотъ если желаете, завтра же можете перевезти супруга къ себѣ. Вы распорядитесь, сестра. Честь имѣю кляняться.

Небольшая пріемная лазарета, съ бѣлыми стѣнами, бѣлой мебелью, блѣдножелтыми гладкими шторами на высокихъ окнахъ, съ ярко пылающимъ каминомъ, произвела на Ксенію Николаевну пріятное и мало привычное впечатлѣніе. Было чисто, тепло, уютно и, какъ то серьезно-грустно.

Константи́нъ Алексѣевичъ САТУНИНЪ.

Извѣстный русскій зоологъ, лучший знатокъ фауны русскихъ млекопитающихъ, исследователь фауны Кавказа, авторъ многочисленныхъ печатныхъ трудовъ. Скончался 52 лѣтъ отъ роду, 10 ноября въ Ицхетѣ, близъ Тифлиса, въ должности старшаго спеціалиста по прикладной зоологіи департамента земледѣлія.

Мимо раскрытыхъ въ широкій свѣтлый коридоръ дверей торопливо проходили люди въ бѣлыхъ халатахъ. Молодежь сестра провела тяжело опирающаяся на нее больного съ костылемъ, пронесли кого-то на носилкахъ...

Сидя на диванчикѣ, куда усадила ее рядомъ съ собою сестра, Ксенія Николаевна напряженнымъ взоромъ встрѣчала и провожала мелькавшія мимо незнакомыя лица и проникалась болѣзненнымъ, жуткимъ и грустно-отраднымъ настроеніемъ. Но было хорошо. Не хотѣлось уходить, и хотѣлось, чтобы сестра, казавшаяся необыкновенно доброй, милой, симпатичной, еще долго сидѣла вотъ тутъ, рядомъ съ ней, и своимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ продолжала бы рассказывать.

Сестра, желая подготовить ее, начала издали, постепенно стараясь подойти къ тому, что было такъ горестно и ужасно. Она говорила о тысячахъ погибшихъ жизней, приводила примѣры ужасныхъ убій и страшныхъ ударовъ, поражающихъ цѣлыя семьи, и старалась убѣдить Ксенію Николаевну, что, какъ ни тяжело положеніе Владиміра Михайловича, оно все-таки легче, чѣмъ положеніе другихъ страдалицъ.

Ксенія Николаевна и слушала и не слушала ее. По временамъ слова скользили куда-то мимо, но живыя иллюстраціи ея рассказовъ, всѣ эти незнакомцы на костыляхъ, на носилкахъ и въ креслахъ, за которыхъ было такъ больно и горько, точно это были самые близкіе, самые знакомые люди, отлагали свои отраженія въ мозгу и запечатлѣвались памятью сердца.

Сестра была увѣрена, что она хорошо справилась съ своей задачей. Ксенія Николаевна встала, чтобы уходить, спокойная, не проронивъ ни слезинки и, пока сестра провожала ее, дѣловито обещавшая съ ней всѣ подробности переѣзда Владиміра Михайловича изъ лазарета домой.

Долго шла она отъ лазарета въшкомъ, погруженная въ свои думы. Она знала, что Владиміръ Михайловичъ безнадежный ками, ампутирована нога, ампутирована рука, и всегда будетъ страдать контуженный бокъ.

Знала она твердо еще одно: передъ ней большое дѣло, неотложное, не ждущее и

Их Императорския Высочества Великия Княжны МАРИЯ НИКОЛАЕВНА и АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА въ лазаретъ при Теодоровскомъ Государевомъ соборѣ, въ Царскомъ Селѣ.

Ген.-м. Ефимъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

IV.

Вечеръ подкрался, какъ всегда зимой въ Петроградъ, какъ воръ, неожиданно и коварно, и, какъ воръ, укралъ нѣсколько дневныхъ часовъ.

Горничная вошла въ комнату Ксеніи Николаевны, зажгла электричество и сказала: — Шестой часъ, барыня. На столь накрываютъ. Переодѣваться будете?

— Идите, Даша, мнѣ ничего не надо. Обѣдать подадите, когда проснется баринъ.

Ксенія Николаевна чувствовала себя усталой, но удовлетворенной и растроганной. Хотѣлось быть одной, совсѣмъ одной, отдохнуть наединѣ съ собой и думать, думать такъ, какъ не думала она никогда раньше, о томъ, чего и не подозрѣвала до того, и молиться и плакать. Гдѣ-то глубоко, на самомъ днѣ души ея, раскрылся источникъ отраднхъ и чистыхъ слезъ, ко-

Полковн. В. В. Алексѣевъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ. и Георгиевскимъ оружіемъ.

важное. И какъ только вспомнила она это, она заторопилась къ себѣ.

Времени оставалось такъ мало! Надо было приготовить комнату для Владиміра Михайловича и успѣть это сдѣлать сегодня, потому что завтра утромъ, тотчасъ послѣ докторскаго обхода, она возьметъ его къ себѣ.

дальшескіе глаза, и читались въ нихъ та- кія мучительные, жгучіе, полные безна- дежной печали вопросы:

— Кому нуженъ я въ несчастіи моемъ? Если прежде ты любила меня, то что, кромѣ жалости, могло остаться въ серд- цѣ твоемъ? Неужели въ увѣчи моемъ и

Полковн. Я. А. Сиверсъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ.

безобразіи моемъ ты можешь любить ме- ня? Неужели ты думаешь, что я не разга- даю великодушнаго притворства твоего, я не пойму, что чувству, которое могу воз- буждать, можетъ быть одно только имя: со- страданіе. И неужели ужасъ моего положе- нія должно отягчать еще сознаніе, что я омрачаю твою жизнь и дѣлаю тебя участ- ницей моихъ страданій?

Да, всѣ эти вопросы читала она въ гла- захъ Владиміра Михайловича. И что она могла бы отвѣтить ему на это? Развѣ мо- гла бы она ему сказать:

— Никогда я не любила тебя. Никогда! И когда ты былъ здоровъ, красивъ и по- лонъ силъ, и женщины заглядывались на тебя, я только тиготилась тобой и говори- ла себѣ, что ты не тотъ, съ кѣмъ могла я быть счастлива. Но теперь, теперь я на- шла тебя. И если любовь—желать от- дать жизнь свою тебѣ, и въ этомъ видѣть смыслъ жизни своей,—то я люблю тебя. Если любовь—не желаетъ ничего иного, кромѣ спокойствія и счастья твоего,—то я люблю тебя. Если любовь—знать, что мнѣ хорошо, когда хорошо тебѣ, и больно, когда больно тебѣ,—то я люблю тебя.

Но ничего этого теперь нельзя сказать ему. Ибо и словъ такихъ, настоящихъ, истинныхъ выразителей того, что чувству- етъ и переживаетъ душа,—нѣтъ и не мо- жетъ быть. Но и безъ словъ онъ пойметъ это. Не можетъ же онъ не замѣтить совер- шившагося чуда,—а. вѣдь оно совершилось. Точно прозрѣла душа ея, и передъ ней рас- крылся тайный смыслъ людей и вещей, и все стало иное. И самая эта комната, и всѣ квартира ея преобразились. И ужъ теперь не кажется ей, что вокругъ нея холодъ, пустыня и одиночество. И ужъ не тянетъ ее въ безпечную, нарядную толпу, въ блескъ огней, въ шумъ пустозвонныхъ рѣ- чей. Не потому ли, что въ одной изъ ком- натъ поселилось страданіе и воздвигся алтарь его?

Изъ передней донеслись голоса и оторва-

Их Императорския Высочества Великия Княжны МАРИЯ НИКОЛАЕВНА и АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА среди раненыхъ князейъ чиновъ.

Подполк. И. С. Пантел'евъ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.,
Георгиевскимъ оружіемъ и чиномъ пол- ковника.

ГЕОРГИЕВСКИЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Обѣдъ георгиевскихъ кавалеровъ 28 ноября въ Петроградѣ, въ Народномъ домѣ Императора Николая II. На торжествѣ было 16.000 георгиевскихъ кавалеровъ, не считая сестеръ милосердія и санитаровъ. Всѣхъ нельзя было помѣстить въ залахъ, и для обѣда заняты были еще гаражъ Народнаго дома и выстроена пристройка къ новому театру.

Сѣдфот. I. Оцула.

ли Ксенію Николаевну отъ ея размышле-
ній. Но прежде, чѣмъ она могла сообразить,
въ чѣмъ дѣло, дверь распахнулась, и на
порогѣ остановился Арутюновъ, какъ все-
гда, веселый и самодовольный.

— Какъ, вы еще не готовы?—вскри-
чалъ онъ.

Ксенія Николаевна поднялась съ мѣста.

— Какъ смѣете вы такъ врываться ко
мнѣ?—сдержанно произнесла она,—ухо-
дите!

— Но вѣдь будетъ прелесть и преин-
тересно...—началъ было Арутюновъ.

Онъ еще не ощущалъ той пронасти, ко-
торая лежала между нимъ и этой женщи-
ной.

Ксенія Николаевна повторила:

— Уходите!

Онъ съ недоумѣніемъ окинулъ закрытое
черное платье, простую прическу, блѣдное
и какъ будто не совсѣмъ знакомое ему ли-
цо, изъ глазъ котораго на него глядѣла чу-
жая ему душа, испугавшая его, а не та,
какую онъ желалъ.

Онъ поклонился и вышелъ.

Ксенія Николаевна проводила его взгля-
домъ, и казалось ей, что съ нимъ уходитъ
все ея прошлое, для нея такое уже дале-
кое и такое въ своей пустотѣ презрѣнное.

Маркъ Басанинъ.

Нѣтъ, не надо мечты... Пусть безумья
Замираютъ, какъ пѣснь безъ конца.
Что намъ въ томъ, что кружилась на
Что невольнo забилась сердца?

Жизнь—обманъ! Жизнь—миражъ!.. Мо-
жетъ снамъ доверить
Только тотъ, кто ребенокъ душой,
Кто во тьмѣ не усталъ отблескъ свѣта
Полный юною грезой одной.

А для насъ, что томилась средь скуки
тревогъ,
Пѣсни сказокъ замолкли давно,
Мы случайно сошлись къ перекрестку
И томить насъ раздумье одно...

И когда мигъ безумья насъ сблизитъ
готовъ,
Дать намъ лучъ средь ночной темноты,
Вспоминаемъ мы горечь прошедшихъ
И твердимъ:—«Нѣтъ! не надо мечты!»

И уйдемъ съ перекрестка въ безвѣстную
даль,
Въ тьмѣ земной, мучась сердцемъ года,
И поймемъ мы душой, что измучитъ
печаль,
Какъ намъ счастья мигъ невозвратнаго
жалъ,
Какъ оно было близко тогда!

Кн. Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.

О „подтягиваніи“.

Историческая справка о вредномъ пере-
житкѣ старины.

Въ некоторыхъ военныхъ и привилеги-
рованныхъ гражданскихъ учебныхъ заведе-
ніяхъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ суще-

НА ВОЙНѢ. — Перестрѣлка черезъ рѣчку.

стывает давно укоренившийся обычай особенного отношения болѣе старших товарищей къ новичкамъ и къ младшимъ. Обычай этотъ, — описание его особенностей и разновидности не можетъ доставить никакого удовольствія, и я за это не берусь, — носитъ въ разныхъ мѣстахъ разнообразныя названія: «подтигиванія», «пуканія», «продорживанія», «выправки» и т. п. Младшіе товарищи или новички именуется «звѣрями», «козерогами», «душными хвостами», иногда «сарматами», «вандалами», «камчадалами» и т. п. Сторонники подобныхъ обычаевъ (есть и такіе!) ссылаются обыкновенно на то, что происхожденія они стариннаго, имѣютъ свою традицію, вошли издавна въ нравы. И это правда... Но, кажется, защитники этихъ переживаній плохо взвѣшиваютъ сущность этихъ «традицій» и «нараволь»...

Средневѣковая жизнь, когда еще складывалась западно-европейская цивилизація, была полуварварской, полудикой. Но стремленіе къ знанію и свѣту, поддерживаемое христіанствомъ, никогда не затихало въ ней. Сначала средневѣковые монастыри, а потомъ школы давали выходъ этому стремленію. Уже ко второму тысячелѣтію христіанства въ Западной Европѣ существовало много великихъ школъ, а въ XII вѣкѣ появились и расадники высшаго знанія — университеты. Учащіеся въ нихъ были по преимуществу бѣдняки: феодалы и рыцари, люди достатка, отвлекались болѣею частью другими интересами и дѣлами.

Въ города, прославившіеся своими учеными и школами, стекались тысячи молодежи. Были среди нихъ и люди возрастные, желавшіе поучиться; иногда ими руководило стремленіе при посредствѣ науки пробить себѣ дорогу въ жизни, иногда побуждало вѣчно и немолчно присущее человѣку исканіе истины...

Но какъ было прожить этимъ учащимся, какъ устроиться въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей? Въ средніе вѣка, когда еще понятія о правахъ каждаго отдѣльнаго человѣка были развиты весьма слабо, жить въ чужомъ мѣстѣ было небезопасно и жутко. Люди соединились въ группы, общества, союзы, чтобы поддерживать и защищать другъ друга. Такъ сложились между другими и компаніи, общежитія (интернаты) учащихъ въ высшихъ школахъ, «студентовъ», какъ ихъ называли уже тогда (отъ латинскаго слова *studeo* — занимаюсь). Эти общежитія получали въ разныхъ странахъ разные названія: такъ, въ Англіи они назывались *колледжами* (отъ латинскаго слова *collegium* — товарищество, общество, цехъ), въ Германіи — *бурсами*. Последнее названіе подобныхъ интернатовъ перешло потомъ и въ наши русскія духовныя школы. Слово «бурса», — въ переводѣ мѣшокъ для денегъ, кошелекъ, — означало денежную сумму, даваемую для расходовъ каждаго члена общежитія. Въ этихъ бурсахъ, гдѣ жили рядомъ и старшіе, и младшіе студенты, куда принимались и новички, искатели знанія, выработались своеобразные обычаи общежитія, соответствовавшіе грубымъ нравамъ времени и некультурности средневѣковаго общества. Между прочимъ, одинъ изъ главныхъ, вполнѣ традиціонныхъ, обычаевъ былъ приемъ или посвященіе новичковъ въ жизнь бурсы. Обычай этого «приема» возникъ во Франціи уже въ XIV вѣкѣ, т. е. мѣтъ за штырьсотъ-шестьсотъ до нашего времени, вскорѣ перешелъ въ Германію, гдѣ получилъ повсемѣстное распространеніе, а въ XVII вѣкѣ проникъ, вмѣстѣ съ развитіемъ школьнаго дѣла черезъ духовныя школы, и къ намъ. Обычай этотъ въ разные вѣка и въ разныхъ странахъ, конечно, видоизмѣнялся, но въ общемъ сохранилъ однообразный характеръ. Онъ назывался — «снятіе роговъ» (*depositio cornuum*) съ новичковъ, вступающихъ въ университетъ и

НАШИ СОЮЗНИКИ.

— «Савоя» — Агата знаменитыхъ итальянскихъ берсальеровъ. Сх. рис. А. Бланчини (A. Bianchini).

примыкающихъ къ какому-нибудь интернату — бурсы.

Объясненіе значенія его вполнѣ соответствуетъ грубо-наивнымъ возрѣніямъ средневѣковаго человека: тотъ, кто идетъ на работу, вступаетъ въ университетъ, жилъ-де раньше на волю, какъ *полевое животное* (*pecus campi*), или какъ дикое *звѣрье съ рогами* (*bestia cornuta*)... Надо, поэтому, при вступленіи въ новую жизнь освободить его отъ этихъ роговъ, надо, чтобы онъ оставилъ свои прежніе полевые или дѣсные нравы, приобщаясь къ культурной университетской жизни: тогда только онъ и можетъ сдѣлаться настоящимъ студентомъ. Такого новичка въ средніе вѣка называли *пенноломъ* (отъ латинскаго слова *penna* — перо), — надо полагать оттого, что новички усердно счищали перьями, въ началѣ записывая старательно все, что ни услышатъ на лекціяхъ, а также *беаномъ* (птенцомъ)*. Впоследствии составилась и агрономическая, объясняющая последнее слово *beanus*:

Beanus — Беанъ
est — есть
animal — животное,
nesciens — не знающее
vitam — жизни
studiosorum — студентовъ.

Обрядъ «снятія роговъ» былъ такой. Только что поступилъ въ бурсу новичокъ и перебрался въ свое помѣщеніе, какъ вдругъ, неожиданно, стремительно, съ шумомъ врываются къ нему два старшихъ товарища:

* Въ нѣмецкихъ университетахъ позднѣе новичковъ называли *Fuchs* — лисъ.

варница, которымъ предстоитъ быть воспріимниками «пеннала». Они показываютъ видъ, что обнюхиваютъ воздухъ, кричатъ, будто чувствуютъ, что тутъ нахлѣтъ какимъ-то нечистымъ существомъ, которое отравляетъ общество своимъ пребываніемъ. А!.. Оно и понятно, откуда идетъ отвратительный запахъ. Вѣдь тутъ звѣрь, — звѣрь рогатый. Оба студіоза ругаютъ его, на чемъ свѣтъ стоитъ, схватываютъ и ведутъ къ «очищенію». Для этого обряда собирается вся бурса во главѣ со своимъ магистромъ-старшиной.

Начинается «снятіе звѣриныхъ роговъ» и «очищеніе отъ звѣринаго запаха». Роль новичка выполняются водой, снабженной растеніями съ неприятнымъ вкусомъ и запахомъ, ему даютъ проглатывать мази и пизюлы, приготовленныя изъ горячей мерзости, дѣйствуютъ щипцами для выдергиванія зубовъ и вытягиванія роговъ, пилами для отпиливанія ногтей, ножницами для стрижки волосъ (для подобныхъ случаевъ были въ запасѣ деревянные поддѣльные инструменты) и т. п. Затѣмъ «очищающіе» предлагаютъ двусмысленные вопросы и за неудовлетворительные отвѣты и неаходчивость награждаютъ новичка пощечинами. Вотъ, для примѣра, одинъ изъ подобныхъ многочисленныхъ вопросовъ:

— Сколько блохъ входитъ въ ведро?
— Не могу сказать... Должно быть очень много тысячъ!
— Врешь... Онѣ не входятъ, а вскакиваютъ! и т. п.

Обрядъ «снятія роговъ» заключался цѣлованіемъ «въ благодарность» руки бѣдномъ у «очищавшихъ», а затѣмъ общей товарищеской пирушкой студіозовъ, — конечно, на счетъ вновь поступающаго.

Этимъ обрядъ оканчивался, но не оканчивались злоключенія бѣднаго «пеннала». Онъ на годъ прикомандировывался къ одному изъ старшихъ учащихся, въ качествѣ слуги (*famulus*). Господинъ (*patronus*) могъ пользоваться всѣмъ, что имѣлъ пожиточекъ. Патронъ заставлялъ его прислуживать себѣ за столомъ, чистить бѣлье, платье и обувь, доставать огня, заботиться о немъ послѣ обильныхъ товарищескихъ возліаній и т. д. Черезъ годъ такого искуса бѣанъ, наконецъ, превращался въ настоящаго студента и становился самъ патрономъ по отношенію къ «звѣрямъ», — послѣдующимъ новичкамъ...

Такимъ образомъ, эти дикія въ наше время отношенія старшихъ учащихся къ младшимъ, это «подтигиванье», «пуканье», особенно чѣсто практикующееся въ военныхъ школахъ, идеть изъ глубокой средневѣковой старины, является пережиткомъ полуварварской жизни и характеризуетъ полудикіе нравы средневѣковаго общества. Эти переживанія ничего общаго ни съ военнымъ сословіемъ, ни съ рыцарскими отношеніями, какъ первообразомъ военно-сословныхъ отношеній, не имѣютъ. Существованіе и даже поддержка, «традицій» подтигиванья, продорживанья и т. п. — явное и печальное недоразумѣніе.

Николаевскій.

Литературныя замѣтки.

Неудачная книга*.

Русская «штатская» публика очень мало осведомлена о военныхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ. Въ противоположность Германіи, дѣлѣвшей культъ войны, у насъ за послѣдніе полвѣка установился уже слишкомъ «мирный», слишкомъ благодушный и, что грѣхъ таить, слишкомъ поверхностный взглядъ на войну. Вѣдь еще недавно мы были увѣрены, что эпоха вѣчнаго мира близка, при дверяхъ, и были готовы перековать мечи на оралы. Такъ какъ теперь ясно, что правдоподобнѣе обратное превращеніе, и во всякомъ случаѣ человечеству еще долго придется испытывать водительство «мужебойца» Ареса, то въ русскомъ обществѣ пробудился естественный интересъ не только къ текущимъ военнымъ событіямъ, но и къ войнѣ «вообще» — къ основамъ и законамъ военнаго искусства, къ его современному положенію.

Удовлетворить этой потребности необходимо и поэтому въ принципѣ весьма желательное появленіе популярнаго изданія по военному дѣлу. У насъ въ этой области нѣтъ ничего или почти ничего — и работы тутъ непочтатый уголь. Германія — лучший примѣръ всего значенія подобной популяризаціи.

Но только, не дай Богъ, если эта популяризація выльется въ такой формѣ, какъ въ книжкѣ г. Шумскаго! Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе небрежное. Берешься за книжку съ довѣріемъ, зная автора за одного изъ постоянныхъ военныхъ обозрѣвателей нашей прессы, — и что же находишь? Г. Шумскій просто перепечаталъ, собравъ въ кучу, свои газетные разборы, не потрудившись даже дополнить ихъ позднѣйшими свѣдѣніями, или хотя бы исправить сообразно этимъ послѣднимъ. Книжка, выходящая въ концѣ 1915 го-

* К. Шумскій. «Очерки мировой войны на сушѣ и на морѣ». Изд. Марксъ. 1915. Стр. 252. Цѣна 1 р. 50 коп.

Полицейскій. — Пойдите, пойдите! Онъ говоритъ, что вы первый его ударили. Рабочій. — А хоть бы и такъ? Онъ меня оскорбилъ, какъ самую последнюю скотину: онъ назвалъ меня «кайзеромъ»!

Рис. Т. Генри (T. Henry).

да, отвечает в сущности положению вещей в концѣ 1914 года или, самое крайнее, началу нынѣшняго года! Галиція здѣсь все еще занята Русскими, Нѣмцы не предпринимали никакого общаго наступленія на Россію, въ Дарданеллахъ не происходитъ никакихъ операцій и даже Австрійцы не наступали еще въ первый разъ на Сербію!.. Такимъ образомъ мы читаемъ что-то безконечно устарѣлое, совершенно не отвечающее дѣйствительному положенію вещей на войнѣ, и всѣ заключенія и выводы автора звучатъ какимъ-то оскорбительнымъ анахронизмомъ.

Странно читать теперь, напримѣръ, послѣ Ковны и Новогеоргиевска, о полной несостоятельности новозобрѣтеннаго нѣмецкой стратегіей «ускореннаго способа» (генерала Зауэра) взятія крѣпостей. Какъ писать, послѣ тѣхъ печальныхъ событій, что этотъ способъ «хорошъ въ теоріи, а на практикѣ совсѣмъ непримѣнимъ» (стр. 57)! Какъ увѣрять, будто усиленный огонь орудій крупнаго калибра не играетъ рѣшительной роли при взятіи крѣпостей, когда мы всѣ еще помнимъ результаты тако-го нѣмецкаго огня?

Неужели сколько-нибудь серьезны утвержденія автора, будто огромное число орудій, какимъ располагаетъ германская армія, «крайне невыгодно» (?), и будто «Нѣмцы на опытѣ убѣдились, что принятое ими число орудій—160 въ корпусѣ—абсолютно непрактично»? Что же, однако, и дѣлали за весь этотъ годъ союзники, какъ не старались догнать и перегнать нѣмецкую цифру, и, когда это удалось Франціи, ее военный министръ доложилъ объ этомъ палатѣ, какъ объ ободряющемъ успѣхѣ. Впрочемъ, статьи г. Шумскаго написаны такъ невнимательно, что на одной и той же страницѣ (34) онъ увѣрять, будто «количество орудій во всѣхъ арміяхъ болѣе или менѣе одинаково», и тутъ же, нѣсколькими строками ниже, признаетъ: «Такого большого числа орудій (какъ германская) не имѣетъ ни одна армія!» А читатель разбирайся, какъ знаешь, въ этой путаницѣ.

Вся книжка пронитана тѣмъ легкомысленнымъ оптимизмомъ, за который такъ дорого приходится расплачиваться въ трудныя минуты отечественной исторіи. Нѣтъ, русская публика не нуждается въ томъ, чтобы ей изображали нѣмецкую стратегію, какъ «поверхностную» (стр. 74), чтобы современные германскіе военачальники характеризовались лишь, какъ маленькіе Мольтке—въ противоположность тому великому Мольтке, котораго авторъ вдрогъ полагалъ зачѣмъ-то въ «Датчанины» (стр. 49)! По происхожденію герой Седана былъ естественно (національные герои не бывають иноземцами) Нѣмцемъ (изъ Мекленбурга) и связанъ съ Даніей лишь воспитаніемъ и первоначальной службой. Эта «шалость», ради озадаченія читателя, очень типична для отношенія г. Шумскаго къ своему дѣлу.

«Спусти рукава», съ которымъ выпущена книжка, доходитъ до того, что параграфъ 27 («Что могутъ сдѣлать Нѣмцы съ Парижемъ?») такъ и сохранилъ въ себѣ будущее время всѣхъ глагольныхъ формъ, какъ онъ былъ написанъ, очевидно, въ августѣ 1914 года, когда Нѣмцы подходили къ Парижу! Г. Шумскій серьезно разсуждаетъ, будутъ ли Нѣмцы штурмовать Парижъ или осаждать его, какъ будто мы до сихъ поръ не знаемъ исхода ихъ наступленія. Болѣе безцеремоннаго отношенія къ публикѣ и собственной работѣ нельзя себѣ и представить!

П. Перловъ.

ИЗЪ АЛЬБОМА НАРИКАТУРЪ И ШАРЖЕЙ Н. Г. ЛЕГАТА.

Еалерина М. Ф. ИШЕСКИНА и артистъ Императорской балетной труппы М. М. ФОНИНЪ.

Политика Ренессанса *

Объемистое сочиненіе известнаго историка Флоренціи и ее культуры, П. Виллари, вышедшее пока въ русскомъ переводѣ однимъ томомъ (въ подлинникѣ двѣ части въ трехъ томахъ), представляетъ для русскаго читателя интересъ, главнымъ образомъ, постольку, поскольку оно даетъ, во-кругъ главнаго своего героя, общую картину эпохи Возрожденія. Сама по себѣ фигура Маккиавелли едва ли можетъ быть такъ интересна для насъ—людей слишкомъ иной эпохи и нравовъ,—кромѣ, конечно, специалистовъ, которымъ, однако, доступенъ подлинникъ сочиненія Виллари (или, по крайней мѣрѣ, англійскій его переводъ). Въ этомъ отношеніи, въ своемъ выборѣ издательство «Грядущаго дня» отражаетъ, повидимому, личную увлечен-

ность редактора (А. Л. Вольинскій), посвятившаго немало собственнаго труда изслѣдованіямъ Ренессанса. Здѣсь приходится уже не въ первый разъ убѣждаться въ некоторой случайности направленія нашей переводной литературы. При выборѣ слишкомъ часто имѣется въ виду отвлеченный интересъ темы (моментъ всегда субъективный)—безъ отношенія къ «нашимъ» потребностямъ и естественнымъ влеченіямъ русской публики.

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы»... Или, вѣрнѣе, что совершенно естественно для Италіи, которая чтитъ въ Маккиавелли крупнѣйшаго своего (какъ-никакъ) политическаго мыслителя, то для Россіи должно быть взято въ иной перспективѣ и подъ соответствующимъ мѣсту и времени угломъ зрѣнія.

При всей психологической характерности и исторической значительности своего мышленія, Маккиавелли не принадлежитъ къ числу тѣхъ «свѣточей человѣчества», для которыхъ исчезаютъ всякія границы. Это (чтобы брать итальянскіе же примѣ-

ры) не Данте, не Петрарка, не Микель-Анжело и другіе того же «роста»...

За послѣднія десятилѣтія интересъ къ «перfidному» секретарю Флорентійской республики былъ сильно подогрѣтъ увлеченіемъ Ницше и связанными съ его проповѣдью симпатіями. Но пора бы уже нѣсколько разбраться въ этомъ вопросѣ. И самъ Ницше есть, въ общемъ, герой на часъ, требующій пресловутой «переоцѣнки», прежде всего, для самого себя. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о безмѣрно раздутой, именно его перомъ, личности ничтожнаго Цезаря Борджіа, съ которой связано, какъ известно, созданіе главнаго книги Маккиавелли. Самъ авторъ «Государя» (этотъ терминъ лучше передаетъ смыслъ итальянскаго «Il principe», чѣмъ выбранное переводчикомъ слово «князь»), разочаровался въ герцога Валентино еще при его жизни, послѣ презрѣннаго его паденія, когда смерть папы-отца отняла дѣйствительный источникъ его силы. Это разочарованіе обстоятельно отмѣчаетъ Виллари. Если же, тѣмъ не менѣе, флорентійскій хитрецъ счелъ вполне возможнымъ выставить въ своей книгѣ идеаломъ сильнаго властителя того самаго неудачника, о которомъ онъ писалъ непосредственно послѣ паденія, что его постигла достойная кара «за грѣхи», то въ этомъ любопытномъ противорѣчій возможно, пожалуй, найти соблазнительный аргументъ для рѣшенія все еще нерѣшеннаго спора объ искренности, съ какою написанъ «Государь».

Защитники «маккиавеллистическаго» истолкованія книги, какъ явной проповѣди и тайнаго обличенія тираніи, могли бы сослаться на эту лукавую идеализацію въ качествѣ доказательства, что въ душѣ знаменитый Флорентіецъ остался столь же вѣрнымъ свободѣ, какъ во дни своего служенія республикѣ, и коварно заводилъ своихъ новыхъ господъ, возвращенныхъ Медичи, на путь, на которомъ уже однажды наблюдалъ грандіозное крушеніе. Къ сожалѣнію, передъ Виллари не возникаетъ такая гипотеза, и вопросъ о дѣйствительныхъ идеалахъ Маккиавелли остается въ его книгѣ мало освѣщеннымъ.

Нужно сознаться, однако, что сильнѣйшимъ «опорачивающимъ» флорентійскаго политика обстоятельствомъ остается та убѣжденная страстность и пронизательная хитрость, съ какими написанъ «Государь». Очень понятно стремленіе къ моральной апологіи, съ которыми подходятъ къ фигурѣ Маккиавелли современные, выросшія на той или иной моральной идеологіи изолѣдователи (ибо даже въ «перевернутой» апологіи Ницше мы имѣемъ все же моральную оцѣнку sui generis). Но вѣрнѣйшее сужденіе о дипломатѣ-политикѣ Ренессанса высказалъ бы, можетъ быть, тотъ, кто взглянулъ бы на него, какъ на естественнаго философа эпохи: было бы, въ самомъ дѣлѣ, странно, если бы время и страна, выставившая цѣлый рядъ такихъ фигуръ, какъ Эччелино Спирринъ, папа Александръ VI, его достойный сынъ и другъ, не нашла, наконецъ, для себя и соответствующаго идеолога. Въ исторіи вѣнца Маккиавелли, съ какими бы личными цѣлями она ни писалась, остается такимъ же памятникомъ времени, по которому угадывается его духовная структура, какъ остатки «ископаемыхъ» для геологическихъ эпохъ.

Издана книга прекрасно (хотя красивый шрифтъ утомителенъ для глазъ). Цѣна сравнительно очень невысока. Но все же: если выбрать Маккиавелли, насколько лучше было бы дать переводъ самой его книги?

К.—скаф.

Артистъ Императорской оперы теноръ И. А. АЛЧЕВСКІЙ послѣ его триумфовъ въ Америкѣ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

УРАЛЬСКИЕ Драгоценные Камни
 А. Ю. ПИЛСУДСКИЙ.
 НЕВСКИЙ, 96 (уголь Надеждинской).
 Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Прием и быстрое выполнение заказов на всевозможные ювелирные изделия.
 Художественная работа. Цены вт конкуренции.
 Телефонъ 168-95.

Уральская яшма.
 ЮВЕЛИРНЫЯ ВЕЩИ.
 Пушкинская, д. II.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХ БОЛЕЙ
 ишаса, простудных и рвматическихъ болей, да-ать Кефалдоль Дра Стора. Отпускается изъ вѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Еженедѣльн. иллюстриров. журналъ (38-й г. изд.). ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

«РОДИНА» на 1916 г.

ПОДПИСКА на 1916 г. приним. по ТРЕМЪ АБОНЕМЕНТАМЪ, дающимъ РАЗНОЕ КОЛИЧЕСТВО КНИГЪ при одномъ неизмѣн-номъ числѣ выпусковъ ЖУРНАЛА.

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й
 257 ВЫПУСКЪ. 52 в. журн. „РОДИНА“ 52 в. „ВСЕМИР. ОБОЗРѢН.“ 52 в. „НЕДѢЛЯ ВОИНЫ“ 52 вып. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ (около 3200 столбц. текста и св. 2000 иллюстр. воен. соб.) 12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, 12 №№ „НОВѢЙШИЯ МОДЫ“ 12 №№ листовъ ВЪ КРОЕКЪ, 12 №№ листовъ РИСУНКОВЪ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ РАБОТЪ и ТАБЕЛЬ - КАЛЕНДАРЬ 1916 года.

52 КНИГИ РОМАНОВЪ повѣстей, разсказовъ, очерковъ и проч., а именно: 22 КНИГИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ „русскаго Дома“—извѣстн. историка-беллетриста, князя **М. Н. ВОЛКОНСКАГО** 12 книгъ бытовыхъ романовъ **Н. СЕВЕРИНА** 18 книгъ повѣстей, разсказовъ, стихотвор. СОВРЕМЕН. ПИСАТЕЛЕЙ **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“** ДВѢ КАРТИНЫ-ПРЕМИИ „ЧЕИ ФАНТЪ?“ „ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ“ БОЛЬШОГО РАЗМѢРА **БЕСПЛАТНО** тѣмъ, кто до 15 апрѣля 1916 г. внесетъ ГОДОВУЮ ПЛАТУ За ГОДЪ 8 р. 50 к. съ пересылкой 9 р. РАЗСРОЧКА 3 р.

АБОНЕМ. № 2. 64 КНИГИ т. е. 52 ВЫШЕУКАЗ. КНИГИ и ЕЩЕ 12 книгъ иллюстр. СОБРАНИЯ **НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (ок. 1800 столбц.) на ВОЕННЫЯ и др. СОВРЕМЕН. темы, выдающ. автор. ПОДП. ЦѢНА АБОНЕМ. № 2—64 КНИГЪ и 257 вып. ЖУРН. и ПРИЛОЖ. За ГОДЪ 10 р. съ пересылкой 10 р. 50 к. РАЗСРОЧКА 4 р. безъ достав.

АБОНЕМ. № 3. 82 КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СЪБЪХЪ СОЧИНЕНІЯ (беллетристич. и философскія) **Л. Н. ТОЛСТОГО** ПОДПИС. ЦѢНА съ 257 вып. журн. За ГОДЪ 11 р. 50 к. съ пересылкой 12 р. РАЗСРОЧКА 5 р. Подп. програм-безъ достав.

Указанъ номеръ абонем., подписку адресов. Акціон. Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. НАСПАРИ, Петроградъ, Ляговская, 114. Отдѣл. конт. ПЕТРОГР., САДОВАЯ, 20 (3-й домъ отъ Невскаго). Въ МОСКВѢ—на ПЕТРОВСКИХЪ линіяхъ, у Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

ОЧИЩАЮ СТАРЫЯ КАРТИНЫ
 и гравюры, образа и реставрирую, награждаю ош. ешими наградами, худож. Л. О. БѢЛЫНСКИЙ, Большая Морская, 29, кв. 17. Телефонъ 476-81. Другого отдѣленія нѣтъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916-й годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельскаго хозяйства, коопераціи, промышленности и торговли.

Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1896 г.

2 Р. 20 К. ГОДОВАЯ ПОДПИСКА 2Р. 20 К. съ ПЕРВ. и ДОСТ.

Въ теченіе 1916 года подписчики получаютъ 40 номеровъ (Около 8-хъ листовъ каждый, что въ годъ составитъ томъ свыше 1900 страниц. текста съ иллюстраціями).

Сборникъ с. х. статей. Календарь „Хуторянинъ“ на 1916 годъ. (Около 200 страниц. текста съ массой рисунковъ и чертежей, цѣна въ отдѣльной продажѣ 25 к.) О сборникахъ издается свѣдѣніе лучше отъ насъ.

Выпускаетъ библиотечка „Хуторянина“.

„Великая Европейская война“. Еженедѣльное приложеніе (до 1/4 печатнаго листа, съ рисунками, портретами и картинами, что въ концѣ года составитъ иллюстрированную исторію войны, (въ объемѣ около 96 печатныхъ листовъ).

Кроме того всѣ подписавшіеся до 1-го января получаютъ Десять сортовъ сѣмянъ. Сѣмена заказаны въ однихъ изъ лучшихъ сѣмян. хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1-го января 1916 г.

Редакция журнала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ПРИСУЖДЕНА ТРИ ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ.

На южно-русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 г. изъ вѣхъ сель.-хоз. журн. только род. журн. „Хуторянинъ“ получилъ ЗОЛОТУЮ медали.

Специально избранная комиссія Одесскаго отд. Императорскаго Техническаго 0-ва признала издание чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія колхознаго крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающ. полнаго одобренія.

Журналъ „Хуторянинъ“ допущенъ въ безпл. библиотечки-читальни и въ библиотечки сельско-хоз. учебныхъ заведеній Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г. Тринадцатый годъ изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО. Еженедѣльн. иллюстр. журналъ практическ. садовод. и огородн. Изд. Н. П. СОННИНЪ. Ред. В. В. ШТЕЙНСЕРГЪ.

52 №№ ЖУРНАЛА съ многочисленными иллюстраціями. Въ теченіе года помещается около 1.200 практическихъ статей и обстоятельн. отвѣтовъ практиковъ и специалистовъ на вопросы по вѣхъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Описание новинки по садоводству. Въ числѣ номеровъ журнала будутъ даны слѣдующіе иллюстрированные спеціальные номера:

- 2 НУМЕРА РУССКОЕ ОГОРОДНОЕ и ЦВѢТОЧНОЕ СЪМЯНОВОДСТВО.
- 2 НУМЕРА ПОЛЕЗНЫЕ СОВѢТЫ и РЕЦЕПТЫ САДОВОДЪ-ПРАКТИКЪ.
- 2 НУМЕРА КУДА и КАКЪ ВЫГОДНѢ СБЫВАТЬ СЪДОВЫЕ УРОЖАИ.
- 2 НУМЕРА ЗДОРОВОЕ ПИТАНИЕ ОВОЩАМИ и ПЛОДАМИ ВЕГЕТАРИАНСКИЙ СТОЛЪ. ДЕШЕВЫЯ БЛЮДЪ.

12 КНИГЪ САДОВАЯ БИБЛИОТЕКА съ рисунками и чертежами.

- 1) Какъ правильно посадить плодое дерево. М. Рычкова.
- 2) Лучшіе опрыскиватели для сада и огорода. К. И. Деву.
- 3) Культура ананасовъ простѣйшимъ способомъ. К. Шулца.
- 4) Новѣйшіе сорта рапъ и укрова въ южн. П. Штейнберга.
- 5) Культура помидоръ, баклажнъ и мало известнаго агоннаго растенія. 6) Гуртовое хозяйство винограда въ суровыхъ мѣстностяхъ. В. Т. Макарова.
- 7) Культура табака и приготовленіе табачнаго экстракта. М. С. Балабанова.
- 8) Сѣменное цвѣтоводство. Руководство къ выведенію лучшихъ цвѣточныхъ сѣмянъ. С. Казова.
- 9) Хризантемы и ихъ культура. Ю. Дамыченко.
- 10) Интросенныя растенія и ихъ культура. Растенія—барометры, предвѣщающія погоду; стрѣлюющія растенія; растенія, питающіяся насекомыми и т. д. К. К. Сербукова.
- 11) Новые способы культуры огородныхъ растеній, дающіе отличные результаты. П. Н. Штейнберга.
- 12) Звѣзда плодочныхъ деревьевъ и агонныхъ кустовъ, живущихъ отъ вредителей (зайцевъ, крысъ, мышей, птицъ и др.). П. Н. Штейнберга.

5 полныхъ иллюстрирован. руководствъ:

- 1—2. Какъ устроить доходный огородъ. Полное руководство. Съ рисунками. Въ 2 большихъ томахъ. Т. Гурванова.
3. Плодовый садъ любителя. Особые приемы любительскаго плодочества. Съ рисунками. Сост. практик.-садоводъ В. Дочевъ.
4. Ягодныя культуры. Новѣйшее руководство по культурѣ земляники, малины, смородины, крыжовника и ежевики. Съ рисунками. И. И. Гичурова.
5. Безалкогольное винодѣліе. Полное практическое руководство къ приготовленію безалкогольныхъ соковъ и винъ, разрѣшенныхъ повсемѣстно къ продажѣ, изъ плодовъ, ягодъ и винограда. Съ рисунками. Т. К. Абрамцева.

2 КАПИТАЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ—АЛЬБОМА:

1. **НОВѢЙШІЕ ЦВѢТНИКИ.** Роскошн. альб. новѣйш. узоровъ, ковровъ, раст., съ подробн. описан. устройства цвѣтн. и посадки раст. Ок. 500 рис. Сост. К. Гелце.
2. **ОБРАЗЦОВАЯ УСАДЬБА САДОВОДА.** Подробный проектъ въ краскахъ небольшой образцовой усадьбы (жилой домъ, въ 3 необходимыхъ постройки, распланировка сада и огорода съ парниками, теплицами и т. п.). Сост. техн. О. Мосоловъ.

Кромѣ того, будетъ дана **КАЛЕНДАРЬ САДОВОДА на 1916-й г.** **НАСТОЛЬНАЯ КНИГА**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложеніями, съ доставкой и пересылкой по вѣхъ Россіи **5 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб. и въ 1 мая остальные 2 руб.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стрѣлиная ул., № 12, собств. домъ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.
 Электрич., безъ красокъ, 12 р. 50 к.
 СЪЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.
 Петроградъ, Морская, 88.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ продается романъ **М. ЛЕВЛАНЪ**
Необычайныя поключенія Арсена Люпэна
 Изданіе 8-е Цѣна 50 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА въ 1916 г. НА ЛУЧШІЙ ВЪ РОССІИ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ **ВѢСТНИКЪ МОДЫ** (Петроградъ, Иг. дѣльнская 16).

Переводъ французскаго журнала La Mode pratique. Выходитъ въ 5-ти изданіяхъ и даетъ: 24 модныхъ №№ (около 8000 рис. въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалета) и 24 №№ рукодѣлій (около 400 рис. съ узорами въ вѣ натуральную величину); 24 выкройки листовъ (около 500 выкроекъ въ годъ); 24 вырѣзныя выкройки; 6 раскрашенныхъ узоровъ и 2 преміи: 1) устройство квартиры. Соч. Гелце и 2) Альбомъ мерзетокъ. Кромѣ того 1-ое изданіе получаетъ 24 вырѣзныя выкройки; 2-ое — 12 раскрашенныхъ модныхъ картинокъ; 3-ое — 48 раскрашенныхъ карт. и 4-ое — 98 растр. карт.

Въ программу журнала входятъ: романы, биографіи съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей; кухни, домоводство, гигиѣна и косметика и др. подъ редакціей специалистовъ.

Цѣна въ годъ: I изд. 6 р., II — 7 р., III — 9 р., IV — 14 р., V — 28 р. Есть подписка на 1/2 г., 1/4 г. и съ разсрочкой.

Здѣсь-же принимается подписка на журналъ „ДѢТСКАЯ ПЛАТЬЯ и БѢЛЫЕ“ 12 номеровъ въ годъ съ 12 вырѣзными выкройками и 12 выкроичными листами. Цѣна въ годъ 2 р. 50 к. и журналы: „БѢЛЫЕ и ВЫШИВКИ“ дающій кромѣ бѣлыхъ родовъ руководствъ, всѣ съ узорами въ натуральную величину, 6 №№ въ годъ. Цѣна 1 р. 75 к.

МІРЪ ТАИНСТВЕННОГО.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА (содержитъ около 800 полнѣйшихъ фокусовъ). Открытіе тайнъ черной и бѣлой магіи, спиритизма и разоблаченіе его явленій. Составлена по лучшимъ новѣйшимъ и древнѣйшимъ руководствамъ.

Краткое содержаніе. Магическіе и спиритическіе поразительные фокусы: говораше, стучаше, ходящія статуи и проч. Самые простыя способы безъ всякихъ аппаратовъ угадывать мысли другихъ лицъ или, сидя въ завѣсанныхъ глазахъ въ другой комнатѣ, точно и безошибочно узнавать, какіе предметы находятся въ карманѣ у совершенно незнакомаго зрителя, сколько у кого въ карманѣ денегъ и какъ кого зовутъ. Угадать имя женка или невѣсты, или кто кого любитъ. Показывать тѣни привидѣній железякъ, хоти бы эти лица были въ отсутствіи за нѣскольکو тысячъ верстъ или уже умерши. Масса карточныхъ фокусовъ, легко исполнимыхъ. Эти необыкновенные фокусы, въ изученіе приводящіе, дѣлаются безъ всякихъ аппаратовъ. Умертвить живого пѣтуха и оживить его. Препаративъ амьбу въ палку, а воду—въ вино. Таинства и секреты магіи: индійское искусство брать раскаленное желѣзо голыми руками, воткнуть гвоздь въ языкъ, прогнать себя на коловъ шпалогъ, показывать отрубленную голову и сдѣлать себя неуязвимымъ. Искусство дѣлать деньги изъ воды. Наполнить мгновенно квартиру у водой или туманомъ. Волшебный тавецъ монеты и масса другихъ поразительныхъ фокусовъ. Разоблаченіе и объясненіе знаменит. театральнаго фокусовъ и подробное излаганіе, какъ ихъ дѣлать. Открытіе тайнъ древнихъ египетскихъ и персидскихъ магич. магич. явленій, профессоромъ Галлекомъ. Угадываніе мыслей по способу спирита Галлема. Во время и-полненія фокусовъ каждаго домъ можно препаративъ въ заколдованную замость и много др. Полнѣйшее новѣйшее 28-е значительно дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 25 к. (8 н.).

Складъ изданій: П. ГОМИСАГЕИКО, Москва, Уланскій пер., 30—113, КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14282

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 12-го (25-го) ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА.

№ 14282

НА ВОЙНѢ.

Латыши подъ Березюнде.

Рис. А. Пржецлавскій (участникъ войны).

У Владиміра Николаевича Давыдова.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

1.

— Драматическія школы?! — Конечно, онѣ могутъ принести известную долю пользы начинающимъ артистамъ, — сказалъ мнѣ Владиміръ Николаевичъ, — но только лишь въ томъ случаѣ, если ими руководятъ дѣйствительно знающіе и талантливые люди. Въ мое время такихъ школъ не существовало, или, если хотите, то была одна школа, но школа «безъ выѣски»: — самъ театр, сама сцена! И какая прекрасная была это школа: чему-чему только нельзя было въ ней научиться: и играть, и пѣть, и танцевать, и даже... фокусы показывать!.. Вы думаете, что я шушу? — несколько, — дѣйствительно такъ это и было. Да это и понятно: давалась, напримѣръ, пользовавшаяся въ то время большимъ успѣхомъ полу-комедія, полу-оперетта: «Дочь второго полка»; и вотъ актерамъ приходилось въ ней и играть, и пѣть, и танцевать. До сихъ поръ я еще не забылъ, какъ распеваешь тогда: «Да, это онъ — нашъ полкъ родной!» Надо вамъ сказать, что въ тѣ годы у меня былъ очень хорошій голосъ — высокій баритонъ, — такъ, что я чуть было не сдѣлался даже опернымъ пѣвцомъ.

Но объ этомъ скажу вамъ послѣ. Въ пьесѣ «Дочь второго полка» приходилось производить намъ и разныя военныя упражненія: маршировать, дѣлать ружейныя приемы, ставить ружья въ козлы и тому подобное.

Конечно, приходилось все это репетировать. Съ этой пѣлью насъ, маленькихъ актеровъ, собирали въ театрѣ еще до начала

общей репетиціи, часомъ этакъ въ 9 утра, насъ, а мы оставались въ первомъ ряду, къ этому же времени приходили туда и на- стоящіе солдаты подъ командой фельдфе- беля съ двойнымъ комплектомъ ружей. Лишнія ружья вручали намъ, и мы начи- нали вмѣстѣ съ солдатами маршировать по сценѣ. Фельдфебель съ нами не церемонился и потому муштра получалась самая серьез- ная. На спектаклѣ солдаты становили позادي опернымъ пѣвцомъ.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ФРОНТѢ.

Генералъ Жоффрѣ раздаетъ награды за военныя отличія. Позади — награжденные офицеры, въ числѣ ихъ — одинъ аббатъ. На переднемъ планѣ — генералъ Жоффрѣ и новопеченный кавалеръ; онъ не въ состояніи скрыть свою радость.

Случилось это вотъ какъ.

Служилъ я въ гор. Орлѣ. Въ то время писалъ о театрѣ въ мѣстныхъ газетахъ из- вѣстный критикъ Александръ Филиппо- вичъ Христіановичъ. Христіановичу очень нравился мой голосъ.

Однажды приходитъ онъ ко мнѣ за ку- лисы послѣ моего пѣнія и говоритъ мнѣ: «Идите скорѣе, съ вами хочетъ познако- миться Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ». Я подумалъ, что онъ шутитъ, и, смѣясь, отвѣтилъ: «Такую важную персо- ну, какъ я, Рубинштейнъ и подозревать мо- жетъ».

Однако оказалось, что Христіановичъ не шутилъ: въ театрѣ, дѣйствительно, былъ Н. Г. Рубинштейнъ, который въ это время находился проездомъ въ Орлѣ.

Ему также очень понравился мой го- лосъ, и онъ пожелалъ со мною поознако- миться. Первымъ его вопросомъ, съ которымъ онъ ко мнѣ обратился, было: у кого я учился пѣть? — «Да ни у кого, отвѣчалъ я, — и пою просто по слуху».

— Быть не можетъ, — сказалъ мнѣ Ру- бинштейнъ, — вѣдь вы очень хорошо и пра- вильно поете, и притомъ даже съ орке- стромъ.

— А хотѣлось бы вамъ пѣть въ опе- рѣ? — продолжалъ онъ.

Я не зналъ, что ему отвѣчать, хорошо понимая, что для того, чтобы сдѣлаться опернымъ пѣвцомъ, надо много учиться, а для этого, въ свою очередь, потребовались бы большія денежныя затраты, что для меня являлось дѣломъ вполне невозмож- нымъ.

Сбравшись, однако, съ духомъ, я повѣ- далъ Рубинштейну всю правду.

— Ну, что касается до средствъ, — ска-

заль мнѣ Николай Григорьевичъ,—то объ этомъ не беспокойтесь: средства мы найдемъ. Нарочно для васъ я останусь еще на одинъ день въ Орлѣ. Подумайте хорошенько о моемъ предложении, а завтра приходите ко мнѣ обѣдать и дайте мнѣ окончательный отвѣтъ.

Что было мнѣ дѣлать? Какъ драматическій актеръ, въ то время я занималъ уже хотя и маленькое, но довольно прочное положеніе, и мѣнять его на темную и неизвѣстную будущность пѣвца мнѣ казалось дѣломъ крайне опаснымъ. А вдругъ я потеряю голосъ, или же мои музыкальныя способности окажутся недостаточными для того, чтобы пѣть въ оперѣ?..

Посоветовался я кое съ кѣмъ изъ моихъ друзей и рѣшилъ отказаться отъ предложенія Н. Г. Рубинштейна.

Мой отказъ произвелъ на него, видимо, очень непріятное впечатлѣніе.

— Дуракъ ты, дуракъ,—сказалъ онъ мнѣ сердито,—самъ отъ своего счастья отказываешься!..

На этомъ дѣло съ оперой и кончилось.

Оставшись въ драмѣ, я продолжалъ усиленно работать надъ собою. Выдвинуться въ тѣ времена было очень трудно. Какъ въ Москвѣ, такъ въ Петроградѣ и провинціи тогда былъ блестящій составъ артистовъ. Достаточно сказать, что въ московскомъ Маломъ театрѣ играли въ то время: Шумскій, Садовскій (Провъ Михайловичъ), Сосницкій, Самаринъ, Васильевъ (Сергій Васильевичъ), Васильева (Екатерина Николаевна), Медвѣдева, Никулина, Бороздина и со всѣмъ еще тогда молодыя Федотова и Ермолова. Даже на вторыхъ роляхъ были такіе артисты, какъ: Никифоровъ, Петровъ, Степановъ и артистки: Таланова, Рыкалова и др.

Въ Петроградѣ же въ это время отличалась блестящая плеяда Самойловыхъ: Василий Васильевичъ, Вѣра Васильевна, Надежда Васильевна, не говоря уже про Павла Васильевича Васильева, Монахова, Сазонова, Асенову, Монахову, Стрѣльскую и Линскую.

Не отставала отъ столицъ и провинція. Подумайте только, гдѣ тамъ играли тогда: Рыбаковъ, Никитинъ, Милославскій, Медвѣдевъ, Браво, Большаковъ, Варламовъ, Савина, Дубровина, Сахарова (мать артистки, играющей въ настоящее время въ театрѣ Народнаго дома Императора Николая II), Фанни Федоровна Козловская, Фабіанская, Гусева и друг.

Пріѣздъ гастролеровъ являлся для насъ, маленькихъ актеровъ, обыкновенно дѣльнымъ событіемъ. Труппа подтягивалась и въ то же время молодежь старалась учиться у нихъ играть. А поучиться у нихъ дѣйствительно было чему!

Само собою разумѣется, что, выступая вмѣстѣ съ знаменитостями, мы всегда очень волновались,—по зато какую неземную радость бывало испытываешь, когда какой-нибудь именитый гастролеръ похвалитъ тебя! Чуть ли не плянешь тогда отъ восторга.

Полюба отъ такихъ спектаклей была для насъ огромная; вотъ, когда сцена становилась настоящею школою!

Никогда не забуду случая, происшедшаго со мною въ Одессѣ во время гастролей Николая Карловича Милославскаго. Игралъ Милославскій въ «Пробномъ камнѣ» Дьяченко «графа», а я изображалъ «лакея», который по пьесѣ долженъ подать ему письмо, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ.

Такъ вотъ, подаю я на репетиціи Николаю Карловичу письмо, а онъ вдругъ меня и спрашиваетъ: «Вы кого играете?»

Я страшно смутился и едва смогъ пролепетать: «лакея»...—Это я знаю, замѣтилъ онъ мнѣ,—но лакеи-то вѣдь бываютъ разные: графскій лакей—одно, а ресторанный лакей—другое дѣло; лакей изъ небогатаго дома не похожъ на лакея какого-нибудь богача, равно какъ и въздной лакей ничего не имѣетъ общаго съ лакеемъ,

служащимъ у стола,—а потому и письма каждый изъ нихъ подаетъ по-своему».

Послѣ этого Милославскій заставилъ меня разъ пять или шесть подать ему письмо и сказать полагавшіяся мнѣ по роли слова, не оставивъ меня въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока я не исполнилъ всего какъ слѣдуетъ.

Само собою разумѣется, что послѣ такихъ уроковъ голова у молодого артиста начинала работать, и онъ съ большимъ вниманіемъ относился къ деталямъ поручаемыхъ ему ролей.

Разсказаннымъ мною случаемъ съ Милославскимъ произошелъ, когда я служилъ въ театрѣ уже 4-й или 5-й годъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что актерамъ моего времени довольно долго приходилось оставаться на маленькихъ роляхъ. Отчасти это было и хорошо: на нихъ они выигрывались и приобретали необходимый для всякаго артиста сценическій опытъ.

Что касается до меня лично, то это обстоятельство меня никогда особенно не смущало, потому что помимо всего я страстно всегда любилъ театръ.

II.

Потянуло меня къ нему еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

Началось дѣло съ домашнихъ спектаклей, которые я устраивалъ съ моими сверстниками; само собою разумѣется, что спектакли эти носили самый примитивный характеръ: играли мы, гдѣ придется и какъ придется; одѣвались во что пошало, дѣлали себѣ шляпы изъ бумаги, ну, словомъ, это было не что иное, какъ дѣтская «игра въ театръ».

Влеченіе къ театру появилось у меня подъ вліяніемъ представлений, дававшихся такъ называемыми «вертепами».

Въ то время существовалъ, видите ли, такой обычай, что на свѣткахъ ряженые солдаты ходили по домамъ и давали разныя незатѣйливыя представленія.

Изъ этихъ послѣднихъ наибольшую популярность пользовались тогда «Непокорный сынъ Адольфа», «Медвѣдъ и коза» и нѣкоторые другіе.

Вотъ эти-то импровизированныя труппы и носили названіе «вертеповъ».

Поступивъ въ тамбовскую гимназію, я сталъ принимать участіе въ ученическихъ спектакляхъ: игралъ Бобчинскаго въ «Ревизорѣ» и «сваху» въ «Женитьбѣ» Гоголя. Обладая большимъ даромъ подражанія, я съ успѣхомъ имитировалъ также нашихъ гимназическихъ учителей и вѣстныхъ импровизированъ при этомъ цѣлыя сцены. Мои импровизаціи очень нравились гимназистамъ и они прозвали меня за нихъ

«Гомеромъ». Ареной моею «художественной дѣятельности» являлась обыкновенно наша гимназическая «баня». Дѣло въ томъ, что въ «предбанникѣ» свилъ тогда себѣ гнѣздо нашъ гимназическій маркизъ—солдатъ Павелъ. Во время «перемигъ» онъ продавалъ здѣсь гимназистамъ квасъ, колбасу, хлѣбъ и всякую другую снѣдь.

Подзакусивъ у Павла, мы отправлялись обыкновенно въ баню, и вотъ тутъ-то я и давалъ свои представленія.

Пріѣхавъ къ намъ какъ-то въ Тамбовѣ на гастроль изъ вѣстной англійской трагикомедіи «Ольриджъ», и вотъ чуть ли не на другой же день послѣ его появленія на сценѣ я изображалъ передъ товарищами въ банѣ, состояннн произнести ни одного слова...

Англійскаго языка, я, конечно, не зналъ, но это не мѣшало мнѣ произносить монологи Лира на англійскомъ языкѣ «моего собственнаго изобрѣтенія», приводившемъ въ неописуемый восторгъ гимназистовъ.

Окончивъ гимназію, я поступилъ въ Московскій университетъ, и вотъ именно въ Москвѣ-то и рѣшилась моя дальнѣйшая судьба. Московскій Малый театръ прозвалъ на меня огромное впечатлѣніе, и съ той поры я уже ни о чемъ другомъ не мечталъ, какъ сдѣлаться актеромъ.

Невольно, однако, вставалъ передо мною вопросъ, какъ осуществить мнѣ мои мечты; и вотъ я рѣшилъ, наконецъ, сходить къ извѣстному артисту Шумскому и съ нимъ посоветоваться.

Шумскій принялъ меня довольно-таки холодно и, узнавъ, что я студентъ, посоветовалъ мнѣ прежде всего окончить университетъ, а затѣмъ уже думать о сценической карьерѣ.

Вернулся я отъ него совершенно убитымъ и обезкураженнымъ и уже былъ близокъ къ тому, чтобы разъ навсегда оставить всякую мысль о театрѣ. Однако, любовь къ сценѣ взяла всетаки свое, и я рѣшилъ побывать еще у не менѣе извѣстнаго, чѣмъ Шумскій, артиста—И. В. Самарина.

Наученный горькимъ опытомъ, я теперь страшно волновался, и проходилъ постою съ добрыхъ полчаса передъ домомъ, гдѣ жилъ Самаринъ, прежде, чѣмъ у меня хватило рѣшимости позвонить у его двери.

Иванъ Васильевичъ Самаринъ, удивительно доброй души человекъ, принялъ меня совершенно иначе, нежели Шумскій. Правда, я онъ сказалъ мнѣ, что прежде, чѣмъ идти на сцену, лучше было бы мнѣ

* Ольриджъ былъ Негръ. Одною изъ лучшихъ его ролей считалась роль «Отелло».

ВОЛЬФОВСКІЯ УТКИ.

«Агентство Вольфа сообщаетъ, что на улицахъ Петрограда произошло многолюдная собранія для обсужденія условий мира съ Германіей, на которыхъ выносятся резолюціи о немедленномъ его заключеніи».

(Изъ газетъ).

Какъ это было на самомъ дѣлѣ.

окончить университетъ, но въ то же время онъ принялъ во мнѣ самое живое участіе истинскими способностями, велѣлъ мнѣ выучить что-нибудь хорошенько на память и придти ему затѣмъ прочитывать.

По его указанію я выучилъ одинъ отрывокъ изъ пьесы «Дѣтскій докторъ», басню «Котъ и поваръ» и сцену Молчалина и Лизы изъ «Горе отъ ума» (II-й актъ), и спустя нѣкоторое время слова направило къ нему.

Однако, когда я очутился съ нимъ лицомъ къ лицу и мнѣ надо было начать читать, я такъ растерялся, что разомъ же перезабылъ все выученное, и не былъ въ состояннн произнести ни одного слова...

Самаринъ успокоилъ меня, сказалъ, что онъ отлично понимаетъ мое волненіе, а затѣмъ очень долго со мною бесѣдовалъ, стараясь, чтобы я къ нему попривыкъ и пересталъ его конфузиться. Въ заключеніе онъ самъ прочелъ мнѣ отрывокъ изъ пьесы «Дѣтскій докторъ», гдѣ онъ такъ великолепно исполнялъ заглавную роль.

Ушелъ я отъ него совершенно успокоенный, и, когда, недѣли черезъ двѣ, снова пришелъ къ нему, то уже не волнуясь прочелъ ему выученные мною отрывки. Съ той поры И. В. Самаринъ сдѣлался и моимъ учителемъ и моимъ лучшимъ другомъ. Съ его же благословенія началъ я и мою артистическую карьеру.

Впервые пришлось служить мнѣ въ Одессѣ,—у антрепренера Фолетти.

Самаринъ хотѣлъ было устроить меня въ Казани, но этому плану не суждено было осуществиться, такъ какъ труппа П. М. Медвѣдева была въ это время переполнена.

Впоследствии, однако, мнѣ все-таки пришлось служить у Медвѣдева, и какихъ только ролей я у него не переигралъ! Дѣла антрепризы подчасъ складывались такъ, что мнѣ приходилось не только играть въ драмѣ, но и пѣть: въ опереткѣ, оперѣ, и даже участвовать въ... балетѣ! Такъ, въ балетѣ «Два вора», я изображалъ одного изъ воровъ, а въ оперѣ «Жизнь за Царя»—танцевалъ мазурку.

Что касается до пѣнія въ оперѣ, то у того же Медвѣдева мнѣ довелось исполнить однажды партію Бартоло въ «Севильскомъ цирюльникѣ» Россини. Опера, драма и балетъ у него тогда чередовались. Случилось это вотъ какъ. Заболѣлъ неожиданно исполнитель партіи Бартоло, и меня усиленно стали просить, чтобы я замѣнилъ его.

Отказаться было неудобно, и вотъ, неожиданно для себя, мнѣ пришлось выступить вмѣстѣ съ заправскими оперными артистами: моею женою Руничъ-Давыдовой, пѣвшею Розину, и пѣвцами: Усатовымъ (Альмавива), Гладикомъ (Фигаро) и Любовымъ (Донт-Базиліо).

Неоднократно приходилось выступать мнѣ и въ опереткѣ; тутъ я чувствовалъ себя уже, какъ дома.

Къ слову будь сказано, въ мое время оперетки исполнялись очень живо и весело, причемъ много остроумныхъ словечекъ вставлялось самими артистами. Само собою разумѣется, что артисты напередъ сговаривались между собою, дабы не возникло недоразумѣній.

Роли наши мы учили тогда очень старательно, такъ, что нѣкоторыя оперетки, какъ, напримѣръ, «Передъ свадьбой», шли даже безъ суфлера. Въ этой послѣдней принимала участіе и Марія Гавриловна Савина. Выступала она также и въ опереткѣ «Сивья Борода», гдѣ ею исполнялась роль Герми. Принца же Сафира игралъ я.

Первая сцена у насъ съ нею была тамъ мимическая, и потому приходилось заполнять ее игрою. Наше исполненіе этой сцены весьма имѣло большой успѣхъ и потому, впоследствии, вошло въ театральныя обычаи: большинство артистовъ копировало у насъ эту сцену.

Изъ другихъ оперетокъ приходилось мнѣ

участвовать еще в «Орфей в аду», причём мною исполнялись последовательно роли: Орфей, Ваньки Стюка, Плутона и Юпитера. В «Прекрасной Елене» играл я: Париса, Ахилла, Менелая и Калхаса; в «Фаусте, на-изнанку» — «извозчика», Фауста и Валентина.

Играл я также и в оперетках: «Малабарская вдова», «Серебряный кубок», «Жирфле - Жирфля», «Запрещенный плод» и др.

В оперетке «Трапезундская одалиска» мнѣ, Савинной, Медвѣдеву и Медвѣдовой пришлось изображать балаганщиковъ, причѣмъ Медвѣдеву жонглировалъ, Марія Гавриловна дѣлала видъ, что ходитъ по канату съ балансомъ въ рукахъ, а я, играя клоуна, долженъ былъ прямо-таки куваркаться по сценѣ.

Поставили у насъ однажды дозволено известнѣй въ то время водевилъ «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», и вотъ мнѣ пришлось выступить въ роли «фокусника» Ренгити и показывать публикѣ фокусы. По этой части я былъ всегда большимъ мастеромъ; а тутъ еще, какъ разъ, прѣхалъ къ намъ въ Казань известнѣй фокусникъ Эпштейнъ. Я пошелъ посмотреть его фокусы, переменялъ кое-что у него, и затѣмъ, загримировавшись Эпштейномъ, самъ сталъ показывать въ водевилѣ его фокусы. Эффектъ получился необычайный!

Вѣрите ли, въ концѣ концовъ я подобравалъ даже Эпштейну его сборы.

— Такъ вотъ какую разностороннюю школой былъ для молодыхъ артистовъ въ мое время театръ,—сказалъ въ заключение Владимиръ Николаевичъ—а какую пользу принесла эта школа, объ этомъ могутъ судить всѣ видѣвшіе на сценѣ нашихъ старыхъ актеровъ: Самойлова, Варламова, Савину, Стрѣльскую, Федотову, Ермолкову и друг., а равно и меня въ: «Ревизорѣ», «Нахлебникѣ», «Горѣ отъ ума», «Свадьбѣ Кречинскаго» и прочихъ пьесахъ моего репертуара.

Нельзя при этомъ не замѣтить, что во главѣ этой «школы» стояли въ то время талантливые и знающіе руководители и режиссеры, не мудрествовавшіе лукаво, а понимавшіе и любившіе театръ.

С. Ильинъ.

Орхидеи.

Ихъ люди создали скрещеніемъ цвѣтовъ, своею простотой естественной прекрасныхъ.

Большое что-то есть въ причудливыхъ и страстныхъ изгибахъ ихъ узорныхъ лепестковъ.

Ты—какъ они: изломанныя грани Твоей души не знаютъ, почему непостижимое ни сердцу, ни уму Готова ты творить, не думая заранѣ? Добро и зло, порывы вверхъ и внизъ Перель тобой равны... Твой властелинъ—капризъ,

И безъ страданій ты не знаешь наслажденій.

Рядъ лицъ, умовъ и чувствъ невольно вижу я,

Насильно связанныхъ цѣпями бытія, Далеко за тобой, въ тѣмъ прошлыхъ поколѣній.

Гейма.

Браслетъ Мадонны.

Испанская легенда.

I.

Она была красива красотою, которая съ ума сводитъ,—красотою, которая ничего общаго не имѣетъ съ такъ называемою «ангельской» красотою, которую, по всей вѣроятности, дьяволъ даетъ некоторымъ женщинамъ, чтобы сдѣлать ихъ своимъ орудіемъ на землѣ.

ПАМЯТИ КАЗНАЗНАГО ОРЛА. (Въ 100-лѣтію со дня рожденія Н. П. Слѣцова).

Генералъ-м. Никол. Пав. СЛѢЦОВЪ, одинъ изъ героевъ покоренія Кавказа. 6 декабря исполнилось 100-лѣтіе со дня рожденія Слѣцова, въ четыре года очистившаго своими сказочными налетами на недосга: мыи твердыни горцевъ всю Малую Чечню. Има, его сдѣлавшаго почти легендарнымъ уже при его жизни, перешло не только въ историю, но и въ народныя пѣсни. См. № 14276 «Нов. Вр.»

Онъ любилъ ее любовью, не знающей ни удержу, ни границъ,—любовью, въ которой ищешь улады, а находишь лишь муку, да страданіе,—любовью, которая походитъ на счастье, а тѣмъ не менѣе—будто бы въ наказаніе, въ искупленіе вины какой-то намъ послана.

Она была капризна и причудлива, какъ всеобщее всѣ женщины міра.

Онъ суевѣренъ и безстрашенъ, какъ всѣ юноши его эпохи.

... Все это было давно; это старая легенда. Ее звали Марія Антуанезъ, а его—Надро Альфонсо Орельяна.

Оба были родомъ изъ Севильи и жили въ ней безвыздно съ тѣхъ поръ, какъ родились...

Однажды, пришедши навѣститъ ее, онъ засталъ ее всю въ слезахъ и спросилъ:

— О чемъ ты плачешь?

Она утерла глаза свои, пристально на него поглядѣла, вздохнула и опять заплакала.

Онъ подошелъ поближе, взялъ ея руку, облокотился на рѣзные перила, около которыхъ сидѣла его красавица, и еще разъ спросилъ:

— О чемъ ты плачешь?

Но возлюбленная его ничего ему не отвѣтила.

У ногъ ихъ змѣей извивался лѣтний Гвадалквивиръ, желтыя волны котораго багрянило заходящее солнце, и плескъ воды нарушалъ вечернюю тишину.

Наконецъ, Марія подняла свою опущенную головку и воскликнула:

— Не спрашивай меня, о чемъ я плачу, не спрашивай, такъ какъ ни я не сумѣю

рассказать тебѣ этого, ни ты не сможешь понять меня. Есть желанія, которыя рождаются въ душѣ женщины и которыя не выразить; безумныя мысли, которыя проносятся въ нашемъ воображеніи и которыхъ губы не посмѣютъ вымолвить. Это все проявленія нашей загадочной натуры, которую ни одинъ мужчина не пойметъ никогда! Прощу тебя, не спрашивай меня о причинѣ моего горя; если бы я рассказала егъ тебѣ, ты бы расхохотался.

Вымолвивъ это, она расплакалась еще горше прежняго, а онъ снова принялся утѣшать ее повѣдая ея печаль.

Въ концѣ концовъ красавица уступила просьбамъ своего возлюбленнаго и сказала:

— Ты этого хочешь, хорошо!.. Это безуміе, и ты будешь смѣяться надо мною. Не все равно, я расскажу тебѣ, такъ какъ ты этого желаешь... Вчера я была съ матерью въ соборѣ: была суббота, и въ Королевской капеллѣ пѣли «Эль Розаріо»... Звукъ органа дрожали и разливались по всему храму. На хорахъ начали пѣть Salve, Regina: служба приближалась къ концу... Статуя Мадонны блестяла всеми своими украшениями, озаренная сіяніемъ тысячи свѣчей...

«Всю службу я молилась очень усердно, но вдругъ я почувствовала, что глаза мои какъ бы прикованы къ чему-то блестящему, надѣтому на Мадоннѣ,—такъ прикованы, что не могутъ оторваться. Я взглянула попристальнѣе и замѣтила дивный браслетъ... Онъ надѣтъ на правую руку Мадонны,—помнишь?—Я попробовала оторвать отъ него взглядъ, молиться, но глаза мои невольно возвращались къ нему. Огня алтара играли, отражаясь въ его алмазахъ, и тысяча разноцвѣтныхъ искръ сыпалась во всѣ стороны и прыгали вокругъ, подобная хороводу безпокойныхъ сѣблячковыхъ.

«И въ то же время въ головѣ моей родилась безумная мысль: «Какъ жаль, что этотъ браслетъ не мой!» Я вышла изъ собора, вернулась домой все съ этой же неотвязной мыслью въ головѣ. Легла въ кровать, но сонъ бѣжалъ моихъ глазъ... Ночь длилась вѣчность, къ утру я заснула и,—вспривилъ ли?—даже во снѣ и видѣла женщину, смуглую и прекрасную, на рукѣ которой красовался браслетъ съ дивными камнями. Именно женщину, не Богородицу, которой я привыкла молиться, а женщину, такую же, какъ и я, которая, казалось, смотрѣла на меня съ насмѣшкой.

— Видишь?—казалось, говорила она, показывая свой браслетъ:—какъ онъ блестящ! Точно вѣнокъ изъ звѣздъ, сорванныхъ съ лѣтняго неба.

— Видишь? И онъ не твой, и никогда, никогда не будетъ твоимъ... У тебя, весьма возможно, будутъ другіе, и лучше, и богаче украшенные, но этотъ, этотъ, камнѣ котораго горятъ такимъ фантастическимъ огнемъ, никогда, никогда не будетъ твоимъ...

«Я проснулась, но видѣніе не покидало меня, и все та же мысль, словно сатаной внушенная, горѣла въ мозгу моемъ: онъ никогда не будетъ моимъ!..

— Ну что же ты молчишь? И хмуришь лобъ, и не смѣешься надъ моимъ безуміемъ?..

Надро слушалъ ее, судорожнымъ движеніемъ сжимая рукоятку своей шпаги.

Когда она кончила, онъ поднялъ голову и глухимъ голосомъ спросилъ:

— У какой Мадонны видѣла ты этотъ браслетъ?

— У той,—отвѣтила Марія,—что стоитъ въ Королевской капеллѣ нашего собора.

— У той, что стоитъ въ Королевской капеллѣ нашего древняго собора?—съ отъѣнкомъ ужаса въ голосѣ повторилъ Надро,—и его лицо показало выраженіе отчаянія.

— Я не могу тебѣ достать его,—проговорилъ онъ печально.—Будь эти алмазы въ митрѣ архіепископа или коронѣ короля, я бы досталъ ихъ тебѣ, я бы купилъ ихъ, хотя бы цѣною моей жизни или вѣчнаго проклятія пришлось заплатить за

Смерть ген.-м. Н. П. Слѣцова во время атаки позиціи Чеченцевъ у р. Гени. Пушку взяли—были послѣднія слова Слѣцова, сраженнаго пулей подъ сердце, когда онъ переходилъ на бѣломъ конѣ ураганомъ мчался впередъ своего отряда на неприятеля. См. карт. Зауревѣда

У ЗАСЛУЖЕННАГО АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКАГО АЛЕКСАНДРИНСКАГО ТЕАТРА Э. Н. ДАВЫДОВА. См. ст. на 393 стр.

Учитель В. Н. Давыдова артист Императорского Александринского театра И. В. САМАРИНЪ.

вихъ. Но сорвать браслетъ съ руки Мадонны Королевской кашелы, нашей святой покровительницы, я... я, родившійся въ Севильѣ, не могу! Никогда!

— Никогда? — повторила Марія. — Никогда, — и она опять заплакала.

А Педро устремилъ свой взглядъ на мутныя воды извѣстнаго Гвадалквивира, который такъ безучастно катилъ свои баркасы и барки въ голубую даль Атлантическаго океана. Краски заката стирались, потухли, и изъумрудныя фонарики зажглись надъ рѣкой.

II.

На другой день были праздники сошествия Пресвятой Богородицы, и въ соборѣ собралась огромная толпа молящихся.

Шумное богослуженіе только что отошло, и народъ расходился. Тушили свѣчи главнаго алтаря, священники передѣвались и уходили, и наконецъ тяжелая дверь закрылась за послѣднимъ прихожаниномъ, и воцарилась тишина.

Севильскій соборъ! Вообразите себя въ лѣсу гигантскихъ пальцевъ изъ гранита, которая, перешлетаясь нѣтвами своими, образуютъ своды, высокіе и великолѣпные, подъ тѣнью которыхъ живетъ жизнью, дарованной ему гениемъ, цѣлое полчище су-

Эъ чтеніемъ газеты.

У телефона въ кабинетѣ.

В. Н. ДАВЫДОВЪ въ роли Франца въ водевилѣ съ тѣмъ же «66». (1858—1859 г.г.).

стекла оконъ умирающей дѣль глядѣть слабо и уныло.

Наверху, подъ сводами, отблѣки сливались, дрожали и постепенно исчезали одинъ за другимъ, уступая мѣсто черной мглѣ. И было тихо, тихо...

Вдругъ около одной изъ королевскихъ гробницъ что-то зашевелилось, изъ ея тѣни поднялась фигура и сдѣлала шагъ впередъ, опираясь на желѣзную рѣшетку.

Блескъ лампадки освѣтилъ блѣдное, исхудалое лицо. Это былъ Педро.

Что произошло между влюбленными, чтобы заставить его рѣшиться на такой шагъ, — этого никто не знаетъ, но онъ остался въ пустомъ храмѣ, чтобы выполнить свой преступный замыселъ: украсть браслетъ Мадонны.

Колѣни его дрожали, лицо искажалось судорогами, а на лбу выступили капли холоднаго пота.

Тишина собора душила его.

Онъ напряженно прислушивался, стараясь уловить какой-нибудь, хотя самый незначительный, слабый звукъ.

И шелестъ вѣтра за окномъ казался ему то шагами, которые возникаютъ и замираютъ тамъ гдѣ-то — въ самомъ темномъ углу, то задыхающимися рыданіями...

В. Н. ДАВЫДОВЪ.
По фотографіи, снятой 27 лѣтъ тому назадъ.

ществъ, фантастическихъ. Представьте себѣ хассъ свѣта и тѣней, въ которомъ смѣшались всѣ цвѣта радуги, — отраженія отъ расписныхъ стеколъ створчатыхъ оконъ, блики которыхъ борются и побѣждены огнями лампадъ двѣнадцати алтарей.

Представьте себѣ міръ каменный, необъятный, какъ духъ нашей религіи, темный, какъ ея преданія, загадочный, какъ ея притчи, и все же у васъ не составитъ представленія объ этомъ вѣчномъ памятникѣ энтузіазма и вѣры далекихъ предковъ, въ которомъ прошлые нѣтъ оставили каждый свою вѣру, свое вдохновеніе, свое искусство.

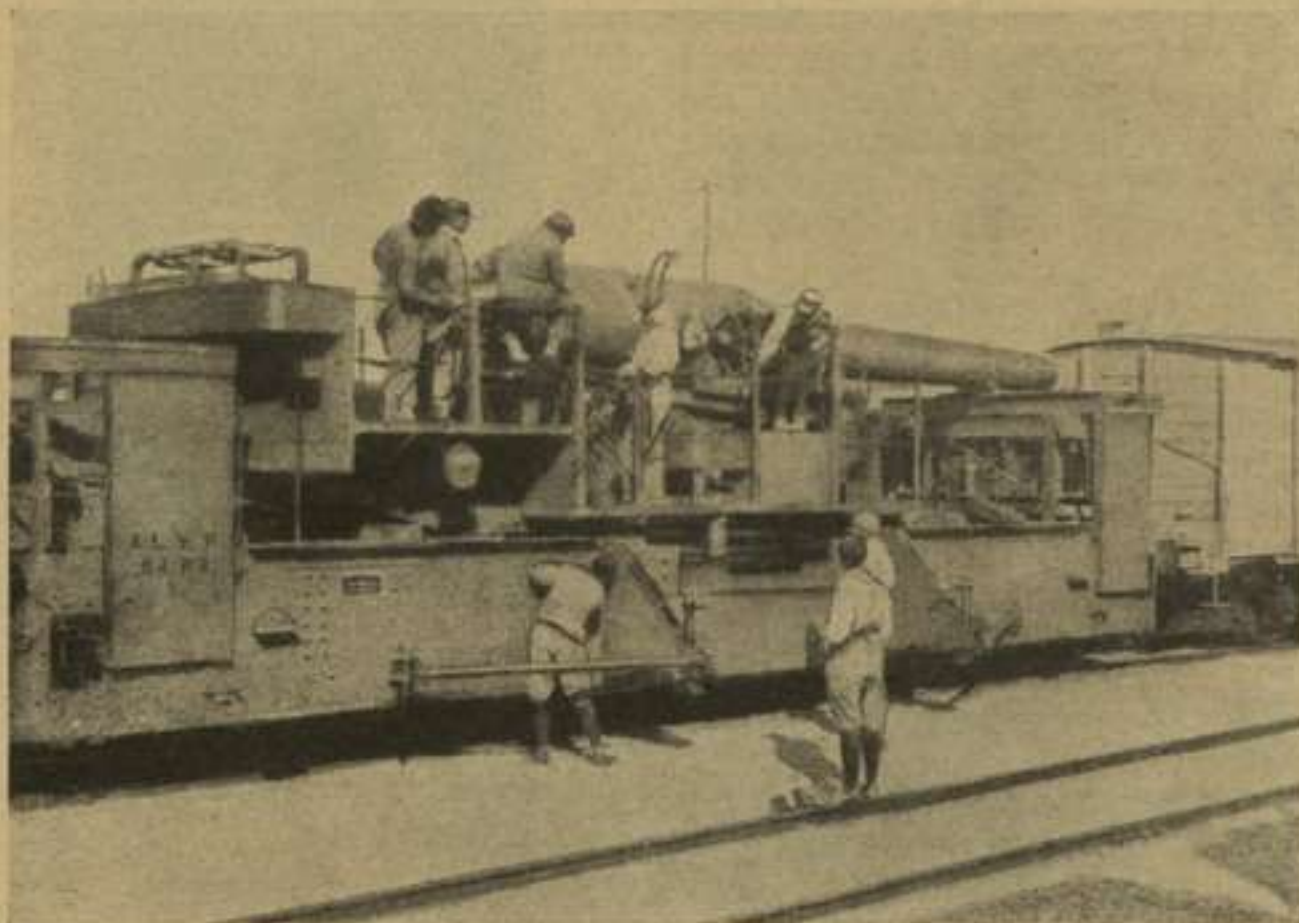
Въ немъ обитаютъ тишина и величіе, поэзія мистицизма и святой страхъ Божій, который останавливаетъ на порогѣ его всѣ мірскія помысленія и ничтожныя земныя страсти и побужденія. И если физическое недомоганіе облегчается на свѣжемъ и чистомъ воздухѣ горъ, — атеизмъ долженъ вылечиваться въ атмосферѣ вѣры, которой онъ напнтанъ.

Въ пустомъ соборѣ было тихо и почти темно, только въ разныхъ углахъ, да по стѣнамъ мерцали лампадки, зажженныя передъ статуями святыхъ, да въ цвѣтныя

В. Н. ДАВЫДОВЪ, — загримированный въ своей уборной, въ Александринскомъ театрѣ, въ пьесѣ Островскаго «Лѣсъ». Обстановка уборной, — туалетъ, кресло и т. д.
Съ фот. Ксен. Глыбовской.

У СОЮЗНИКОВ.

Французский блиндированный поезд, вооруженный морской артиллерией.

Наконец, он подавил в себя усилием воли чувство страха и приблизился к ступенькам алтаря. По бокам его стояли королевские гробницы, и каменные статуи королей, со шпагою наголо, казались, охраняли этой святой алтаря, в позах которого отдыхали они от трудов правления.

— Вперед! — прошептал юноша, но не мог двинуться с места. Ему казалось, что его ноги прижаты к полу. Он опустил глаза и волосы его встали дыбом от ужаса: пол в его ногах был выложен надгробными плитами, темными и истертыми, и ему показалось, что холодная, костлявая рука удерживает его с непоборимой силой.

Меркнущие лампы дрожали, как звездочки; при свете их казалось, что статуи вот-вот потеряют свою мертвую неподвижность.

— Вперед! — точно безумный, крикнул он и вбжал по ступенькам алтаря к жертвеннику. На верхней ступеньке он остановился, чтобы перевести дух.

Вокруг него царил полумрак; только фигура Божией Матери была ярко освещена большой золотой лампадой.

Лицо Богородицы улыбалось ласково и милостиво, и оно казалось ему островом безмятежного спокойствия среди моря ужаса и мрака. И вместе с тем эта самая гибкая и неподвижная улыбка доброты на лице Мадонны возбуждала

в нем чувство страха, такого, какого он еще никогда до сих пор, не испытывал.

Пересилив себя и закрыв глаза, чтобы не видеть этой убогой, он протянул руку и сорвал с руки Мадонны золотой браслет, подарок собору одного благочестивого архиепископа, — браслет, цѣна которого равнялась цѣлѣму состоянию.

Пальцы его судорожно сжимали драгоценность, и теперь ему только оставалось уйти, унести ее, убежать с ней из этого страшного собора.

Но для этого надо было открыть глаза, а так страшно было увидеть еще раз лицо Мадонны и королей, на их гробницах, и свѣтъ загадочно мерцающих лампад.

Наконец, он разжал вѣки, взглянул и вскрикнул от удивления и ужаса: собор был полон статуй. Одѣты в длинныя, новѣйшья им доголѣ маити, он спустился со всѣх пѣдесталовъ и толпился вокруг него и сзади, наполнив весь храмъ. Святые, монашески, ангелы, демоны, воины, дамы, папы, дворяне и крестьяне сѣмьшались въ одну оживленную толпу, взравнившую на него своими мраморными глазами безъ зрачковъ.

Архиепископы, которыхъ онъ видѣлъ неподвижно лежащими въ ихъ каменныхъ гробницахъ, медленно приближались къ жертвеннику и, при видѣ ихъ, короли опустились на одно колено.

Ихъ шаги гудко раздавались по каменнымъ плитамъ, все ближе, да ближе.

Ледяной ужасъ давилъ его сердце, кровь стучала въ вискахъ, точно облако тумана заволело глаза, и съ нечеловѣческимъ выломъ уналъ онъ безъ чувствъ на жертвенникъ алтаря.

На другой день утромъ служители храма нашли его сидящимъ на одной изъ гробницъ. Посѣдѣвший и осунувшійся, онъ казался старикомъ. Въ рукахъ его было золотой браслетъ Мадонны. И, при видѣ людей, онъ показавъ языкъ его торжествующимъ хохотомъ безумнаго: — Ея! Марія!

Олегъ, Эвероль.

Литературныя замѣтки.

Поэзія критика *

Можетъ быть, наше время имѣетъ много недостатковъ, но оно имѣетъ одну бла-

* Аполлонъ Григорьевъ, «Стихотворенія». Собрали и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. М. 1916. Стр. XL+615. Ц. 3 р. 50 коп.

Прап. А. Я. Рахинскій, раненый въ голову осколкомъ снаряда на австрійскомъ фронтѣ. Въ настоящее время находится въ плѣну въ Венгріи.

Подпор. В. Я. Рахинскій. (кончался отъ ранъ.)

Капитанъ Н. Н. Овсинниковъ. Убитъ въ ночной атакѣ во главѣ своего батальона. Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

Кавалеръ ордена св. Георгія, прапорцъ. А. И. Борисовъ. Палъ смертью храбрыхъ.

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.

Въ пѣхотныхъ окопахъ.

ВТОРАЯ ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ НА ФРОНТѢ СОЮЗНИКОВЪ.

Миллицы французскихъ офицеровъ въ Аргонскомъ лѣсу.

ВЪ РАЗОГЕННОЙ СЕРБИИ.

На улицах опустышеннаго Бѣлграда.

стихотворений поэта старыхъ временъ. Это прекрасно. Но вотъ что нехорошо: не нужно писать предисловія къ стихамъ (это замѣталъ еще Лермонтовъ), тѣмъ паче къ чужимъ. Длинное предисловіе-биографія Александра Блока грѣшитъ тѣмъ обстоятельствомъ, что основныя мысли автора остаются неясными, и даже возникаетъ подозрѣніе, ясны ли онѣ ему самому? А, между тѣмъ, и биографія Аполлона Григорьева также остается начертанной ужь слишкомъ «импрессионистически», не говоря о какой-либо общей оцѣнкѣ его литературной работы. Впрочемъ, этого послѣдняго, пожалуй, и спрашивать не приходится: авторъ предисловія — большой поклонникъ импрессионизма «Опавшихъ листьевъ» В. В. Розанова и все приглашаетъ насъ какъ-то связать эти листы со стихами Григорьева, якобы къ нимъ очень «близкими»! Чего только не придумаютъ эти поэты!

Сущность же дѣла въ томъ, что Аполлонъ Григорьевъ (конечно, мыслитель весьма замѣчательный) — совсѣмъ не поэтъ, или поэтъ въ той малой степени, какая достигается общей литературной талантливостью, пламенной любовью къ поэзіи и, наконецъ, юношеской дружбой съ первокласснымъ поэтомъ (Фетомъ, который былъ университетскимъ товарищемъ Григорьева и даже жилъ въ домѣ его родителей). Въ этихъ условіяхъ (да еще въ сороковые годы — вѣкъ нашего романтизма!) нельзя было не начать писать стиховъ, и вотъ Григорьевъ написалъ ихъ даже на цѣлый толстый томъ, хотя собственное чутье превосходнаго критика подсказало ему правильную автоцѣнку:

«Я не поэтъ, о, Боже мой!»

Григорьеву не хватало самаго важнаго качества действительнаго поэта: силы самососредоточенія. Умѣние владѣть своимъ настроеніемъ, «останавливать мнovenіе» есть такой же необходимый признакъ поэта, какъ для пѣвца — умѣние владѣть голосомъ. Или, какъ это выразилъ товарищъ-искуситель юнаго Григорьева:

Лишь у тебя, поэтъ, крылатый слова
звукъ
Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ
вдругъ
И томный бредъ души и травъ неясный
запахъ...

Григорьева, напротивъ, какъ типичнаго критика, отличало прямо противоположное свойство — расплывчатость и зыбкость настроенія. Благодаря этой своей чертѣ, онъ могъ такъ ярко и съ такимъ энтузіазмомъ въ себя чужое творчество — воспламениться, напимгъ (даже паче всякой хѣры), новымъ для той эпохи типомъ созданій Островскаго. Критикъ есть раскрытое ухо, обращенное ко всему голо-саму міра; поэтъ есть самъ голосъ, кото-рый въ концѣ концовъ заишь только со-

бою, собѣ звучитъ и собѣ внимаешь. Та-кимъ былъ тотъ же Фетъ рядомъ съ Григорьевымъ — съ его «желѣзной волей», какъ это кажется г. Блоку. Вѣрнѣе, — съ исключительной, несравнимой способностью самозамкнутости и творческой кристаллизаціи. Поэтому, когда Фетъ набрасывалъ ка-кую-нибудь свою «мелодію» (отдѣлъ его юношескихъ стиховъ), она отличалась у него въ незабываемое музыкальное переживаніе. Когда за ту же задачу брался Григорьевъ (стихотворенія «Зимній вечеръ», «Вечеръ души»... и т. п.), — мы чувствуемъ наборъ случайныхъ признаковъ, не слагающихся въ цѣльный аккордъ. Очень характерна въ этомъ смыслѣ случайность самаго размаха въ стихахъ Григорьева: въ началѣ его стиховъ не чувствуется той внутренней необходимости, которая всегда отличаетъ действительное созданіе поэзіи.

Лейтенантъ-командиръ Ф. ГУДХАРТЪ, командиръ англійской подводной лодки, потопившей германскій крейсеръ «Принцъ Адальбертъ». Награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.

Лейтенантъ-командиръ Ф. Н. А. КРОМИ, командиръ англійской подводной лодки, потопившей германскій крейсеръ «Унди-на». Награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

У Григорьева это можно сказать развѣ объ его «гитарныхъ» стихотвореніяхъ («О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная» и «Дѣв гитары»). Эти стихи, связанные съ реальными впечатлѣніями и пристрастіями «бурной» жизни Григорьева, никакъ не уживающагося со своимъ талантомъ и судьбой, удалась ему больше дру-гихъ.

Кромѣ Фета, сильно вліялъ на Григорьева еще кумиръ той эпохи — Лермонтовъ. Бунтуя противъ этого вліянія въ теоріи и проповѣдая (не безъ отгѣнка дадактизма) спасительнаго Пушкина, Григорьевъ, какъ поэтъ, часто впадаетъ въ лермонтовскіе тона, которые у него звучатъ, однако, болѣе «мирно», скорѣе по-огаревски. Его единственная драма «Два эгоизма» даже какъ-то по-дѣтски «перелицовываетъ» «Маскарадъ». Это уже едва ли и стоило перепечатывать...

Изданіе весьма изящно, хотя отнюдь не дешево.

П. Перловъ.

Дыханіе войны.

Для исторіи вышедшей войны, какъ изображенія гигантской битвы народовъ, для той исторіи, разсматривающей событія «съ высоты птичьяго полета», въ глазахъ которой субъективныя переживанія отдѣльных участниковъ міровой схватки будутъ имѣть второстепенное значеніе, и то главнымъ образомъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой они носятъ массовый характеръ, время настанетъ еще не скоро. Для этого нужно ждать, чтобы «тайное стало явнымъ», т. е. чтобы вышли изъ-подъ спуда всѣ тѣ многочисленныя свѣдѣнія, обнаруженія которыхъ въ настоящее время одною стороною могло бы пойти на пользу другой. Но о «бытовой» сторонѣ войны, о тѣхъ, далекихъ отъ обычныхъ впечатлѣній, которыя приходится переживать отдѣльнымъ лицамъ при встрѣчѣ съ тысячами неожиданностей и опасностей, о проявленіяхъ высокаго самоотверженія и героизма уже и теперь составилась цѣлая литература. Любопытнѣйшій матеріалъ въ этомъ отношеніи представляютъ безхитростныя разказы какъ простыхъ солдатъ, такъ и офицеровъ, принимавшихъ участіе въ томъ или иномъ очередномъ «дѣлѣ».

Книга г. С. Кречетова*, несмотря на нѣсколько претенціозное заглавіе: «Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ», отличающаяся искренностью тона и отсутствіемъ поподозвоній къ крикливымъ эффектамъ, — заставляетъ читателя пережить хотя бы отчасти то, что приходится испытывать участникамъ походовъ. Авторъ очерковъ, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ, «не стратегъ, и всего менѣе историкъ», онъ — «только поэтъ»; но, въ качествѣ такового, онъ, по-

З. П. ПИКАРЕВА. Удостоена Георгиевскими медалями 3 и 4 ст., состоитъ сестрой милосердія въ подвижномъ госпиталѣ Гродненской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста.

видимому, не отмѣчаетъ рѣзко выраженной индивидуальностью, такъ какъ стихи его не дали ему «литературнаго имени», безъ слѣда потонувъ среди многого множества другихъ. Судя по отдѣльнымъ эпизодамъ книги, можно придти къ заключенію, что литературныя симпатіи г. Кречетова клонятся въ сторону декадентовъ и модернистовъ, но на характерѣ повѣствованія это нисколько не отразилось. Вѣроятно, необычность впечатлѣній заставила писателя сбросить все наносное, навязанное литературными модами, а близкое соприкосновеніе съ нашимъ, чуждымъ всякой позы и рисовки, солдатомъ сдѣлало психологически невозможными всякую фальшь и приподнятость тона. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ будетъ считать себя удовлетвореннымъ, если въ набросанныхъ, безпорядочно и торопливо на случайныхъ почтовыхъ и на недолгихъ стоянкахъ подгрозотъ канонады строкахъ читатель «на мгновеніе оцутитъ страшное и трудно опредѣляемое чувство войны, вдохнетъ ея неуловимый воздухъ». Эту задачу авторъ можетъ считать болѣе или менѣе достигнутой, такъ какъ, несмотря на отсутствіе въ его дневникѣ, обнимающемъ собою періодъ нашихъ двухъ походовъ въ Восточную Пруссію, нагроможденія тѣхъ ужасовъ, которыми такъ любятъ унащать свои повѣсти и разказы батальные белетристы, «дыханіе войны» все время чувствуется читателемъ. Запоминается и рядъ незамѣтныхъ героевъ, о подвигахъ которыхъ, совершенныхъ, какъ ничто вовсе не выдѣляющееся изъ уровня будничныхъ человѣческихъ поступковъ, авторъ не разъ повѣствуетъ на страницахъ своихъ записокъ.

В. Ю. В.

Редакторъ В. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

* Сергій Кречетовъ. *Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ*. Записки офицера. Кн-во «Прометей». Н. Н. Михайлова. Петрогр. 1915 г. Стр. 156. Ц. 1 р. 25 к.

НОВАЯ КНИГИ:

ДОЛИНОВЪ, А. И., режиссеръ Имп. Алекс. театра.

Учебникъ выразительнаго чтенія. Элементарный курсъ для учащихся и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Петроградъ. Изд. Н. П. Карбасникова, 1916 г. Цѣна 1 руб., съ перес. наложен. платж. — 1 р. 85 к. СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Выразительное чтеніе. Техническая часть: дыханіе, правила въ произношеніи звуковъ, недостатки произношенія. Логическая часть: ударенія, знаки препинанія и паузы. Художественная часть: выразительнаго чтенія. Хрестоматія.

Практическое руководство къ художественному чтенію. Часть I-я. Практическій курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изд. Н. П. Карбасникова. 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. наложен. платж. — 1 р. 65 к. СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ I — Механика рѣчи. Отдѣлъ II — Техника рѣчи. Отдѣлъ III — Логическая часть. Хрестоматія.

Часть II-я (художественныя условія выразительнаго чтенія) — печатается.

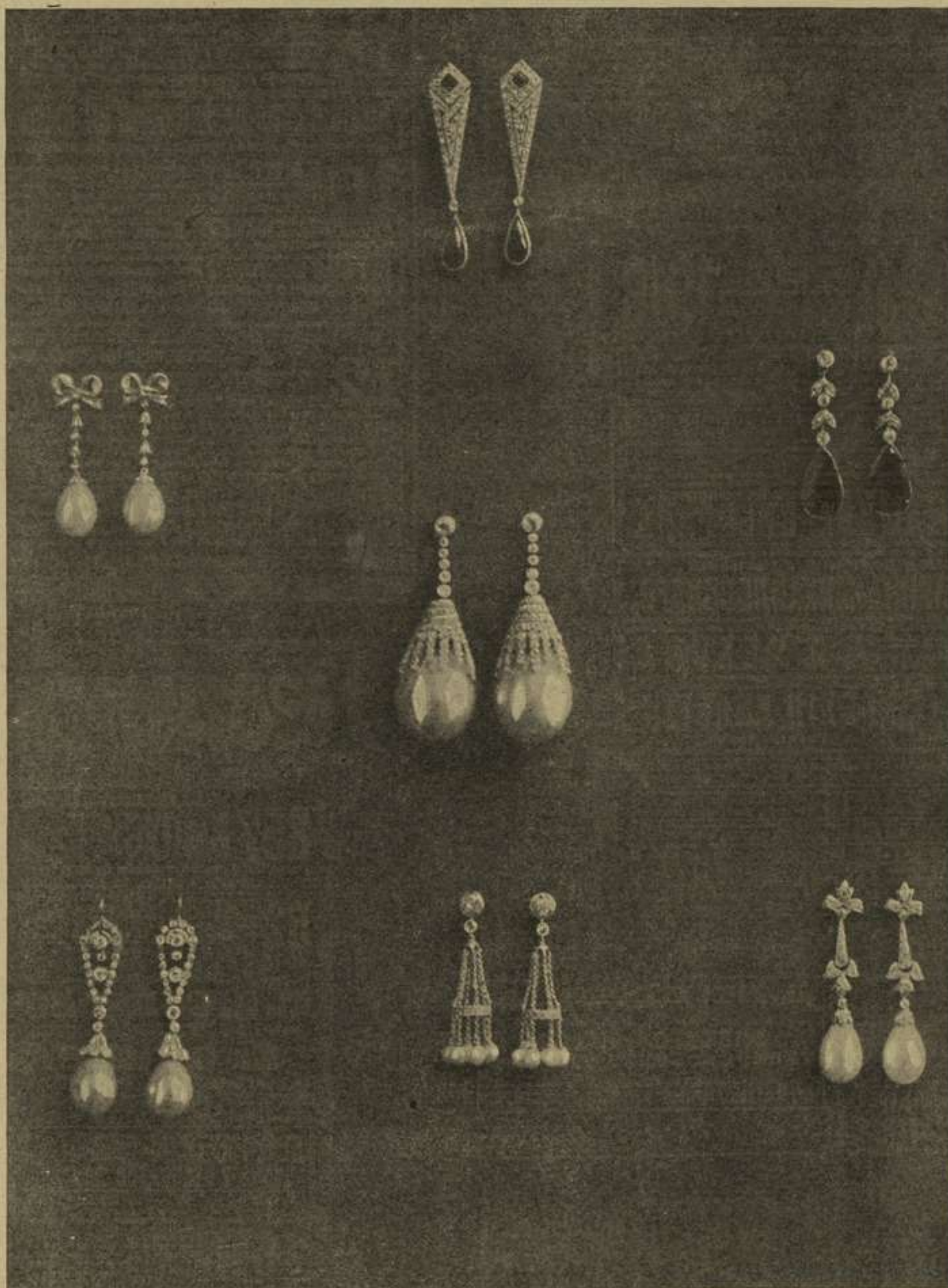
Складъ: Т-во «Н. П. КАРБАСНИКОВЪ», Петроградъ, Гостиный дворъ, 19.

CRÉATIONS KEPTA
PARIS

ПОЛУЧЕНЫ
ПОСЛЕДНЯЯ
ПАРИЖСКИЯ
МОДЕЛИ.

ЛУЧШИЕ
РОЖДЕ-
СТВЕНСКИЕ
ПОДАРКИ.

Kepta

21, МОРСКАЯ. Тел. 404-94

ПЕТРОГРАДЪ

36, НЕВСКИЙ пр. Тел. 268-05.

ШКОЛА РИСОВАНИЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Миним „деспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь вредъ расудокъ. Великій нормальный человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполне достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ назиданіемъ „Искусство для всѣхъ“ даемъ возм. жность овладѣть „заочно“ научитесь рисованію и живописи подъ руководствомъ лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

«Искусство для всѣхъ» 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художественныхъ произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ теоретическія познанія по исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладнаго искусства, которыя открывали бы имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Надлежаще подобранное и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой вышесказанной, въ которой они могутъ обратиться за всякаго рода справоками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная коммисія, которая направляетъ бесплатно работы и даетъ совѣты и справки, относящіяся къ области искусства. «Искусство для всѣхъ» надается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ А. В. Маковского и Владим. Яковлева, при участіи Н. Е. Ринаина проф. А. К. Кисликина и преподават. педагогическихъ курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата роскошно иллюстрир. красочными и черными рисунками. Цѣна каждаго тома съ перес. 2 р. 80 к. (на налож. плат. 25 к.).

Подробные проспекты высылаются бесплатно.

Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевскія ул. 44-15.

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ. **1916 г.**
Открыта подписка на подписчики получать:

52 №№ журналовъ повести, разск., картины, рис. въ краск., иллюстраціи съ театра военн. дѣйствій.

52 КНИГИ, стпечатанными четкимъ шрифтомъ, въ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячн. журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ВТОРУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО.**

== **НОВАЯ** == **А. П. ЧЕХОВА.**
ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

Романъ Шарля **„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“**
ДЕ-КОСТЭРА: (Уленспигель).

2 Новые спец. карты театра военн. дѣйствій двухъ фронтовъ: западнаго (русскаго) и западно-европ. подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.

12 №№ ежемѣсячныхъ **„НОВЫХЪ ИДЕЙ“.** **12** листовъ выкроекъ и рисунковъ рукодѣльныхъ работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1916 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ: въ Петро- безъ доставки 8 р. 50 к. (съ перес. по 10 р. Делается градъ: съ доставкой 9 р. 50 к. всей Россіи. разсрочка. Новые подписчики, желающіе получить первую серію (18 кн.) Мамина-Сибиряка, доплачиваютъ 3 р. 50 к., съ перес. въ Европ. Россіи.

Адресъ: въ Контору журнала „НИВА“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
А. Ю. ШИЛСДСКІЙ.
НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждинскій).
Изумруды, рубины, сапфиры, александриты, цирконы, топазы и пр. и пр.
Пріемъ и быстрое исполненіе заказовъ на изготовленіе ювелирныхъ издѣлій.
Художественная работа. Цѣны въ конкуренціи.
Телефонъ 168-95.

ДЛЯ ПОХОДА
небывало светло, долго горятъ **ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ**
ТЕРМОСЪ, КОМНАСЫ и проч.
Петроградъ, МОРСКАЯ, 33.
СКЛАДЪ **НОВЫХЪ** ИЗобрѢТЕНІЙ.

НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
(ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).
Продается въ магазинахъ „Новое Время“
Цѣна 1 рубль.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,
этотъ юный видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммъ полукремля Дермозона. Втирайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ. = 31-й г. изд.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.
Издается съ 1885 года. Пробный № бесплатно. Одобрены всеми вѣдомствами.

52 №№ ЖУРНАЛА БОЛЬШ. ФОРМ., въ обложк., свыше 1.000 стр. текста и около 800 иллюстрац.

52 №№ ХРОНИКА ВОЙНЫ. Описанія очевидцевъ и фотограф. снимки военныхъ корреспонд.

Въ числѣ №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“ будутъ даны 12 специальныхъ №№ **СВ. ВОЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ.** Эти №№ будутъ посвящ. подвиг. защит. роц., коихъ цѣрковь причисл. къ лику свят.

Кромѣ ежемѣсячн. №№ будетъ дано, особенно цѣнное именно теперь, **ПОЛНОЕ ОПИСАНІЕ** Св. Земли въ историческ., археологическ., географич., этнографич., бытов. и др. отнош.

РОСКОШНОЕ НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ въ излож. извѣстн. историческ. писат.

ПАЛЕСТИНА

съ пре изл. извѣстн. дух. писат. публик.

В. П. ЛЕБЕДЕВА **Е. ПОСЕЛЯНИНА.**

18 КНИГЪ большого формата, свыше 1.000 страницъ текста и до 500 иллюстрацій и фотографій, воспроизведенныхъ извѣстными путеш. таскиномъ и знакомомъ Св. Земли Л. А. Коробовымъ, потратившимъ на свое путешествие въ Палестину около трехъ лѣтъ, а также и путешественникомъ В. А. Мамелемъ, извѣстнымъ лекторомъ о Св. Землѣ.

Продолжаніе принятый на себя трудъ дать своимъ читателямъ

ПОЛНОЕ СОБРАН. ТВОРЕНІЙ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТАГО
Редакціи „Русскаго Паломника“ въ 1916 году дастъ

10 КНИГЪ **ПОЛН. СОБР. ПРОПОВѢДЕЙ,** приведенныхъ въ строгую систему (на праздник., воскрес. дни и дни святыхъ) и расположенныхъ въ порядкѣ годичнаго церковнаго круга. Последнее обстоятельство дѣлаетъ наше приложеніе, интересное для каждаго христіанина, особенно цѣннымъ для настоящихъ церквей, которые будутъ имѣть подъ руками, въ качествѣ настольной книги, всѣ проповѣди знаменитаго отца и учителя церкви.

ПЕРВЫЯ 26 КНИГЪ нов. подписч. могутъ получить ЗА ДОПЛАТУ: ПОЛН. СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ Вышед. въ 1914 г. 8 кн., въ 2 том. — 3 р. 50 к.) Съ перен. ЮАННА ЗЛАТОУСТАГО Вышед. въ 1915 г. 18 кн., въ 3 том. — 5 — —) съ книгой.

Въ такую же годину, переживаемую нашей великой Родиной, всадж. особ. вымкая

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧН. ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**
свыше 1.500 стр. больш. формата.

«Историческая Лѣтопись» ставитъ себѣ задачей воскресать въ ярк. живыхъ образахъ р. дное прошлое, великія событія и судьбы дѣвн. строителей, солдатъ и защитниковъ нашей роины. Въ такую же годину, переживаемую нами Россіей, свѣдѣніе историческ. примѣры стойкой русской доблести, самоотверженности и саможертвенности должны заслуживать общаго вниманія. «Историческая Лѣтопись» въ 1916 г. дастъ, какъ и прежде, массу цѣннаго, разобраннаго и увлекательнаго историческаго матеріала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журн. «РУССК. ПАЛОМНИКЪ» со всѣми прилож. **8** РУБ. безъ дост. въ Пстр. 7 р. Съ дост. и перес. по всей Россіи

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ въ 2 срока: при подл. 4 руб. и въ 1 годъ остальн. 4 руб. въ 2 томъ 3 срока: въ 3 срока: при подл. 3 р., въ 1 апр. 3 р. и въ 1 июл. 4 р.

Главная контора и редакція: Петроградъ, Стремяная, 12, собств. домъ.

еженедѣльн. ИЛЛЮСТРИРОВ. журналъ (38-й г. изд.) ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

„РОДИНА“

ПОДПИСКА на 1916 г. приним. по **ТРЕМЪ АБОНЕМЕНТАМЪ.** различн. РАЗНОЕ КОЛИЧЕСТВО КНИГЪ при одномъ НЕИЗМѢННОМЪ числѣ ВЫПУСКОВЪ ЖУРНАЛА.

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й

257 ВЫПУСК. 52 в. журн. „РОДИНА“ 52 в. „ВСЕМИР. ОБОЗРѢНІЯ“ 52 в. „НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“ 52 вып. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ (около 3200 столбц. текста и св. 2000 иллюстр. воен. соб.) 12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, 12 №№ „НОВЫЯ ИДЕИ“ 12 №№ листовъ ВЪ КРОЕКЪ 12 №№ листовъ РИСУНКОВЪ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ РАБОТЪ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1916 года.

52 КНИГИ романовъ повѣстей, разсказовъ, очерковъ и проч., а именно: **22** КНИГИ **ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ** „русскаго Дюма“—извѣстн. историка-беллетриста, князя **М. Н. ВОЛКОНСКАГО** 12 книгъ бытовыхъ романовъ **Н. СЕВЕРИНА** 18 книгъ повѣстей, разсказовъ, стихотвор. СОВРЕМЕН. ПИСАТЕЛЕЙ **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“**

ДВѢ КАРТИНЫ-ПРЕМИИ „ЧЕИ ФАНТЪ?“ „ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ“ **БОЛЬШОГО БЕЗПЛАТНО** тѣмъ, кто до 15 апрѣля 1916 г. внесетъ ГОДОВУЮ ПЛАТУ

За ГОДЪ 8 р. 50 к. съ перес. 9 р. РАЗСРОЧКА безъ достав. 10 р. съ перес. 10 р. 50 к. перв. взносъ 3 р.

АБОНЕМ. № 2. **64** КНИГИ т. е 52 ВЫШЕУКАЗ. КНИГИ И ЕЩЕ 12 КНИГЪ ИЛЛЮСТР. СОБРАНІЯ **НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ** (ок. 1800 столбц.) на ВОЕННЫЯ и др. СОВРЕМЕН. темъ, выдающ. автор. ПОДП. ЦѢНА АБОНЕМ. № 2—64 КНИГЪ в 257 вып. журн. и ПРИЛОЖ. За ГОДЪ 10 р. Съ перес. 10 р. 50 к. РАЗСРОЧКА безъ достав. 10 р. съ перес. 10 р. 50 к. перв. взносъ 4 р.

АБОНЕМ. № 3. **82** КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ **ВСѢХЪ** сочиненій (беллетристич. и философскихъ) **Л. Н. ТОЛСТОГО**

ПОДПИС. ЦѢНА съ 257 вып. жур. За ГОДЪ 11 р. 50 к. Съ перес. 12 р. РАЗСРОЧКА безъ дост. 11 р. 50 к. перв. взносъ 5 р. (подл. программ. на безплатн.)

Указавъ номеръ абонем., подписку адресов. Акціон. Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская, 114. Отдѣл. конт. ПЕТРОГР., САДОВАЯ, 20 (3-й домъ отъ Невскаго). Въ МОСКВѢ—на ПЕТРОВСКИХЪ лянкахъ, у н. ПЕЧКОВСКОЙ.

Богоматеръ съ Христомъ-Младенцемъ и св. Иоанномъ.
Нартина Сандро Боттичели (Sandro Botticelli). Находится въ Луврѣ.

Письмо съ войны.

Я вам пишу из темного окопа
 На маленьком засаженном листке.
 Я должен объяснить. Как дремал Пелопона,
 Вы носите мечту в сердечном тайнике.
 Но час пробил, и я крещен вторично,
 А вы все та-ж, что прежде, что всегда...
 (Простите, я пишу, быть может, не тактично).

Разстаться надо нам и лучше—навсегда.
 Не окопа я,—страдать я от разлуки
 И рвался к вам, бездѣйствительный
 И часто ввечеру от непомѣрной... скуки
 Я снова вспоминал, и снова был
 тоскующим.

Но депь рѣшил, и я, подобно многим,
 Перекрестился на крестъ, подменный
 тобой,
 Пошел туда... вперед съ лицом зад-
 менно-строгимъ,
 И встрѣтилъ радостно мои славыя пер-
 выи бой.

И въ тѣ часы, работой увлеченный,
 Когда я съялъ смерть повсюду вокругъ
 себя,

И самъ предъ смертью былъ—надеждой
 упоенный—
 Впервые, можетъ быть, не помнилъ я
 тебя.

Когда же подъ вечеръ мы собрались все
 амать,
 Чтобъ павшихъ, раненыхъ и взятыхъ въ
 плѣны считать,
 Повѣрь, какъ о мужой, я вспомнилъ о
 невѣстѣ...

Обдумалъ, понять все я, вотъ, рѣшилъ
 писать...

Хоть разъ пойми меня. Здѣсь рядомъ,
 умирая,
 Хрипѣтъ солдатъ. Проклинь, вопли,
 стонъ...

А въ дальнихъ небесахъ, безмянно до
 горла,
 Ухлевать сѣрый дѣнь и тихо шипѣтъ
 сонъ.

Пойми. Здѣсь всюду смерть, здѣсь жертва
 отреченая,
 А тамъ духи, уютный уголокъ,
 Веселый флиртъ, бабы, «о бѣдныхъ по-
 печеньяхъ...»

Къ чему обманывать! Я-бъ выдержать не
 могъ.

Все, что вы до сихъ поръ своимъ си-
 тали правымъ,
 Предъ чѣмъ смирился я—сапризы, соо-
 ры, миръ,—

Все отошло въ туманъ и въ призракъ
 кровавомъ.

Безъ боли я прочелъ: развѣивая твой
 кумиръ...

Вернусь ли я опять къ былымъ моимъ
 мечтаньямъ.

Иль вѣрность сохрани непонятой любви!..
 Не знаю ничего. Убить свои желанья,
 Всѣ чары женскія распутать я въ провѣ.

Простите рѣзкости.—въ нихъ бредъ уста-
 лой жизни:
 Я, право, занемогъ отъ этихъ страшныхъ
 сценъ,
 Но я принадлежу все, весь своей от-
 чинѣ!

А въ сердцѣ война не можетъ быть из-
 мѣнъ!

1915 г.

Княжна Кугушева.

Сокровища Рутенберговъ.

I.
 Только-что Владимиръ Ивановичъ съ дру-
 гомъ своимъ Андреемъ Кострицынымъ рас-
 положился на диванѣ въ кабинетѣ, какъ въ

комнату вошелъ ихъ общій школьный то-
 варищъ—Барсуковъ, молча поздоровался и
 бросился въ кресло. Лицо его было раз-
 строено.

— Ты что? Не болела ли жена?
 — Слава Богу, нѣтъ. А вотъ, рекомен-
 дуй мнѣ, пожалуйста, литератора, кото-
 рый могъ бы написать рассказъ про бѣлую
 даму.

— Что? Рассказъ о призракѣ? Зачѣмъ
 это?
 — Необходимо. Надо написать рассказъ
 съ моихъ словъ и попросить читающую
 публику сообщить мнѣ, чѣмъ каждый изъ
 прочитавшихъ рассказъ объяснить этотъ
 феноменъ.

— Да вѣдь о бѣлой дамѣ существуетъ
 дѣлая литература.

— Все силовой вымыселъ или леген-
 ды. А слѣдуетъ написать правду и факты,
 которые я сообщу.

— Все равно, никто не повѣритъ, и я—
 первый.

— Какъ не повѣришь, когда я самъ ви-
 дѣлъ такую женщину. Могу подтвердить
 это подъ присягой. Ее видѣла также моя
 жена.

— Когда же это было? Въ городѣ у
 насъ про бѣлыхъ дамъ что-то не слышно.

— А, насколько я знаю, ты почти десять лѣтъ
 живешь здѣсь безвыѣздно.

— Я не говорю, что видѣлъ ее теперь
 и здѣсь. Это было довольно давно, когда я
 еще ухаживалъ за Лидой.

— Если слова твои подтвердитъ Лидя
 Петровна—это будетъ вѣрнѣе. Хотя, мо-
 жетъ быть, ты и не выдумываешь, но, бу-
 дучи женщиной, ты подъ вѣстнымъ на-
 строениемъ, могъ принять простую бабу за
 видѣннѣе,—замѣтилъ съ улыбкой Костри-
 цынъ.

— Ты мнѣ не вѣришь? А что вы оба
 скажете на это?
 Тутъ Барсуковъ торжественно вынулъ
 бумажникъ, положилъ его на столъ и вы-
 талъ изъ него сложенную четверо си-
 нюю бумагу. Осторожно развернувъ ее, онъ
 важно посмотрѣлъ на товарищевъ и ска-
 залъ, растягивая слова.

— Это письмо одного Шведа къ сыну.
 Кострицынъ нагнулся надъ бумагой, а
 потомъ съ недоумѣниемъ посмотрѣлъ на
 своего друга, Владимира Ивановича.

Бумага была грубой выдѣлки, повидимо-
 му, очень старая и замѣчательная въ ней
 ничего не было, развѣ, что она была вся
 исписана.

— Смотрите хорошенько; чрезвычайно
 важный документъ.

— Да что въ немъ написано?
 — Точно не знаю. Самъ я его разобрать
 не могъ, но по догадкамъ лица, которое
 мнѣ его указало, письмо имѣетъ большое
 значение.

— Откуда же ты узналъ, что оно напи-
 сано какимъ-то Шведомъ сыну?
 — На заголовкѣ видишь: «Любимый
 Эрикъ». Это всякому понятно, кто хоть не-
 много знакомъ съ языками. А что Эрикъ
 былъ сыномъ—видно изъ подписи: «Отецъ
 твой Густавъ. 1642». Цифра, конечно, обо-
 значаетъ дату письма. Письмо это я взялъ
 изъ архива одного имѣнія, гдѣ оно лежало
 вмѣстѣ съ другими семейными бумагами.

Кострицынъ расхохотался.

— Чего ты?
 — Ты говорилъ сначала о призракѣ, а
 потомъ сунилъ намъ синюю бумагу. По-
 правдѣ сказать, я не вижу между ними
 связи.

— Бумагу я взялъ въ томъ же домѣ,
 гдѣ мы съ женой видѣли призракъ.

— Ты могъ взять ее и въ другомъ мѣстѣ.
 Для насъ результатъ былъ бы тотъ же.

— Не совѣтъ. Впрочемъ, если вопросъ
 о призракѣ васъ не интересуетъ, я больше
 говорить не буду.

Барсуковъ осторожно сложилъ письмо и
 сунилъ его обратно въ бумажникъ.

— Если ты не шутишь и дѣйствитель-
 но видѣлъ какую-то тѣль, то разсказывай:
 когда, гдѣ и при какихъ обстоятель-
 ствахъ,—серьезно сказалъ Владимиръ Ива-
 новичъ.

— Хорошо, я изложу все подробно, но

съ условіемъ, что вы оба отнесетесь къ
 моимъ словамъ съ должнымъ довѣріемъ.

— Ну, ладно, ладно,—успокойся.

— То, что я вамъ разскажу, произошло
 лѣтъ десять назадъ. Въ тридцати верстахъ
 отъ Ревеля есть имѣніе «Колки», которое
 отъ родественниковъ шведскихъ королей пе-
 реншло, относительно недавно, въ другія
 руки. По приглашенію владѣльца имѣнія,
 я отправился къ нему, чтобы привести въ
 порядокъ запущенныя дѣла.

Въ усадьбу я прѣхалъ ночью. Меня
 встрѣтилъ старикъ-лакей Францъ и про-
 велъ прямо въ предназначенную мнѣ ком-
 нату, гдѣ помогъ мнѣ разобрать вещи и
 разлѣяться. Онъ все время болталъ и сооб-
 щалъ мнѣ про имѣніе много интереснаго.
 Когда онъ вынулъ, я легъ и отлично про-
 спалъ до позднего утра.

Часомъ около двѣнадцати позвонили къ
 обѣду. Я прошелъ въ столовую: тамъ на-
 шель хозяина, Кузьма Григорьевича, кото-
 рый познакомилъ меня съ женой и племян-
 никой—Лидіей Петровной. Мы сѣли къ
 столу, но обѣдъ почему-то не позавали.
 Я началъ разговоръ о дѣлахъ, по Кузьма
 Григорьевичъ отвѣчалъ весьма неохотно и
 все время къ чему-то прислушивался. Я
 замолчалъ.

— Говорите, пожалуйста, не обращай-
 те на меня вниманія, это повторяется
 каждый день.

— Да ты, Кузьма Григорьевичъ, объ-
 ясни гостю, какіе у насъ порядки, а то
 онъ не знаетъ что подумаетъ,—сказала му-
 жу Анна Савельевна.

— Говорить не хочется... Вотъ дѣло въ
 чемъ. Купилъ я имѣніе, да вѣрно не къ до-
 му пришелся. Обли мы къ столу, вѣтъ хо-
 чется, а нельзя. Сколько еще сидѣть-то,
 Лида? Взгляни на часы.

— Еще минути три осталось.

— Ну, это недолго, сейчасъ все кон-
 чится—къ дому подѣдетъ коляска. Впро-
 чемъ, вы сами услышите.

Дѣйствительно, скоро со двора донесся
 шумъ подѣзжавшаго къ крыльцу экипажа.
 Слышенъ былъ мѣрный топотъ пары
 лошадей и поскрипываніе колесъ на доро-
 гѣ, посыпанной гравіемъ. Экипажъ оста-
 новился. Несколько мгновѣній было тихо,
 потомъ лошади тронулись шагомъ и скоро
 шумъ замолкъ.

— Наконецъ-то прѣехала.—проговорилъ
 Кузьма Григорьевичъ и перекрестился.

Хлопнула дверь въ соседней комнатѣ,
 кто-то прошелъ и все успокоилось.

Анна Савельевна встала стоявшей рядомъ
 съ приборомъ колокольчикъ и позвонила.

Обѣдъ подали.

Меня удивили слова Кузьмы Григорьеви-
 ча, и я обратился къ нему за разъясне-
 ніемъ.

— Нечистъ одна. Мы пробовали, какъ-
 то обѣдать, не дождавнись настоящей хо-
 зяйки, такъ она намъ недѣлю покою не
 давала.

— Да въ чемъ же дѣло, наконецъ?
 — Объ этомъ пусть вамъ моя племян-
 ника разскажетъ, а я и говорить не хочу.

Послѣ обѣда мы осматривали имѣніе и
 только вечеромъ мнѣ удалось кое-что
 узнать отъ Лидіи Петровны.

Кузьма Григорьевичъ, ея дядя, приобрѣлъ
 имѣніе очень дешево отъ подумавшаго
 Шведа—Стейнбока. Въ округѣ имѣніе
 пользовалось дурной славой, и никто изъ
 мѣстныхъ жителей покупать его не хо-
 тѣлъ. Говорили—въ домѣ бродятъ духи,
 часто слышались въ немъ стоны и слы-
 жется таія дѣла, что жить тамъ нельзя.

Кузьма Григорьевичъ объ этихъ слухахъ
 зналъ, но, не обращая на нихъ вниманія,
 поселился въ домѣ.

На другой же день всѣ нанятые имъ
 люди разбѣжались, такъ какъ, по ихъ мнѣ-
 нію, домъ былъ во власти нечистой силы.

Одни слышали ночьюъ завыванья, у дру-
 гихъ въ комнатѣ черезчуръ громко скреб-
 лись мыши, а третьимъ свились ужасныя
 сны.

Лидя разсѣдилась, но это не помогло: ни-
 кто изъ службъ къ нему идти не хотѣлъ:
 онъ поѣхалъ въ Москву, набралъ тамъ при-
 слугу и вмѣстѣ съ нею вернулся обратно.

— А вы сами слышали что-нибудь въ
 домѣ?—спросилъ я Лидію Петровну.

— Вѣтъ. Можетъ быть оттого, что я
 крѣпко сплю. А вотъ, когда мы въ пер-
 вый разъ попробовали обѣдать раньше
 времени, то я убѣдилась, что въ домѣ, дѣй-
 ствительно, происходитъ необъяснимыя
 вещи. Только-что подали супъ, какъ къ
 крыльцу быстро подѣхала коляска, въ
 столовую вошла красная женщина, вся
 въ бѣломъ, и жестомъ приказала стояще-
 му лакею убрать со стола миску. Дама про-
 шла черезъ комнату, открыла двери въ го-
 стиную, направилась въ уголокъ къ вѣдлан-
 ному въ стѣну зеркалу и исчезла.

«Мы такъ растерялись, что не могли по-
 вѣловать и только черезъ нѣсколько ми-
 нутъ очнулись. Лакей принесъ супъ и мы,
 съ гѣхомъ пополамъ, пообедали.»

«Съ тѣхъ поръ, по совѣту Франца, мы
 садимся къ столу по заведенному издавна
 въ домѣ порядку, въ полдень, а присту-
 пать къ ѣдѣ черезъ четверть часа и только
 послѣ того, какъ дама вернется съ про-
 гулки.»

— Это все, что могла сообщить мнѣ Ли-
 дия Петровна.

На вопросъ же мой, какъ могли они про-
 должать обѣдать подъ постояннымъ стра-
 хомъ появленія призрака, она мнѣ отвѣти-
 ла, что раньше они боялись, но потомъ
 привыкли.

— Представьте себѣ, и я въ концѣ кон-
 цовъ къ этому привыкъ!

Въ имѣніи я прожилъ довольно долго и
 кончилъ тѣмъ, что влюбился въ племянни-
 цу Кузьмы Григорьевича.

Какъ-то мы сидѣли съ нею въ гостиной,
 и я послѣ жаркаго объясненія издумалъ ее
 поцѣловать.

Лидія Петровна разсердилась и хотѣла
 уйти.

Я сталъ уговаривать ее остаться.

Въ это время послышался шелестъ жен-
 ского платья. Въ комнату вошла и напра-
 вилась къ намъ незнакомая дама. Я бро-
 сился къ ней навстрѣчу, но замѣтивъ, что
 лицо ея блѣде бѣлаго платья—остановил-
 ся и закрылъ отъ ужаса глаза. Голосъ Ли-
 дии Петровны привелъ меня въ себя.

— Что вы стоите? Все кончено.

— Неужели, это бѣлая дама?—спро-
 сить я пошотомъ.

Лидія Петровна не отвѣтила.

Скоро я сдѣлалъ ей предложеніе, но надо
 было заручиться согласіемъ ея олекуна,
 Кузьмы Григорьевича, который непремѣн-
 но желалъ выдать Лиду за сына своего
 пріятеля.

Мы не знали, что дѣлать, и, наконецъ,
 Лидя обратилась за совѣтомъ къ старому
 Францу, который чувствовалъ къ ней осо-
 бое расположеніе.

Надо замѣтить, что старикъ былъ чело-
 вѣкомъ незауряднымъ и всѣ въ округѣ от-
 носились къ нему съ большимъ уваженіемъ,
 хотя и не знали, кто онъ и откуда.

Францъ успокоилъ Лиду и просилъ ее не
 волноваться и ждать.

Черезъ нѣсколько дней Кузьма Григорье-
 вичъ спросилъ насъ, дѣйствительно ли мы
 видѣли бѣлую даму. Мы разсказали ему,
 какъ она явилась намъ въ гостиной; онъ
 изумился и замѣтилъ, что тоже ее ви-
 дѣлъ. При этомъ онъ добавилъ, что въ до-
 мѣ непремѣнно должно что-нибудь слу-
 читься, такъ какъ призракъ появляется,
 какъ онъ слышалъ, только передъ какимъ-
 нибудь важнымъ событіемъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Францъ
 и подтвердилъ, что появленіе дамы предвѣ-
 щаетъ обыкновенно несчастье, но если она
 показывается два раза, то это къ большой
 радости.

Лицо Кузьмы Григорьевича просвѣтлѣло,
 и онъ шуточно замѣтилъ, что если увидитъ
 призракъ еще разъ, то онъ противъ нашей
 свадьбы ничего имѣть не будетъ.

Прошелъ мѣсяцъ, а дама не появлялась,
 хотя ежедневно передъ обѣдомъ повторя-
 лась все та же исторія.

Ждать мнѣ надобно, и я началъ уговари-
 вать Лиду повѣнчаться, не ожидая благо-

словения упрямого дядюшки. Лида не соглашалась, так как была вполне уверена, что бллая дама поможет нам в этом деле.

Однажды вечером, только что мы с Кузьмой Григорьевичем приступили к разборке полученных писем, как позвонила дверь. Мы обернулись; дверь была открыта, хотя я только что перед тем сам запер ее на ключ. Кузьма Григорьевич встал, чтобы ее приоткрыть, но в это время в противоположном углу комнаты, точно из стѣны, вышла женщина вся в белом, с накинутой на голову платком и, поддерживая одною рукою платье, быстро прошла мимо нас в открытую дверь. Дверь за нею сама собою захлопнулась. Кузьма Григорьевич поблбдил и перекрестился. Я слышала, как он прошептал: «Да воскреснет Бог и расточается прази Его». Признаться, и я сама почувствовала себя не важно.

На другой день Анна Савельевна объявила мнѣ, что Кузьма Григорьевич на свадьбу мою съезжал и согласен и просит повлбчаться скорѣе, так как собирается ѣхать в Москву.

Осенью Лида стала моею женою, а дядюшка зимою скончался.

— Выходит, что бллая дама ошиблась, явившись два раза вмѣсто одного,—насмѣшливо качая головою сказала Кострицынъ.

— Итъ, не ошиблась. Она появилась Кузьмѣ Григорьевичу и намъ одинъ только разъ. Второй же разъ, надо сознаться, роль ее исполнила, съ помощью Франца, Лида.

— Завабно! Но неужели ты, проживъ все лѣто в имѣнии, не поинтересовался узнать, чѣмъ объясняется шумъ подблжавшаго къ крыльцу экипажа?

— Какъ не поинтересовался! Очень даже. Чего только мы ни предпринимали съ покойникомъ, чтобы это изслѣдовать. Ставили сторожей у крыльца и въ гостиную, но они ровно ничего не видѣли и не слышали. Когда же мы привели ихъ въ столовую, то имъ слышалось то же, что и намъ.

— Отчего же хозяева дома, чтобы не испытывать неприятныхъ ощущений, не оббдвали въ другой комнатѣ?

— Представь себѣ, этого не хотѣлъ Кузьма Григорьевичъ. Онъ говорилъ, что разъ порядокъ въ домѣ заведенъ вѣхами, то ему надо слѣдовать, и что, если прежніе владѣльцы мирились съ причудами бллой дамы, то и мы должны мириться съ ними. Странный былъ человекъ!

— А чѣмъ вы объяснили самый фактъ появления этого призрака?

— Объяснить его мы ничѣмъ не могли. Мы прочитали много книгъ, изслѣдовали вдоль и поперекъ домъ, но ни до чего не добрались.

— Да почему же ты теперь о ней вспоминаешь и даже хочешь, чтобы читатели заказаннаго тобой разсказа дали объясненія,—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Это необходимо. Тайна дамы должна быть разгадана. Я пришелъ къ тебѣ, чтобы объ этомъ именно посоветоваться. Мнѣ вчера явилась тѣмъ этой женщины. Студно сознаться, но это меня странно волнуетъ.

— Явилась здѣсь? Удивительно!—вскрикнулъ Кострицынъ.—А, скажи, кому принадлежатъ теперь это заколоченное имѣніе?

— Аннѣ Савельевнѣ—женѣ покойника. Только она въ немъ не живетъ. Сдала имѣніе въ аренду и приказала заколотить домъ.

— А Франца куда дѣвала?

— Не знаю. Вѣроятно, живетъ при усадьбѣ.

— Ты знаешь, Николай, я хорошо знаю съ языками. Дай мнѣ на нѣсколько дней эту бумагу. Я доберусь до ея смысла, а потомъ вмѣстѣ займемся призракомъ.

II.

— Ты очень занятъ это время или не особенно?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ заблжавшій къ нему Кострицынъ.

— Какъ всегда, а что?

— Ѣдемъ въ Ревель, а оттуда въ «Бол-

ки». Захватимъ съ собою и Николая. Отка, въ которомъ хранились бумаги и, открывъ его, вынулъ верхнюю папку. Когда она ее развернула, то вмѣстѣ бумага увидѣла старые планы имѣнія.

— «Здѣсь кто-то безъ насъ хозяйничалъ. Кому могли понадобиться семенные документы?»

Пронесшійся по комнатѣ сдавленный крикъ заставилъ ее насгорожиться.

Она быстро окинула глазами помещеніе—въ немъ ничего не было.

— Неужели я ослышалась? Не уйти ли?—сказала она про себя.—Тутъ одной оставаться не слѣдуетъ. Можно нервы разстроить.

Быстро сложивъ папки и сунувъ ихъ въ ящикъ, она направилась въ гостиную.

По дорогѣ ей встрѣтился Кострицынъ.

— А я къ вамъ,—заговорилъ онъ встревоженно.—Скажите, пожалуйста, живетъ здѣсь кто-нибудь, кромѣ насъ?

— Итъ. Вы же видѣли, что домъ былъ заколоченъ.

— Ну, это ничего еще не доказываетъ.

— Вы кого-нибудь видѣли?

— Никого. Но только что вы ушли и я съелъ читать, какъ надъ головою у меня началась такая возня, что хотѣло вонъ бѣги. Что бы это могло быть?

Не успѣвъ Кострицынъ закончить фразы, какъ сильнымъ порывомъ вѣтра захлопнуло окно и разбитыя стекла со звономъ посыпались на полъ.

— У, чортъ!—вскрикнулъ онъ и взглянулъ на Лидію Петровну.

Та стояла, испуганно озираясь и не зная, что дѣлать. Очнувшись, она схватила за руку Кострицына и быстро повела къ себѣ.

— Здѣсь всегда было спокойно,—облегченно вздохнувъ, сказала она, входя въ комнату и указывая спутнику на кресло.

Кострицынъ сѣлъ и, побормотавъ: «Какой, однако, сильный вѣтеръ»,—уткнулся въ книгу. Онъ просидѣлъ за нею до самаго прихода товарищей, вернувшихся довольно поздно.

— Что вы такъ долго?—спросила Лидія Петровна.

— Мы очень даже торопились, боялись дождя. Кажется, гроза надвигается,—отвѣтилъ ей мужъ.

— Насъ задержалъ пасторъ,—перебилъ его Владиміръ Ивановичъ.—Онъ сталъ подробно разсказывать намъ исторію этого края, и уйти было неудобно.

Отъ него мы узнали кое-что про замокъ. Первый этажъ его построенъ неизвестнымъ рыцаремъ, а второй—когда мѣстностью завладѣли Шведы—родственникомъ шведскаго короля, Стейнбокомъ.

Интереснѣе всего, что на одномъ изъ камней перваго этажа высѣченъ гербъ,—дѣвъ розы и крестъ. Если прочесть его пошлячки, то выйдетъ «розенкрейцъ»,—значить можно предположить, что первый владѣлецъ дома принадлежалъ къ могущественнѣйшему ордену розенкрейцеровъ.

— Не все ли равно, кто былъ хозяиномъ дома при царѣ Горохѣ?—замѣтилъ Кострицынъ, который съ возвращеніемъ друзей пришелъ въ свое обычное настроеніе.

— Не совсѣмъ, вспомни-ка исторію ливонскихъ рыцарей и ихъ нравы. Постройка должна быть интересной. Когда сооружали второй этажъ, то надъ этимъ гербомъ помѣстили другой щитъ—съ насъ не было; съ тестемъ я не ладилъ, козлиной головою и большими рогами.

Это гербъ шведскихъ владѣльцевъ имѣнія. Они считали себя родовитѣе прежнихъ хозяевъ и помѣщали вездѣ свои вышѣ нѣмецкихъ. Про даму пасторъ сказалъ намъ, что по преданію она мнѣ нужна были деньги, и я обратился за ними къ женѣ. Отбѣтъ ея вызвалъ во мнѣ подозрѣніе, что въ исчезновеніи денегъ замѣшана она.

Причину появленія бллой дамы пасторъ не знаетъ. Вообще про нее существуетъ много разсказовъ, но придать имъ какое-либо значеніе, по его мнѣнію, не стоитъ. Гораздо большаго вниманія,—увѣряетъ пасторъ,—заслуживаетъ огонекъ, появляющійся иногда въ одномъ изъ оконъ второго этажа.

— Я никогда огня не видѣла,—оставила мужа Лидія Петровна.

— Я тоже. Но сегодня, когда мы подходили къ усадьбѣ, то за версту отъ дома замѣтили, что одно изъ оконъ свѣтилось.

— Не скажу, чтобы вы собрали данныя, облегчающія наши разслѣдованія,—замѣтилъ Кострицынъ.—Разсказъ про розы съ крестомъ и козлиную голову въ гербѣ—не объясняетъ дѣла. По моему, какъ огонекъ въ окнѣ, такъ и самое появленіе дамы—плоды разгоряченнаго воображенія.

Только что онъ произнесъ послѣднее слово, какъ надъ замкомъ разразилась гроза и отъ удара грома задрожали стѣны.

Висѣвшее надъ дверями панно сорвалось и съ трескомъ упало. Всѣ вздрогнули и взглянули на мѣсто, гдѣ висѣла картина: тамъ оказался гербъ розенкрейцеровъ, а надъ нимъ козлиная морда, которая, выпучивъ глаза, какъ будто бы осматривала сидѣвшихъ.

— Точно гоголевская свинья изъ Сорочинской ярмарки,—замѣтилъ Кострицынъ и, подойдя къ упавшей картинѣ, началъ собирать куски разбитой рамы.

III.

На другой день всѣ были не въ духѣ и по очереди накидывались на Кострицына, уговорившаго ихъ ѣхать въ имѣніе.

Тотъ только отмалчивался.

— Ты хвастался, что разобралъ непонятное письмо. Открой же, наконецъ, тайну этого документа,—недовольнымъ голосомъ обратился къ нему Владиміръ Ивановичъ, нервно постукивая пальцами по ручкѣ кресла.

— Бросьте, господа, ссориться,—примирительнымъ тономъ замѣтила Лидія Петровна.—я такъ очень рада, что сюда прѣехала. Приведу домъ въ порядокъ и напишу тетюшкѣ о разныхъ успехахъ. Много бѣды пропало; почти вся посуда перебита. Это ни на что не похоже. Вчера въ архивѣ я тоже нашла безпорядки. Я замѣтила, что многихъ документовъ не хватаетъ. Скажите, Андрей Ивановичъ, если вы дѣлательно работали надъ этимъ письмомъ, которое было у Коля, то что въ немъ написано?

— Съ удовольствіемъ, но я думалъ осмотрѣть раньше домъ. Если же вы настаиваете на желаніи узнать предварительно содержаніе документа, то я къ вашимъ услугамъ. Можетъ быть, такъ будетъ и лучше. Я сейчасъ достану переводъ.

Кострицынъ вышелъ и черезъ минуту вернулся съ папкой бумагъ.

— Вотъ твое письмо, Николай, бери его! А вотъ, господа, и переводъ:

«Дорогой Эрикъ. Чувствуя приближеніе кончины, пишу тебѣ, чтобы предостеречь отъ искушеній. Прочти письмо внимательно.

«Второй женой моей была дочь нѣмецкаго барона фонъ-Рутенбергъ, на которой я женился по волѣ короля Густава, при взятіи Ревеля.

«Бракъ былъ несчастливъ; дѣтей у насъ не было; съ тестемъ я не ладилъ, козлиной головою и большими рогами.

«Вскорѣ послѣ смерти тестя я замѣтилъ, что всѣ наши драгоценности и золото куда-то были скрыты.

«Въ это время меня вызвали въ войско. Мнѣ нужны были деньги, и я обратился за ними къ женѣ. Отбѣтъ ея вызвалъ во мнѣ подозрѣніе, что въ исчезновеніи денегъ замѣшана она.

«Я рѣшилъ за ней слѣдить, и когда она

въ этот же день пошла въ бывшую спальню отца, куда почти никогда не входила, я отпирала за ней.

«Войдя въ комнату, она приблизилась къ стѣнѣ, гдѣ стояла раньше его кровать, надавила рукой карнизъ, шедшій вдоль дубовой панели, и вдругъ предо нею открылась дверь, существованіе которой было мнѣ неизвѣстно.

Жена вошла въ чернѣющее за дверью отверстіе, но, услышавъ вырвавшійся у меня крикъ удивленія, остановилась.

«Я кинулся къ ней, но въ это время дверь захлопнулась. Жена открыла ее не могла и стала кричать.

«Я бросился къ тому мѣсту, гдѣ только что въ стѣнѣ было отверстіе, сталъ нажимать въ разныхъ мѣстахъ карнизъ, потомъ отодралъ всю панель, думалъ найти подъ нею входъ, но все было напрасно. Двери не было.

«Крики въ это время перешли въ стоны. Когда же они стали понемногу смолкать, я понялъ, что жена моя погибаетъ. Я бросился на стѣну, старался разбить ее кулаками, посылая проклятіе Небу, не хотѣвшему мнѣ помочь, и въ злобномъ безсиліи скрежеталъ зубами.

«Отъ ужаса холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Въ дикомъ отчаяніи я бросился на полъ, бился головой о стѣну, прислушиваясь къ почти смолкнущимъ за нею признакамъ жизни.

«Затѣмъ они прекратились. Я рѣшилъ, что все уже кончено, и я сталъ убійцей. Я сталъ убійцей въ погонѣ за золотомъ, но оно же меня и погубило, оно терзало меня годами и преслѣдовало до самой смерти. Оно видѣлось мнѣ во всемъ.

«Я слышалъ то крики жены, то тихіе стоны; они усилились по комнатамъ; они были слабы, но отъ нихъ я затыкалъ уши, и закрывалъ голову, закутывая ее въ толстые мѣха, оставляя только ротъ для дыханія. Я убѣгалъ отъ нихъ въ поле, уходилъ далеко въ лѣсъ, но все было тщетно. Стоны гонялись за мной, неслись и въ поле, и въ лѣсъ.

«Я не спалъ. Нѣтъ, я все слышалъ; я слышалъ блѣдность жены; я слышалъ желтый цвѣтъ золота—и не могъ двинуться.

«Утромъ приходилъ Генрихъ и, вливая въ ротъ лекарство—жгучее, какъ раскаленный проклятіемъ металлъ, болью сожженного рта возвращалъ меня къ жизни.

«Я былъ у пастора, я каялся ему. Онъ молился за меня; молился и я, но молитвы мои не могли достигнуть до Бога. Ихъ заглушалъ дикій хохотъ сыпавшихся монетъ и стоны погубленной жизни.

«Дорогой Эрикъ! Дорогой сынъ мой, молись за погнѣнную душу мою, и, можетъ быть, молитва твоя загаситъ на время адскій огонь, который меня пожиралъ.

«Не ищи золота: оно слуга сатаны.

«Отецъ твой Густавъ. 1642».

— Ну, что вы скажете, господа,—обратился Кострицынъ къ своимъ друзьямъ, окончивъ чтеніе.

— Ужасное письмо!—вскрикнула Лидія Петровна.—Сколько мученій долженъ былъ пережить этотъ несчастный, чтобы такъ написать.

— Написано выразительно. Думаю, что сынъ послѣдовалъ совѣту отца и золота не искалъ. Но мнѣ непонятно, какъ въ семнадцатомъ столѣтіи могли употребиться выраженія, служащая признакомъ вырожденія. «Я слышалъ блѣдность жены»... «Я слышалъ желтый цвѣтъ золота»... Этотъ современный оборотъ рѣчи подрываетъ довѣріе къ документу. Не подложное ли это письмо?—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, взглянувъ вопросительно на своего друга.— Или невѣрный переводъ?

— Переводъ, конечно, неподстрочный, я сгладили нѣкоторыя мѣста и даже немного измѣнили ихъ, чтобы придать имъ большее значеніе.

— Дѣло не въ словахъ, а въ смыслѣ.—Иль перебилъ Барсуковъ.—Изъ письма совер-

шено ясно, что случайно погибла женщина, Барсуковъ, присаживаясь къ столу.—А, что прахъ ея покинется въ стѣнахъ этого дома. Кромѣ того, весьма вѣроятно, что въ какомъ-либо тайникѣ скрыто золото.

— Если то и другое не было кѣмъ-

то, Лидя, нашли Франца?

— Да, онъ намъ и будетъ прислуживать. Прошло минутъ десять.

Вдали послышался шумъ подъѣзжающаго

шмыгнуло что-то черное.

— Только что я вѣбжалъ въ комнату,—сказалъ Кострицынъ,—вижу, въ открывающуюся вмѣстѣ съ этимъ зеркаломъ стѣну

— При чемъ же тутъ дама? Ты видѣлъ что-то черное, а она бѣлая. Не увидѣлъ ли ты свое отраженіе, другъ мой,—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.—Ты, кажется надъ нами подшутилъ? А? Двери что-то здѣсь незамѣтно.

— Вы видѣли, сударь, меня,—вмѣшался въ разговоръ Францъ. Это я подходилъ къ зеркалу, а вышелъ отсюда въ эту маленькую дверь. Она ведетъ въ коридоръ. Сегодня я ее только что отперъ; раньше она была всегда закрыта.

— Вотъ такъ дама!—вскрикнулъ Владиміръ Ивановичъ.—Идемте, господа, скорѣе обѣдать, а то Андруша съ голоду еще что-нибудь увидитъ.

IV.

За обѣдомъ Лидія Петровна была задумчива. Объясненіе Франца ей показалось страннымъ. Поэтому, когда всѣ разошлись послѣ обѣда по комнатамъ, она вернулась въ гостиную и стала внимательно осматривать зеркало.

Зеркало было въ темной деревянной рамѣ, плотно прилегающей къ стѣнѣ. Рама опиралась на тонкій карнизъ, отдѣлявшій нижнюю часть стѣны, разбитую тонкими планками на квадраты.

Лидія Петровна замѣтила, что двѣ изъ планокъ какъ разъ служили продолженіемъ рамы. Вглядѣвшись попристальнѣе въ карнизъ, она увидѣла въ немъ подъ рамой тонкія, какъ волосокъ, шелки. Вспомнивъ, что въ письмѣ къ сыну Эрику хозяинъ писалъ, что жена его надавила рукою карнизъ, Лидія Петровна стала надавливать карнизъ въ разныхъ мѣстахъ, но дверь, которая, по ея мнѣнію, могла тутъ быть, не открывалась. Она такъ увлеклась изслѣдованіемъ, что не слышала, какъ къ ней подошелъ сзади Францъ.

— Вы мнѣ, барыня, не повѣрили, а двери здѣсь нѣтъ; есть, правда, шкапъ. Я вамъ его сейчасъ открою.

Съ этими словами старикъ надавилъ карнизъ съ правой стороны зеркала, и оно вмѣстѣ съ нижней частью стѣны тихо открылось, какъ дверь.

За зеркаломъ, дѣйствительно, было очень неглубокій шкапъ съ полками для книгъ.

— Гдѣ могла здѣсь скрыться женщина? Баринъ просто поугасть васъ хотѣлъ, а этого дѣлать не слѣдуетъ.

— Скажите, почему вы не показали мнѣ этотъ шкапъ, когда я жила здѣсь съ дядошкой?

— Я самъ про него недавно узналъ. Какъ недавно? Вѣдь домъ былъ заколоченъ.

Францъ немного смутился.

— Я иногда отдиравъ доски отъ входа и приходилъ сюда, чтобы послушать, прѣзжаетъ ли дама, когда въ домъ никого нѣтъ.

— Ну и что же?

— Когда домъ необитаемъ, дама не появляется.

— А гдѣ вы теперь живете сами? Гдѣ ваша семья? Говорятъ, что вы недѣлями пропадаете, и что дочь ваша скрылась?

— Она живетъ въ Ревелѣ, работаетъ. Что ей тутъ дѣлать?

— Жалко. А мнѣ хотѣлось бы съ ней повидаться.

— Увидите. А вы надолго, барыня, въ имѣніе прѣехали?

— На нѣсколько дней. Помните, вы дали мужу письмо на синей бумагѣ. Ну, такъ мы его перевели и прѣехали сюда, чтобы узнать, вѣрно ли то, что въ немъ написано.

— Неужели перевели? Это хорошо. Письмо должно было содержать что-нибудь важное, иначе не писали бы его на непонятномъ языкѣ.

— Оно написано по-шведски. Надо было только сообразить, какъ его прочесть. Вы знаете, въ этомъ домѣ случайно погибла жена перваго Стейнбога.

«НЕПОРОЧНАЯ».—Картина В. А. Бугро (William-Adolphe Bouguereau).

нибудь раньше найдено и разложено по экипажа; у крыльца лошади остановились; своимъ мѣстамъ,—замѣтилъ съ ироніей Кострицынъ.

— Не думаю. Объ этомъ знаютъ бы пасторъ. Осмотримъ домъ, начиная съ подвала, потомъ разспросимъ Франца, и я уверю, что мы доберемся до разъясненія всѣхъ тайнъ этого дома. Начнемъ дѣйствовать послѣ обѣда. Лидя, распорядись, пожалуйста, чтобы подали обѣдъ въ двѣнадцать часовъ.

— Уже сказано. Но, вы господа, не до васъ говорили то же самое, но всѣ, какъ вы, ошиблись.

— Садитесь, пожалуйста, ровно двѣнадцать. Если бѣлая дама еще здѣсь хозяй-ничаетъ, надо ждать ея прѣзда,—сказалъ дѣло.

«...Онъ всталъ, взявъ Младенца и Матерь Его, и пошелъ въ Египетъ».
Матв. II, 14.

Бѣгство въ Египетъ.
Картина Эдуарда-Анри Жирарде (Girardet).

— А что написано про деньги? Гдѣ скрыто золото? Последний Стейнбокъ говорилъ мнѣ, что объ этомъ упоминается въ письмахъ.

Вмѣсто отвѣта Лидія Петровна передала Францу содержаніе разобраннаго документа.

— А скажите,—спросила она въ свою очередь старика,—не знаете ли вы, искалъ кто-нибудь изъ прежнихъ хозяевъ погибшую женщину?

— Е-то, навѣрное, никто. Развѣ могутъ интересоваться людей чьи-либо кости? Но золото Стейнбоки искали. Гуго Стейнбокъ, отецъ продавшаго имѣніе, погибъ во время розысковъ. Однажды утромъ его нашли въ одной изъ комнатъ дома съ разбитой головой. Это было уже при мнѣ. Я отлучно помню, какъ его и нашли. Рядомъ съ нимъ лежали кирка и ломъ. Онъ думалъ пробить стѣну и овладѣть богатствами, надъ пріобрѣтеніемъ которыхъ никто изъ рода его не трудился. Ему это не удалось, какъ не удалось и другимъ. Всѣ искавшіе до сихъ поръ это золото сходили съ ума или неожиданно умирали. Золото, скрытое здѣсь, накоплено для Рутенберговъ. Они одни могутъ его найти и только они его получать. Такъ говоритъ легенда.

— Откуда вы знаете про Рутенберговъ?

— Слышала. Видѣ я здѣсь живу давно. Вотъ не знаю только мѣсто, гдѣ тайникъ и какъ въ него проникнуть. Жалко, что въ письмѣ объ этомъ не сказано.

Проговоривъ послѣднія слова, Францъ пытливо взглянулъ на Лидію Петровну.

— Да, жалко, Францъ.
— Значить, надъ переводомъ не стоило и трудиться?

— По моему, очень стоило. Надо найти эту женщину и похоронить ее, какъ слѣдуетъ, по-христіански.

«МАДОННА ДЕЛЛА-ТЕНДА».—Картина Рафаэля Санти (находится въ Мюнхенской Пинакотека).

— И взять вмѣстѣ съ женщиной золото.

— Что вы, Францъ?

У.

— Итакъ, господа, начнемъ осмотръ дома. Прежде всего отправимся въ подвалъ. Лидя, вели принести изъ конюшни фонарь, тамъ вѣрно есть хоть одинъ,—сказалъ Барсуковъ, обращаясь къ женѣ.

— Мнѣ, кажется, не мѣшало бы поискать въ библиотекѣ планъ постройки,—замѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Его, конечно, нарочно для насъ приготовили и положили на видное мѣсто,—возразилъ Кострицынъ.—Причемъ тутъ планъ. Домъ, вѣроятно, неоднократно перестраивался, а подвалъ перегораживался стѣнами, я думаю, такъ же часто, какъ мѣнялись владѣльцы. Идемте прямо внизъ, мы все только говоримъ и теряемъ напрасно время.

— Пусть будетъ по твоему. Берите, господа, свѣчи, а ты, Лидя, возьми фонарь. Не знаю, съ какого входа спускаться—ихъ два.

— Съ ближайшаго. Это самое вѣрное средство начать, наконецъ, дѣйствовать.

Несмотря на желаніе Кострицына поспѣть скорѣе въ подвалъ, Барсуковъ, шедшій впереди, уговорилъ сдѣлать обходъ всего дома, чтобы имѣть представленіе объ его размѣрахъ.

— Этакая промадина,—проворчалъ Владиміръ Ивановичъ, считая шаги, которыми онъ намѣрелся длину стѣнъ.

— Да, вѣдь, и золота накоплено было много. Сдѣловало и ему приготовить мѣсто!—сострилъ Кострицынъ, останавливаясь у входа въ подвалъ.

Барсуковъ сошелъ внизъ первымъ; за нимъ по очереди спустились остальные.

По срединѣ подвала шелъ коридоръ, по одну сторону котораго были отдѣльныя по-

мѣщенія, наб. глы до-верху сложеннымъ были гораздо больше, ничего найдено не ли времена! Да къ тому же я вспомнила что сокровища дѣйствительно здѣсь скры-
туда арендаторами съномъ. было.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Барсуковъ — Странное расположеніе. Отсюда не-
крикнулъ, что впереди будетъ снова прѣтвнно должна была идти лѣстница вопросъ Кострицына, почему она не хотѣ-
лѣстница. прямо въ домъ. Не могли же владѣльцы за продолжать изслѣдованіе подвала, — Конечно, но меня удивляетъ, что
ихъ не нашли въ теченіе двухъ столѣтій.

Спутники его замедлили
шаги, осторожно сошли по
исковерканнымъ ступенямъ
низы и очутились въ первомъ
этажѣ подвала, гдѣ въ стари-
ну были тюрьмы.

Въ спертомъ и тяжеломъ
воздухѣ свѣчи едва горѣли.
Земляной полъ мѣстами былъ
покрытъ плѣсенью, которая
видѣлась также и на стѣ-
нахъ.

— Вотъ такъ помѣщеніе!
Еще задохнемся, пожалуй, —
проворчалъ Кострицынъ, шед-
шій позади всѣхъ. — А каме-
ры все-таки слѣдуетъ осмо-
трѣть.

Съ этими словами онъ во-
шелъ въ находившуюся около
него открытую дверь.

— Есть нѣсколько разби-
тыхъ бочекъ, господа—ска-
залъ онъ, вернувшись. — Это
немного. Или-ка теперь ты,
Владиміръ Ивановичъ. Можешь
быть, тебѣ удастся найти что-
нибудь поинтереснѣе. Вотъ сю-
да, въ эту камеру безъ дверей.

Владиміръ Ивановичъ испол-
нилъ желаніе товарища и
скоро позвалъ всѣхъ къ себѣ.

Въ помѣщеніи вдоль стѣны
былъ цѣлый рядъ бочекъ, сто-
явшихъ вверхъ дномъ.

— Странный способъ хра-
нить бочки: ихъ обыкновенно
ставятъ бокомъ, — ска-
залъ онъ, восхищенно.

— А если въ нихъ была капуста, то онѣ этого замка, знатные рыцари, ходить въ
стоятъ совершенно правильно. Ну, конеч-
но, была капуста. Видишь верхнюю дна
нѣтъ, — отвѣтилъ Кострицынъ.

Владиміръ Ивановичъ взялся рукою за
бочку и опрокинулъ ее на бокъ. Изъ бочки
попрыгали кости.

— Это не особенно похоже на капу-
сту, — сказалъ онъ, поднимая человѣческой
черепъ.

— Положите его назадъ и поскорѣе
уйдемъ, — обратилась къ нему Лидія Пе-
тровна и вышла въ коридоръ.

Кострицынъ заглянулъ въ другую бочку
и, увидѣвъ въ ней тоже кости, направился
къ выходу.

— Здѣсь я еще не былъ. Знаешь, что
это такое? — спросилъ Барсуковъ, оставша-
гося съ нимъ Владиміра Ивановича. Эт-
та камера для особаго рода пытки. — Человѣка
сажали въ бочку съ водой, а голову оста-
вляли снаружи. Вода разбѣдала связаннаго
человѣка, онъ, такъ сказать, размокалъ, и
если его не вынимали во-время, то умиралъ
очень медленной и музительной смертью.
Этотъ способъ часто въ старину приме-
нялся рыцарями разныхъ орденовъ, въ родѣ
розенкрейцеровъ.

— Чортъ знаетъ, что за варварство!
Идемъ.

— Постой. Меня удивляетъ, что я не
видѣлъ этой камеры раньше. Видѣ въ под-
валѣ я неоднократно обходилъ всѣ помѣ-
щенія. Осмотримъ-ка входъ.

Барсуковъ приблизилъ свѣчку къ стѣнѣ.
— Ну, конечно, стѣна пробита недавно.
Раньше ходъ былъ гораздо выше и давно
заложены. А вотъ и свѣжіе слѣды новѣй-
шей работы. Въ углу лежатъ неубранные
камни. Несомнѣнно, что подвалъ кто-то не-
давно изслѣдовалъ. Надо будетъ вниматель-
но осмотрѣть остальные помѣщенія.

— Чего вы застряли? Идите скорѣе. Я
уже здорово продрогъ, дьявольски сыро.
Ступай-ка, Николай Николаевичъ, впередъ.
Видѣ ты одинъ здѣсь все знаешь, — кри-
кнулъ въ дверь Кострицынъ.

Въ слѣдующихъ помѣщеніяхъ, которыя

«ДОМЪ ЕОНІЙ». — Картина Н. Н. Рериха.
10 декабря исполнилось 25-лѣтіе художественной дѣятельности Н. К. Рериха.
Съ фот. Ксен. Глибовской.

Тутъ же она рассказала ему про свою
Тутъ же она рассказала ему про свою
бесѣду съ Францемъ.

— Я думаю, что нантъ старый слуга
больше знаетъ, чѣмъ говорить. Онъ самъ,
наверно, давно ищетъ скрытое золото. А
что онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ
воздухъ чище, — возразилъ Кострицынъ и
попытался впередъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи подвала было
сухо и всѣ остановились, чтобы посовето-
ваться, что дѣлать.

— Я иду домой, осматривайте подвалъ
безъ меня, — сказала Лидія Петровна и
ушла.

Къ ней присоединился и Кострицынъ.

VI.

— На меня эти бочки съ костями про-
извели тяжелое впечатлѣніе. Вотъ-то бы-

Только что они вышли изъ библиотеки,
какъ дверь одного изъ шкаповъ откры-
лась и оттуда высунулась голова Франца.

Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ осто-
рожно пошелъ вслѣдъ за ними. Дойдя по
коридору до дверей, за которыми они
скрылись, онъ остановился и сталъ слу-
шать.

— Кладите планъ на столъ и покажите,
гдѣ вы нашли въ подвалѣ лѣстницы, —
сказала Лидія Петровна.

— Вотъ онъ, смотрите! Между четвер-
той и пятой камерой одна; это въ первомъ
коридорѣ, а во второмъ, который идетъ со
стороны зала — вторая. Вотъ здѣсь, въ са-
мой серединѣ подвала. Постойте-ка, я
сейчасъ соображу, куда можетъ выйти
лѣстница въ домъ. Начну съ угла. Перед-
няя, кабинетъ, моя комната; вотъ это —
залъ, потомъ комната Владиміра Ивано-
вича. Это будетъ середина дома. Лѣстница
должна выходить въ его комнату. Пой-
демте туда. Видѣ она отдѣлана панелью
съ гарнизомъ. Помните, такъ сказано въ
письмѣ.

— А какъ его фамилія?
— Вы думаете, что онъ изъ Рутен-
берговъ? Нѣтъ, его фамилія очень про-
стая — Шульцъ.

— Какъ же это онъ не боится искать
безнаказанно золото? Вдругъ его убьютъ
или онъ съ ума сойдетъ. Что-то подозри-
тельно. А, скажите, вы сами-то вѣрите,

Вѣроятно, плохо искали или боялись.

Не мѣшало бы поискать планъ
дома. Не хотите ли порыться
въ архивѣ?

— Съ удовольствіемъ.

Въ библиотеку они вытаци-
ли изъ ящика папки съ бума-
гами и стали ихъ быстро пере-
бѣрывать. Скоро имъ попался
обрывокъ стариннаго плана до-
ма съ разными помѣтками.

Взглянувъ на него, Костри-
цынъ отъ удовольствія даже
вскрикнулъ.

— Видите, Лидія Петровна,
сколько мы пропустили инте-
реснаго. Помните, по коридору
мы видѣли только одну ка-
меру, а посмотрите: вотъ тутъ
лѣстница одна, вотъ другая, а
вотъ колодезь, котораго мы
совсѣмъ не видѣли. Оттого въ
подвалѣ и сырость. Идемте
скорѣе къ вамъ въ комнату.

Удивительно, какъ это раньше
никто изъ желающихъ найти
золото, не догадался просмо-
трѣть планы. Здѣсь есть пер-
вый этажъ подвала — самый
нижній, а рядомъ второй —
это ясно. Жалко, что нѣтъ
расположенія жилыхъ помѣще-
ній въ домѣ. Но это не важно.
Мы съ вами и такъ все сообра-
зимъ и сейчасъ доберемся до
тайника. Вотъ такъ лозко!

Забравъ бумаги, они отпра-
вились въ комнату Лидіи Пе-
тровны.

— Вы думаете, что тайникъ по этой
лѣстницѣ? А почему не можетъ онъ быть
во другой?

— Потому, что вторая выходитъ въ
парадную комнату. Въ письмѣ сказано,
что жена перваго Стайнбока погибла въ
спальнѣ отца. А спальня занята Влади-
миромъ Ивановичемъ.

— Вы, кажется, правы. Подождемъ
нашихъ и пойдемъ вмѣстѣ съ ними из-
слѣдовать комнату. Вотъ и они, слы-
шите?

Лидія Петровна встала и, подойдя къ
дверямъ, кликнула мужа.

— Идемъ, идемъ, — отвѣтилъ Барсуковъ
и почти тотчасъ же вошелъ въ комнату.

Увидя на столѣ планъ, онъ презритель-
но улыбнулся.

— Изучали постройку? Теперь это ни
къ чему. Мы съ Владиміромъ Ивановичемъ
нашли деньги.

— Нашли? — удивленно вскрикнула Ли-
дія Петровна.
— Да, ихъ сейчасъ принесутъ.
Черезъ нѣсколько минутъ двое рабочихъ
внесли на носилкахъ небольшой боченокъ.

Дѣти, у которыхъ не будетъ елки.

Он был наполнен почти до верха позеленевшими от времени монетами.

— Вот вам и скрытая сокровища,— сказал Владимир Иванович, вынимая из боченка горсть монет и кладя их на стол.— Они были действительно хорошо скрыты. И знаете, где? Рядом с камерой, где стояли бочки с костями. Когда вы ушли, мы взяли рабочих и снова внимательно осмотрели все помещения. В этой камере мы заметили, что в одном месте наружной стены кладка камней была своеобразна. Мы сейчас же разобрали камни и за ними обнаружили нишу. В ней стоял этот боченок.

— Но это не золото, а медь,— заметил Кострицын.

— Конечно, не золото, но и не медь. Это серебро, и очень старое.

Владимир Иванович взял одну из монет в руки и старался прочесть на ней надпись.

— Ничего разобрать нельзя,— сказал он.— Вот только год виден ясно— 1614. Дайте мне другую. Вон та, что поменьше, она не так позеленела. Ага! Вот на ней кое-что прочесть можно. Да и лицо кое-то видно... Frid. Wilg... Дальше не разберу. Несомненно, это монета Фридриха-Вильгельма. С другой стороны буквы не повреждены. Можно свободно прочесть: *Supremus dux in Prussia 1684*.

— Но ведь письмо Стейнбока помечено 1642 годом. Не правда ли?— спросила Лидия Петровна.— Это что-то не то.

— Действительно, не то, но во всяком случае это деньги, кто бы их ни спрятал. Вы что, Франц?— спросил Барсуков лакея, показавшегося в дверях.

— Мне сказали, что вы нашли в доме золото,— завкался, пробормотал старик.

Увидя на столе груды монет, он, не ожидая ответа, быстро подошел к столу, взял одну из них в руку, посмотрел и кинул обратно.

— Возьмите серебро это себе. Но розетки золота бросьте. Оно принадлежит Рутенбергам, и никому кроме них не достанется.

Проговорив эти слова, Франц, вышедший из комнаты.

Все с недоумением посмотрели ему вслед, а потом принялись считать и рассматривать монеты.

Только к вечеру Кострицын вспомнил про обозначенные на плане лестницы и сказал об этом Владимиру Ивановичу.

— Ты думаешь, что открыл что-нибудь важное, найдя эти деньги? Но дело не в них. Надо отыскать место, где погибла жена Стейнбока. По моим соображениям, оно находится на лестнице, вход в которую в твоей комнате. Там же должен быть и тайник, где скрыта сокровища. Я их скоро найду.

Так как было уже поздно, то осмотр и исследование комнаты решено было отложить на завтра.

VII.

Закутавшись в одеяло, Владимир Иванович вытянулся на постели, збвнул и сразу погрузился в сон.

Вдруг его точно пружиной подбросило на кровати. Он вскочил, зажег свечку и стал осматривать стены.

Пробормотав несколько слов, он вторично лег, повернулся лицом к стене и, забыв погасить огонь, заснул.

Скоро, однако, он снова проснулся, протер глаза, поднял вверх свечку и внимательно взглянул на стену, что была против кровати.

— Удивительный сон,— прошептал он,— повторяется два раза подряд. Это неспроста, если даже не придавать снам значения. Наверное, тут за стеной лежат кости несчастной женщины. Оттого-то она мне и приснилась.

«Не могу понять, почему Стейнбок, когда жена его задыхалась, не позвал рабочих, чтобы взломать стену. Это очень странно. Не запрятал ли он горяча саму жену в простенок, когда не нашел золота? Если потом он одумался и захотел ее выпустить, то звать людей было рискованно. Думаю, что не ошибаюсь. Вполнѣ естественно, что Стейнбок послѣ этого дошел до сумасшествия. Как в жизни одно съ другим связано! А не спаслась ли жена по лестнице, и не покинула ли мужа? Вот это, пожалуй, впрямь...» Владимир Иванович вздрогнул.

Ему послышалось, что кто-то осторожно подкрадывается к дверям его комнаты.

Он быстро задул огонь, взял в руки тяжелый подсвечник и притворился спящим.

Почти тотчас же дверь открылась.

В нее просунулась сначала чья-то рука с фонарем, потом показалась на мгновение голова и, наконец, появилась изсохшая фигура старого лакея и бесшумно вошла в комнату.

Прислушавшись к храпу и убедившись, что лежащий на постели действительно спит, Франц осторожно подошел к стене, против которой стояла кровать.

Сбросив с себя накинутое на плечи одеяло, он положил на пол мѣшок съ инструментами и большой кухонный нож. Приблизив затылок к панели фанеры, он стал ее тщательно осматривать.

В комнате было тихо, но вдруг старик забормотал:

— Хотите забрать и золото, как захватили серебро Стейнбоков. Нить... Золота вы не возьмете. Потому что розенкрейцеров съ крестомъ и розами въ гербѣ, слышите васъ. Не Стейнбоки съ козлиной головой. Гля же входъ на лестницу?

Теперь не так опасно; хотя пока ребенок жив, я не погибну, как другие. Что-же делать? А! Знаю... Так поступил бы Рутенберг.

Глаза Франца приняла хищное выражение; он поднял с полу нож и направился к кровати.

Владимир Иванович не проронил ни одного слова из того, что говорил старик.

Когда тот подошел совсем близко и уже наклонился над ним, чтобы его ударить, он вскочил, вышиб у старика нож и, обхватив его руками, стал звать на помощь.

Франц, несмотря на старость, был очень силен; он вырвался из объятий Владимира Ивановича и между ними завязалась борьба, которая прервалась лишь тогда, когда в комнату вбѣжалъ съ товарищемъ Кострицынъ.

Франца тотчас же повалили и связали.

— Не ранен?— спросил встревоженно Кострицын Владимира Ивановича и, получив успокоительный ответ, отправил Барсукова за женой.

Когда та узнала, в чем дело, то попросила всех выйти.

— Что это вы затѣяли,— сказала она, указывая Францу на нож.

Вместо ответа старик залепетал что-то несвязное и таким жалким голосом, что Лидия Петровна подошла к нему и развязала руки.

Старик сел и, покачиваясь из стороны в сторону, стал напевать дѣтскую пѣсенку. При этом он так бессмысленно улыбался, что Лидия Петровна позвала мужа.

— Он болен. Его надо немедленно отправить домой. Я развязала ему руки. Развяжи, пожалуйста, ноги. Боятся пещего. Что он дѣлаетъ?

— А, может быть, он притворяется?

— Да ты только взгляни на него.

Пока они говорили, Франц долез до потолка, встал на концы ног и прислонился к ней спиной, есрунул въ комокъ одеяло и стал его, как ребенка, качивать.

Когда к нему подошли, он испуганно вскрикнул и спрятал одеяло за спину.

Лидия Петровна его успокоила.

Ему развязали ноги и помогли подняться. Шатаясь, он направился к дверям, дошел до гостиной, бросился вдруг к зеркалу и надавил рукою карниз.

Зеркало, как дверь, открылось вместе со шкапомъ. За ним была лестница, ведущая во второй этаж.

Старик кинулся к ней, чтобы скрыться, но в это время на последней ступеньке лестницы появилась женщина, вся въ бѣломъ.

На руках у нее лежал мертвый ребенок.

Взглянув на нее, Франц застонал и ужал замертво на пол...

VIII.

Пережитые впечатления привели Лидию Петровну въ такое нервное возбужденіе, что она не могла заснуть. Бродившія въ ее головѣ мысли были тревожны, и она постепенно стала поддаваться страху. Ей не хотѣлось зажигать свѣчи, чтобы не разбудить недавно уснувшаго мужа, но когда безпричинная тревога стала чрезвычайной, она осторожно встала и, накинув на себя платье, перешла съ постели на кресло.

Ей все время казалось, что непременно должно что-нибудь случиться недоброе, и она сильно волновалась.

Всматриваясь въ темноту, она инстинктивно прислушивалась ко всякому звуку. Довоиспущенный неизвестно откуда глухой неясный шумъ привлекалъ ее внимание. По такъ как непонятные звуки неслись, по видимому, издали, она скоро перестала придавать имъ значеніе и посидѣвъ еще немного, стала постепенно успокаиваться.

Скоро она легла и отъ усталости сразу забылась.

Раздавшийся стукъ заставил ее очнуться.

Комната была освѣщена и полна дыма.

Взглянувъ въ окно, при свѣтѣ зарева Лидія Петровна увидѣла прильнувшее къ стеклу блѣдное лицо женщины, которая что-то говорила.

«Выходите скорѣе, а то сгорите»,— могла только разобрать Лидія Петровна и бросилась будить мужа.

Поднявъ затылокъ на ноги спавшихъ въ отдѣльныхъ комнатахъ друзей, она выбралась изъ дома.

И во время. Замок пылал, и клубы дыма вырывались изъ всѣхъ его оконъ.

Неясный шумъ, слышанный раньше Лидіей Петровной, сталъ страшнѣе— гудѣлъ пожаръ. Въ подвалѣ влокоталъ огонь, въ домѣ ревели пламя, трещали горѣвшія бѣлки.

Собравшись у конторы, Лидія Петровна съ друзьями смотрѣли на огонь, уничтожавшій старинную постройку.

Когда пламя охватило всю крышу, и она готова была рухнуть, изъ домика, гдѣ помѣщалась съ дочерью старая лакея, неожиданно высочилъ Францъ и побѣжалъ къ горѣвшему замку.

Прескиснувъ на лестницу, онъ скрылся въ пылающемъ домѣ. Скоро онъ появился въ одномъ изъ оконъ второго этажа, по известному лишь ему ходу, пробрался оттуда на крышу и по карнизу направился къ угловой башнѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея онъ замеръ отъ ужаса на мѣстѣ.

Развѣдка въ лѣсу.

Рис. А. Прокопавскій (участникъ войны).

въ глухую зиму.

«НА-СТРАНЬ».—Картина А. Верушь-Ковальского (А. Wierusz-Kowalski).

Къ нему навстрѣчу медленно двигался бѣлый призракъ.

Францъ заслонился отъ него руками, зашатался и съ крикомъ: «Дочь Рутенберга!» кинулся въ бушевавшую подъ нимъ огненную стихію.

Лидія Петровна, слѣдившая все время глазами за старикомъ, вскрикнула и нервно зарыдала.

Вдругъ раздался глухой взрывъ. Огромный столбъ пламени и дыма взвился съ шумомъ къ небу.

На дворъ посыпались градомъ камни и тѣлющие обломки досокъ и бревенъ. Въ-стѣ съ ними къ ногамъ дрожащей Лидіи Петровны упало полурасплавленное золотое кольцо. На немъ вырѣзанъ былъ крестъ и по бокамъ двѣ розы.

IX.

— Ну что, господа, теперь надѣюсь, вы убѣдились, что бѣлая дама действительно бываетъ на свѣтѣ?—спросилъ Барсуковъ товарищей, когда они, выспавшись послѣ пожара, собрались въ конторѣ.

— Такъ же, какъ и въ томъ, что алчность бываетъ наказана.

— Все-таки мы не даромъ приѣхали,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ. Въ-боченю серебра чего-нибудь да стоитъ. Гдѣ онъ, кстати?

— Причемъ тутъ кстати?—огрызнулся Кострицынъ.—Я его еле выгнали изъ дому—чуть не надорвался, не считая того, что опанилъ себѣ волосы. Вы какъ ушли изъ дома, такъ все тамъ и бросили. Любопытство пожаромъ вздумали. А! Никогда огня не видали, а я одинъ за васъ отдувался. Лидія Петровна, вещи ваши здѣсь, и все цѣлы. Вотъ пальто вашего мужа, правда, забытъ на вѣшалкѣ, но онъ и такъ до города дойдетъ. А знаете, господа, когда я въ послѣдній разъ залѣзъ въ домъ за домъ,

собственнымъ чемоданомъ, то видѣлъ въ коридорѣ призракъ женщины. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, показалось.

— Это, голубчикъ, отъ дыма. Ты про-сто немного угорѣлъ.

— Представьте себѣ, Владиміръ Ивановичъ, что другъ нашъ действительно могъ видѣть женщину, но, конечно, настоящую,—возразила Лидія Петровна.—Я сама замѣтила, какъ она вышла изъ дома съ ребенкомъ на рукахъ. Я съ ней уже говорила, пока вы спали,—это дочь Франца.

— Я такъ и думалъ!—вскрикнулъ Барсуковъ.

— Хорошо, что про себя,—остановилъ его Кострицынъ.—У тебя не было никакихъ оснований думать, что въ домъ во время пожара могла очутиться дочь сумасшедшаго, если она сама не была умалишенной.

— Ей можно было и съ ума сойти. Послушайте-ка, что я узнала.

«Отецъ ея, Францъ, бывший въ молодости швейнымъ учителемъ въ Пруссіи, поступилъ въ имѣніе секретаремъ къ Стейнбоку.

«Узнавъ легенду о бѣлой дамѣ и о томъ, что въ замкѣ скрыты сокровища, онъ рѣшилъ ими завладѣть.

«Боясь погибнуть во время розысковъ, какъ это случилось со Стейнбокомъ, онъ выдалъ замужъ дочь за обнищавшаго потомка Рутенберга и при помощи его началъ поиски.

«Когда зять неожиданно умеръ, на смѣну ему появились внуки, и каждую ночь, въ присутствіи одного изъ нихъ, Францъ продолжалъ изслѣдовать замокъ.

«Надъ золотомъ тяготѣло какое-то проклятіе, и внуки одинъ за другимъ умирали. Когда въ живыхъ остался послѣдній ребенокъ, старикъ переселился съ нимъ въ

«Помѣстивъ дочь въ одной изъ потайныхъ комнатъ второго этажа, онъ таскалъ ее вмѣстѣ съ ребенкомъ дни и ночи по замку.

Но золото ему не давалось, хотя Францъ искалъ его въ присутствіи Рутенберга.

«Правда, что старика не постигла кара, о которой говорила легенда, но, по его словамъ, это могло быть лишь до тѣхъ поръ, пока послѣдній внукъ его былъ живъ.

«Бѣлая женщина, которую мы видѣли на лѣстницѣ въ гостиной, была дочерью Франца.

«Какъ только сынъ ея скончался, она сошла внизъ, чтобы сказать объ этомъ отцу, такъ какъ, воплотивъ до вѣра легендъ, боялась, чтобы съ нимъ чего не случилось.

— Бѣдная женщина!—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, когда Лидія Петровна остановилась.—Что она теперь будетъ дѣлать? Оставилъ ей Францъ что-нибудь??

— Откуда же? Не взять ли ее, Коля, съ нами въ городъ?

Барсуковъ задумался.

— Отдайте ей лучше найденное серебро. Она такъ долго мучилась, помогая отцу искать сокровища, что хотя серебро и не Рутенберговъ, но она вполне его заработала,—тихо сказалъ Кострицынъ.

Лидія Петровна взглянула на мужа и въ глазахъ его прочла, что мысль, поданная Кострицынымъ, имъ одобрена.

Каждый изъ приѣхавшихъ въ имѣніе взялъ себѣ по серебряной монетѣ на память, а остальные деньги Лидія Петровна вручила матери послѣдняго Рутенберга.

Владиміръ Келеръ.

Тадалка.

Старуху эту, съ черными глазами, Вы помните ль красивой, молодой? На Островахъ, въ коляскѣ, надъ водой, Когда еще юнцомъ вы были сами?

Я имя вамъ, хотите, назову, Которое въ тѣ дни она носила? Вскла насъ всѣхъ безумной страсти сила Къ ея глазамъ, за синюю Неву.

Скитая жизнь въ безпутномъ ураганѣ, Она была какимъ-то пьянымъ сномъ,— И плыла такъ порою за виномъ, Что плакали смущенные Цыгане...

Теперь—старуха... бодрая еще, Воскресла вновь изъ краткаго забвенья: Она вамъ тихо шепчетъ откровенья, Накнувъ шаль цвѣтную на плечо.

И вздять къ ней, и ждуть въ ея прием-ной...

Въ тяжеломъ взглядѣ этихъ черныхъ глазъ Былая сила гордо оберегалась, Волнуя мысль какой-то тайной темной.

Дымитъ огонь, подѣшенный въ углу, И ворожитъ старуха переть вамъ: Вскрываетъ жизнь понятными словами, Вверая взоръ въ таинственную мглу.

Суровая къ жеманницамъ досужимъ, Она не вѣритъ дѣланымъ слезамъ, Зато невѣсту видитъ по глазамъ И узнаетъ покинутую мужемъ.

Весь долгій опытъ безвозвратныхъ лѣтъ Сквозитъ въ ея совѣтахъ и вѣдѣньяхъ, Чтобы отразить въ грядущихъ посоль-ствахъ Мгновенной жизни уходящей слѣдъ...

В. Опочининъ.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ГОРОДА ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКОМЪ». —Картина И. Грабовскаго.

Рождество.

Изъ Теофила Готье.

Снѣжи, падухъ, къ Святому Хлѣву!
Звоните, вы, колокола!
Исусъ родился; Матерь-Дѣва
Къ Нему склонилась, вся свѣтла.

Онъ не укрытъ завѣсой длинной,
Не защищенъ отъ стужи злой,
И лишь густая паутина
Надъ Нимъ нависла пеленой.

Оней Младенецъ не смыкаетъ
Въ холодной мглѣ, одѣшей долъ;
Его дыханьемъ согрѣваютъ
Ослица кроткая и волъ.

На кровлѣ снѣжные узоры,
А въ горнехъ миръ торжество,
И съ неба ангельскіе хоры
Землѣ вѣщаютъ: «Рождество!»

О. Г. Каратышева.

Рождество Христово въ образцахъ искусства.

I.

Событіе рожденія во плоти Спасителя человечества, по своей всемирно-исторической важности, должно бы быть, повидимому, одной изъ первыхъ по времени задачъ художественнаго воспроизведенія древне-христіанскаго искусства. На самомъ дѣлѣ этого не случилось. Самыя тщательныя изысканія археологовъ до сихъ поръ не обнаружили ни одного памятника съ изображеніемъ этого событія, который бы относился къ началу поръ христіанскаго искусства, эпохъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Объясняется это тѣмъ, что самый праздникъ Рождества Христова не имѣлъ полной устойчивости въ первыя столѣтія хри-

стіанства. Всякія богословскія разногласія жета къ двумъ преобладающимъ типамъ—на этотъ счетъ прекратились лишь къ римскаго и галльскаго происхожденія. Наибольше типическими чертами римскаго Рожденія Христа получило въ христіанскомъ сознаніи полную обособленность отъ Богоявленія. Къ этой эпохѣ и относится древнѣйшее, до сихъ поръ найденное, катакомбное изображеніе Рождества Христова, въ очень несложной компановкѣ: на ясляхъ, замѣняющихъ ложе, погоняетъ спеленатый Младенецъ, возлѣ Него Богоматерь—молодая женщина, въ туникѣ, съ падающими на плечи волосами; у яслей—волъ и оселъ.

Нѣсколько поздне зародившаяся скульптура саркофаговъ, въ отношеніи изображенія на нихъ Рождества Христова, дала возможность археологіи свести ихъ разновидности въ трактованіи этого сю-

жета къ двумъ преобладающимъ типамъ—на этотъ счетъ прекратились лишь къ римскаго и галльскаго происхожденія. Наибольше типическими чертами римскаго Рожденія Христа получило въ христіанскомъ сознаніи полную обособленность отъ Богоявленія. Къ этой эпохѣ и относится древнѣйшее, до сихъ поръ найденное, катакомбное изображеніе Рождества Христова, въ очень несложной компановкѣ: на ясляхъ, замѣняющихъ ложе, погоняетъ спеленатый Младенецъ, возлѣ Него Богоматерь—молодая женщина, въ туникѣ, съ падающими на плечи волосами; у яслей—волъ и оселъ.

Учеными археологами давно уже подмѣчено, что древне-христіанскіе художники въ представленіи Рождества Христова никогда точно не сообразовались съ преданіемъ перкви (Исаія, 33, 16), что Христосъ родился въ пещерѣ. Въ смыслѣ историческомъ и та, и другая сторона правы, поэтому что загонами для скота въ Палести-

нѣ обыкновенно служили пещеры, устроенныя въ горѣ, съ соответствующими приспособленіями, благодаря чему получался скорѣе хлѣвъ со стойлами, нежели простой гротъ. По мѣрѣ развитія религиозно-исторической жизни, развивалось и расширялось художественное представленіе сюжета Рождества Христова. Такъ, рѣзба на одномъ драгоценномъ камнѣ уже изображаетъ Младенца Христа, позитого пеленами, съ крестообразнымъ нимбомъ вокругъ головы; около яслей стоятъ волъ и оселъ, направо звезда, лучъ которой падаетъ на главу Младенца, надъ вою кротко сияетъ луна. Внизу, у яслей съ одной стороны Богоматерь, закутанная въ «гиматіонъ», сидитъ на скамьѣ, а напротивъ Нея стоитъ старецъ Иосифъ, тоже съ нимбомъ, въ задумчивости подперши лѣвою рукою лицо. Съ рожденіемъ Христа древнее христіанство непосредственно соединяло и поклоненіе пастырей, которое имѣло для вѣрующихъ не столько историческій, сколько нравственный характеръ, такъ какъ эти бѣдные, ничтожные люди удостоились быть первыми свѣтилками и провозвѣстниками чудснаго событія, о которомъ не знали первосвященники и цари. На древнѣйшемъ съ нихъ изображеніемъ саркофагѣ Младенецъ Христосъ лежитъ на покрытомъ столѣ, спеленатый; два пастуха стоятъ съ обѣихъ сторонъ,—одинъ молодой, другой старый, оба съ палками, и энергическими жестами выражаютъ свое удивленіе.

Въ исторіи рожденія Спасителя параллель поклоненію пастырей представляется поклоненіе волхвовъ или мудрецовъ восточныхъ. Кто были эти волхвы и изъ какихъ именно странъ пришли они—евангелисты ничего не говорятъ объ этомъ. Имена ихъ впервые встрѣчаются въ церковной исторіи лишь въ 1179 г. Въ «Исторіи трехъ царей», нѣкоего Иоанна Гильдесгейма, напечатанной въ 1499 г., говорится, что волхвы эти были—Мельхиоръ, царь Индіи, Валтасаръ—Халдеи и Ясперъ—Эфиопія. По преда-

«ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ». —Картина М. И. Игнатьева.

Генерал-адъютант ген.-отъ-инф. Николай Владиміръ РУЗСКІЙ, бывший главнокомандующій арміями сѣвернаго фронта. За исключительныя боевыя заслуги въ настоящую войну Н. В. Рузскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й и 3-й степ.

Рождественскій спонтанль.

Изъ поездки по Испаніи.

Сидя въ тиши стараго Севильскаго собора, однимъ жаркимъ декабрьскимъ утромъ я прочелъ въ хроникѣ мѣстной газеты: «Намъ пишутъ изъ Эскасены, что тамъ царитъ великое оживленіе по случаю предполагаемой на первый день рождественской Пасхи «корриды» (бой быковъ)...». Дальше следовало перечисленіе четвероногихъ дебютантовъ изъ «уважаемыхъ» бычарни дона такого-то. Въ качествѣ ихъ дуэлянта имѣлъ выступить самъ «Маленькій башмачникъ» («Zapaterito»). Въ уваженіе событія, желѣзная дорога назначила экстренный поѣздъ въ эту невѣдомую Эскасену.

И былъ очень обрадованъ сообщеніемъ. Правда, это была только «новизна» (бой съ молодыми быками), но по зимнему времени и за это надо было благодарить судьбу. Зимой боевъ не бываетъ, ибо «plaza de toros» (арены для боа) открыты сверху, какъ древніе цирки, и дождь могъ бы помѣшать спектаклю. Поэтому всю зиму Испанія сидитъ безъ любимаго зрѣлища и довольствуется лишь длинными телеграммами изъ Южной Америки, гдѣ въ это время идетъ лѣто и куда уѣзжаютъ на гастроли всѣ знаменитыя «эспады» (espada) и «мататоры» (собственно «убійцы») — эти національные герои современной Испаніи (никакихъ «торреадоровъ», кстади сказать, за Пиренеями не знаютъ: этотъ титулъ изъ «Карменъ» — чисто сѣверное изобрѣтеніе).

Если бы не «рождественская Пасха», какъ зовутъ здѣсь зимній праздникъ, мнѣ грозилъ бы перспектива болѣе обидная, чѣмъ быть въ Римѣ и не видѣть папы, ибо только въ Испаніи понимаешь, что такое для Испанца бой быковъ. Мы, по сю сторону Пиреней, воображаемъ, что это — среднебюковое зрѣлище, которому не мѣсто въ XX вѣкѣ. Но, прежде всего, съ трудомъ вѣрилось, что въ садахъ этого если у насъ здѣсь XX вѣкѣ, то по ту сторону рокового хребта, въ сущности, подаютъ на землю безчисленные золотые сію пору еще длятся и не проходятъ апельсины... Но этотъ чудесный Югъ! Отъ XVI столѣтія. Часы исторіи остановились для этого «отрѣзаннаго ломя» Европу, блеснулъ лучъ солнца, другой, — пы съ дней національнѣйшаго испанскаго героя короля Филиппа II, и душа современнаго Испанца — все еще среднебюковская, ширь.

«старомодная» душа. Ей нужны борьба,

физическая опасность, личный рискъ и, пожалуй, кровь, жестокость, какъ неизбежны ихъ слутницы. Въ жизни этого уже давно нѣтъ, — но это еще даетъ plaza de toros.

Оттого замкнутый, твердый, горделивый Испанецъ — этотъ прирожденный «сеньоръ», независимо отъ сословной принадлежности, — въ одномъ только случаѣ боа быковъ, теряетъ свое всегдашнее, каменное, неизмѣнное спокойствіе и не можетъ справиться со своимъ волненіемъ. Эти «бычачьи спектакли» (espectaculos taurinos) вдругъ пробуждаютъ въ немъ, что-то глубоко спрятанное, чуждое современности. Все, что онъ таитъ въ себѣ героическаго, самоотверженнаго, сплелось съ этой областью...

Отсюда и популярность героевъ этого спорта, передъ которой ничто популярности нашего Шалашина. Ихъ собственные имена обычно замѣняются пѣжными уменьшительными: одинъ «великій» мататоръ зовется «Пѣтушкомъ» (Gallito), другой — «Бомбочкой» (Bombita). Газеты постоянно заняты ихъ особами и болѣе всего ихъ романами, въ которыхъ, конечно, никогда не бываетъ недостатка. При мнѣ всѣ газеты были заняты разводомъ одного знаменитаго «убійцы» (причемъ сообщались всѣ подробности домашнихъ сценъ), и счастливымъ романомъ другого «эспады» съ популярной шансонеткой-пѣвицей. Сопровождала каждую фразу опрокинутымъ испанскимъ вопросительнымъ знакомъ, газеты горячо обсуждали, «въ какой фазѣ находится дѣло». А пока что, сообщали читателямъ меню обѣда, заказаннаго въ Кадиксѣ счастливой четой, и число рюмокъ анисовой водки, выпитыхъ «божественнымъ» Бомбочкой за этимъ обѣдомъ...

Утро торжественнаго дня было дождливое. По узкимъ коридорамъ сырыхъ улицъ стороны Пиреней, воображаемъ, что это — и пробирался на вокзалъ. Сѣрая Севилья среднебюковое зрѣлище, которому не мѣсто въ XX вѣкѣ. Но, прежде всего, съ трудомъ вѣрилось, что въ садахъ этого если у насъ здѣсь XX вѣкѣ, то по ту сторону рокового хребта, въ сущности, подаютъ на землю безчисленные золотые сію пору еще длятся и не проходятъ апельсины... Но этотъ чудесный Югъ! Отъ XVI столѣтія. Часы исторіи остановились для этого «отрѣзаннаго ломя» Европу, блеснулъ лучъ солнца, другой, — пы съ дней національнѣйшаго испанскаго героя короля Филиппа II, и душа современнаго Испанца — все еще среднебюковская, ширь. Длинный хвостъ у кассы уже ясно го-

и, ворилъ о важности событія. Въ Севильѣ — это любители, всегда готовыхъ поѣхать и дальше, чѣмъ за 40—50 верстъ, только бы лишній разъ увидѣть любимое зрѣлище. Завтра эти специалисты будутъ расхаживать взадъ и впередъ по загороженной отъ тѣды Змѣиной улицѣ (Las Sierras) и, горячо жестикулируя, критически обсуждать каждый ударъ и передавать всѣ подробности триумфа или провала torrero. Этотъ форумъ Севильи устанавливаетъ репутаціи, вѣнчается и развѣчиваетъ героевъ, и человѣческихъ жалеть Змѣиной улицы боится больше, чѣмъ крутыхъ роговъ быка.

Едемъ... Поѣзда на испанскомъ Югѣ ходятъ по-черепашьи. И въ этомъ сказалось «XVI столѣтіе». Вотъ ужъ гдѣ время не деньги и гдѣ его пропускаютъ между пальцевъ не хуже, чѣмъ у насъ на Руси! Пейзажъ Андалузіи — широкая холмистая равнина, — глядитъ въ окно. Ничего «плѣнительнаго», никакой живописности, что мы привыкли связывать съ этимъ именемъ. Андалузія, въ западной своей части, одна изъ самыхъ однообразныхъ мѣстностей на свѣтѣ. Но климатъ, климатъ!.. Въ первый день Рождества совсѣмъ апрѣльское солнце мягко грѣетъ синеватые холмы и вѣжную сѣрую зелень безчисленныхъ маслинъ. Ихъ сторожатъ огромные уродливые кактусы — этотъ парадоксъ между растениями, дѣти близкой Африки. Воздухъ лѣтній, легкій и прозрачный. Темно-синяя цѣпь Сьерры-Морены тянется вдаль...

Приѣхали. Выхожу изъ вагона и начинаю на международномъ языкѣ жестовъ бесѣду съ начальникомъ станціи насчетъ возможнаго завтрака. Вдругъ шумъ... Огромная толпа подростковъ и молодежи бросается къ поѣзду и торжественно выноситъ на рукахъ крѣпкаго здоровеннаго парня, лѣтъ 22—23-хъ. Это онъ — «Маленькій башмачникъ»! Онъ милостиво улыбается и благосклонно позволяетъ нести себя, какъ почитаемую реликвию. Идемъ на plaza de toros...

Въ каждомъ деревенскомъ округѣ есть такая «пляса» — свой циркъ для любимаго зрѣлища. Пусть маленькая, невысокая, по своей достаточная для пяти-шести окрестныхъ деревень. Эти вародныя маленькія арены лучшія свидѣтельницы, что странный спортъ не вымираетъ: почти всѣ

онѣ построены въ недавнее время и ихъ число все растетъ. Впрочемъ, и самый бой быковъ въ его теперешнемъ, развитомъ видѣ вовсе не древнее, а сравнительно новое зрѣлище въ Испаніи. Оно установилось лишь въ концѣ XVIII вѣка, т.-е. именно тогда, когда элементъ борьбы и риска исчезъ изъ остальной жизни. И никогда оно не процвѣтало такъ, какъ теперь.

Толпа шумно наполняетъ циркъ. Какъ во всѣхъ аренахъ, здѣсь только двѣ цѣны: sol y sombra («свѣтъ» и «тѣнь»). Мѣста на солнцѣ считаются демократическими: лѣтомъ на нихъ трудно высидѣть. Кто побогаче, беретъ мѣсто въ тѣни, и различіе этихъ двухъ половинъ цирка — различіе нашего райка и партрера.

Но здѣсь сплошной раекъ. Толпа вся знакома другъ съ другомъ, и хотя она по испански сдержаннѣе всякой другой южной толпы, но нѣтъ и нашей сѣверной застылчivosti. Какое тамъ! Бьдутъ на арену выбѣгаютъ вмѣсто быка какой-то похлзой любитель и увеселяетъ публику, сдѣлавъ рога изъ пальцевъ и прыгая бычкомъ... Хотеть, крики: «el toro! el viejo toro!»

Наконецъ, звуки трубъ, и начинается шествіе. Вся «квадрилья» (группа) цирка въ парадныхъ костюмахъ баталіи демонстрируетъ себя публикѣ. Пикадоры въ желтыхъ кожаныхъ штанахъ, подбитыхъ изнутри желѣзомъ, тяжело сидятъ на своихъ старыхъ ключахъ — обреченныхъ жертвахъ быка... Бандилеро со своими обернутыми въ гофрированную цвѣтную бумагу желѣзными запозами, которые они посылъ нѣтъ въ шею и спину быковъ... Мелкіе «чулосы» (служители) съ красными площадями... И, наконецъ, опять «онъ» — герой дня, «мататоръ», въ роскошно расшитомъ золотомъ костюмѣ. Сверху ослѣпительный, фіолетовый атласный плащъ. Да, это необыкновенное существо, и толпа уже заранѣе ему аплодируетъ! Всѣ пальцы у него въ драгоценныхъ перстняхъ, а между пальцами, какъ высшій символъ аристократизма, зажата огромная гаванская сигара! Табакъ въ Испаніи изъ рукъ вонъ плохой, хотя она еще недавно владѣла Гаванной; хорошій же обложитъ чудовищной пошлостью, и курить его могутъ только богатые люди. Поэтому подлинная гаванна въ рукахъ эспады говоритъ также осязательно, о привилегированномъ положеніи любимаго боговъ.

Стали на мѣста. Трубный звук. Разговоры оборвались. Все настораживаются. Трепет волнения пробѣжалъ по рядамъ, и изъ распахнувшихся воротъ внизу арены вылетѣлъ первый быкъ...

Ходъ боя описанъ много разъ. Онъ всегда одинъ и тотъ же. Сперва выступают пикадоры съ ихъ длинными пиками. Ихъ задача—не дать быку свалить себя и лошадей. На нихъ немедленно бросается быкъ послѣ первой минуты растерянности. Ударъ въ животъ лошади, потомъ другой... Бѣдные животныя стоятъ попрежнему или покорно передвигаются, пока вдругъ не рухнутъ... Быкъ съ окрашенными кровью рогами носится по аренѣ. Чулосы дразнятъ его своими планцами, ловко увильная подъ самой мордой. Это легче, чѣмъ кажется, ибо андалузскій быкъ—самое впечатлительное и разбѣянное существо на свѣтѣ. Ни одна капризная андалузская красавица не мѣняетъ такъ легко своего настроенія. Быки поминутно «задумываются» и, среди своихъ неистовствъ, вдругъ останавливаются и издаютъ въ ошленинѣ. Этимъ пользуется ходящій между чулосами матадоръ и, подойдя къ быку, вдругъ въ буквальномъ смыслѣ слова «береть быка за рога» или гладитъ его по лбу... Публика бѣшено аплодируетъ этой безумной смѣлости. Въ эти же секунды «задумчивости» бандильеро, бросаясь на самую морду, украшаютъ быка своими страшными закорючками, которыя онъ тщетно старается сбросить.

Наконецъ настаетъ кульминаціонный моментъ—выступает эспада. Убить быка просто—не хитрость, но надо убить его по правиламъ: нельзя бить въ лобъ или въ шею, а непременно черезъ голову въ загривокъ, откуда шнага проходитъ прямо въ сердце. Это условіе ставитъ матадора въ рискованное положеніе: онъ долженъ почти коснуться грудью роговъ быка. Рѣдко, почти никогда дѣло не кончается съ одного удара. Обыкновенно несчастный быкъ получаетъ ихъ много, пока свалится. Но каждый невѣрный ударъ для эспады—то же, что фальшивая нота для пѣвца. Даже здѣшняя деревенская публика ихъ не спускаетъ! Шумъ, свистъ, крики... Аплодируютъ быку и бранятъ эспаду. Эспада злится, выходитъ изъ себя, въ самозабвеніи дѣлаетъ уже прямо на рога. Бѣдному «Маленькому башмачнику» не повезло! Одинъ изъ быковъ оказался очень ловкимъ и свирѣлымъ. Ударъ за ударомъ падаютъ мимо... Арена грохочетъ. Матадоръ, красный, какъ плащъ чулоса, обливаясь потомъ, старается нацѣлиться, увертываясь въ то же время отъ страшныхъ, длинныхъ, какъ сабля, роговъ. Вотъ, кажется, наконецъ попалъ: почти вся шнага ушла въ голову быка. Конецъ? Но нѣтъ, какъ ни въ чемъ не бывало, быкъ снова мчитъ по аренѣ, терзая лошадей! Въ публикѣ ревъ и стонъ. Приветствуютъ быка, котораго уже все полюбили: «el buen toro! el bravo toro!» А по адресу матадора звучитъ самое страшное оскорбленіе, ему кричатъ: «барышня!» (la senorita!). Видя себя, онъ бѣжитъ за быкомъ, мѣняя шнаги. Въ такіе минуты человекъ готовъ на все и, пожалуй, сигары и фиолетовыя плащи въ самомъ дѣлѣ не дешево достаются любителямъ Испаніи!

Наконецъ, удачный ударъ, и быкъ рухнулъ. Ревъ восторга... Матадоръ снова герой и божество толпы. Но онъ самъ стоитъ шатаясь, все еще не приходя въ себя—вотъ-вотъ рухнетъ рядомъ съ быкомъ...

Градъ шапокъ летитъ на арену. Публика прыгаетъ черезъ скамейки, стремясь внизъ... Жестикуляція, крики, споры. Подъ аплодисменты «Маленького башмачника» несутъ опять на рукахъ. Но есть и недовольные, и посвятиваютъ...

Завтра на Зѣбной улицѣ разберутъ все какъ слѣдуетъ!

И. Перцовъ.

НА ПОЗИЦІЯХЪ ПЕРЕДЪ СВЯТНИМИ.

Наблюдающій за неприятелемъ.

Героини дѣтской.

Еще многія изъ читателейницъ, игравшія въ куклы въ 1873 году, помянутъ, вѣроятно, какое удовольствіе не за цѣну доставило имъ появленіе французскихъ «Bébé», смѣнившихъ прежнія разукрашенные куклы, съ некрасивыми старыми лицами. Жюмо, виновникъ въ Союзенные Штаты и въ Россію въ этой мирной революціи, украсилъ свою куклу фарфоровой головой, далъ возможность двигаться ея конечностямъ, и въ довершеніе всего наградила такъ называемы-

ми небожничими руками. Каррье-Белѣзъ сдѣлалъ для него модель прелестной головки, и на парижской выставкѣ 1889 года Жюмо получилъ высшую награду за артистическое исполненіе... но Дѣйствительно «Bébé Jumeau» отличалась своей дороговизной, и уже въ 1890 г. конкуренція дала себя чувствовать. Вывозъ фарфоровыхъ куклы почти на половину, между тѣмъ какъ въ это же самое время въ Германи, фабрика больше легкія куклы, въ этотъ же самый срокъ, благодаря го-

Въ лѣсу. Получили посылку!

вѣженнымъ цѣнамъ, болѣе чѣмъ вдвое увеличили свой оборотъ.

Такимъ образомъ за Франціей осталась монополія на дорогія, туго распродающіяся куклы, въ среднемъ же кругу, въ обиходѣ людей скромнаго достатка, нѣмецкія куклы окончательно вытѣснили французскія, пока въ 1899 г. нѣсколько видныхъ фабрикантовъ Парижа не рѣшили образовать трестъ, подъ названіемъ: «Французское общество куколъ и игрушекъ». Почти не имѣя вначалѣ запаснаго капитала, это общество въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ сумѣло довести оборотъ своихъ дѣлъ до 5 миліоновъ, содержать 2,000 работницъ и выдать отъ 8 до 9 проц. дивиденда. И тѣмъ не менее, несмотря на такіе быстрые успѣхи въ области производства куколъ, общество все-таки находилось, до ближайшаго времени, въ пѣкоторой зависимости отъ Германіи, поставившей ему почти на миліонъ сырого матеріала, стоющаго въ Германіи гораздо дешевле, чѣмъ во Франціи, какъ, напримеръ, картона-кожа—100 кило 20 франковъ вѣсто 27.

«Французское общество куколъ», потребляющее 125,000 кило такого картона, обрабатывало его десять лѣтъ назадъ при помощи особыхъ формочекъ, причѣмъ каждая работница выдѣлывала въ часъ до 24 туловищъ куколъ. Въ настоящее время, благодаря машинному производству, ихъ выдѣлывается 400, и прочнѣсть ихъ доведена до такого совершенства, что можетъ выдерживать вѣсь человеческого тѣла. Изготавливающая туловища машина, баварскаго происхожденія, настолько усовершенствована, что въ августѣ минувшаго года, когда столицѣ угрожало вторженіе германскихъ армій, вся она была предусмотрительно разобрана по частямъ, во избѣжаніе захвата врагами и разглашенія профессиональной тайны.

Руки и ноги изъ дерева составляютъ принадлежность только очень дорогихъ куколъ, обыкновенно же онѣ отливаются изъ состава, въ который входитъ картофельная мука, рисъ, древесныя опилки и другія вещества, смѣшанныя въ извѣстныхъ пропорціяхъ при помощи специальныхъ машинъ. Эти же машины, посредствомъ прессы, формуютъ получающіяся отъ смѣшенія массы, выдѣлывая одновременно до двадцати конечностей, которымъ затѣмъ предстоитъ только быть отпрессованными въ сушильню.

Какъ бы ни были дороги такъ называемые небожничіе составы,—каучукъ, невоспламеняющійся целулоидъ и различныя другія массы, далеко не всегда оправдывающія свою репутацию,—онѣ не могутъ замѣнить для кукольныхъ головъ фарфора.

Взвѣсивъ двухметровой печи Жюмо, «Общество куколъ» въ теченіе 15 лѣтъ выстроило двѣ шестиметровыя печи, гдѣ обжигается одновременно до 30,000 головъ.

Всякій фарфоръ, какъ извѣстно, состоитъ изъ каолина—жарнаго, нерастворимаго вещества, дающаго возможность отливать какія угодно формы; полевого шпата, легко растворимаго при высокой температурѣ, придающаго прозрачность, и кварца, скрѣпляющаго все составныя части. Къ этимъ основнымъ веществамъ фабриканты, въ зависимости отъ назначенія выдѣлываемаго предмета, добавляютъ еще иныя, составляющія ихъ профессиональную тайну.

Каждая работница можетъ отлить ежедневно отъ 1,200 до 1,500 головъ, и такимъ образомъ, казалось бы, Французамъ въ отношеніи сырого матеріала нельзя было ожидать конкурентовъ. И тѣмъ не менее Германія и на этотъ разъ оказалась впереди, такъ какъ ихъ каолинъ требуетъ температуры на 200° ниже французскаго, что даетъ значительную экономію угля.

После обливания, голова куклы должна пройти по крайней мере через две дощечки рук работниц, на обязанности которых лежат очистка головы от пены, прорезывание глаз и рта, вставление зубов, придание коже естественного цвета, окраска щек, губ, внутренностей ноздрей, бровей и ресниц.

Пятьдесят лет назад глаза делались из эмалированного фарфора, двадцать пять лет назад из белого стекла. В настоящее же время «простые» или «усовершенствованные», они делаются совершенно особым способом: несколько работниц, сидя в полной темноте, нагревают на находящемся перед каждой из них газовом рожке конец небольшой стеклянной трубочки, в которую, по мере нагревания, дуют с противоположной стороны, результатом чего является небольшой стеклянный шарик, изображающий собою не что иное, как роговую оболочку глаза. На эту оболочку, нагревая вышеупомянутым способом трубочку цветного стекла, накладывают голубой или черный зрачок.

Одно движение ножниц, и шарик отделяется от трубочки, падая в корзину, где уже лежат другие «простые» глаза, всех цветов и оттенков, но обладающие неподвижным, безмысленным взглядом. Другое дело глаза «усовершенствованные»; какие бывают у дорогих кукол. Благодаря жилкам, имеющимся в глазах каждого живого существа, они производят впечатление настоящих осмысленных глаз. Эти жилки образуются посредством проведения на кусочек прозрачного хрустала восьми непрозрачных стеклянных полосок. Это соединение придает зрачку особенный блеск, еще более увеличивающийся при помощи тонкого слоя хрустала.

На фабрике Монтевилля, где пятнадцать лет назад три работницы изготовляли ежедневно несколько десятков пар глаз, вырабатываются в настоящее время 14,000 пар в неделю. И тем не менее в то время, как Франция имеет возможность продавать их не дешевле семи франков за тысячу пар, Германия, несмотря на пошлину и перевозку, в том же Париже продавала их до сих пор по 4 фр. 80 с. Попытка Французов изготовлять глаза механическим способом не дала еще существенных результатов.

В Турингенте, где эта работа производится целыми семьями, даже дети с самых ранних лет принимают участие в росте отечественной промышленности. Что же касается женщин, то их полденная плата не превышала еще недавно 1 марки 50 пф.—при необходимости ковать за штуку—из шелка или самого упругого материала. Таким образом чистый заработок их выражался в сумме не более 95 сантимов в день.

Прежде чем укринить глаза внутри головы, надо подобрать подходящую пару, так как из миллиона глаз, благодаря изменениям при обжигании, может не найтись двух одинаковых, и неудачно подобранные глаза сразу придут лицу неестественное, отталкивающее выражение. Вместо черепа наклеивается нечто в роду чепчика, к которому прикрепляется шедевр. В Германии парики покупаются уже готовыми, во Франции же «общество кукол» фабрикует их само,—более дорогие из китайского волоса, покупаемого в Марсели, где его обезжиривают и делают мягче; среднего сорта из козьей шерсти, специально обработанной для этой цели, и наконец самые дешевые из обыкновенной шерсти. При этом каждая кукла имеет право на 15 грамм волос.

После всех вышеупомянутых манипуляций, кукла, несмотря на свою наготу, выпускается на арену коммерческой жизни, предварительно пройдя через самый строгий надзор «манекеров» и «педикю-

У костра в минуту затишья.

ров», исправляющих при помощи кижеть быть расточительной в области сточки черезурь заметные недостатки туалета! Ее с каждым днем все больше нечистостей. Кроме того сдается добавит, и более угнетает конкуренция иностранца, что, что еще до наклейки парика, проносок и главным образом Нёмок, выходящих соединенные головы, рук и ног зимы ежегодно одной только фирмой в сь туловищем посредством внутреннего количества 150,000 дюжин.

Нельзя забывать при этом исключительную дешевизну кукол (от 5—20 франков дюжина), происходящую не только от более низких цен материй и принадлежности туалета, но и исключительно дешевой расценки фарфоровых кукол (1 фр. 50 с. дюжина, считая провоз), ставящей немецкую куклу в этом отношении вне всякой конкуренции.

Остается одна надежда, что всюду воспользуются настоящей войной, поколебавшей состояние германского рынка, и подарят детям куклы работы своих мастеров.

На посту.

Махорочка.

Здравствуй, русская махорка,
Съ милой родины привить,
При тобъ сухая корка
Слаще меду и конфетъ:
Все забудешь понемножку,
Передъ счастьемъ такимъ,
Какъ закуришь козью ножку.
Да колечкомъ пустишь дымъ.
Закури повеселе,—
Скуки схлынетъ вдругъ волна,
И слабеть дымъ шранпели.
Передъ дымомъ тютюна.
Эхъ, махорочка родная,
Въ русскихъ выросла поляхъ!
Изъ родимаго ты края
Къ намъ пришла врагу на страхъ.
Въ голенище сунуль трубку,
Всѣ и бодры и легки,
И казакъ несется въ рубку,
И солдатъ идетъ въ штucky.
Эй, Москва, тряхни мошноу,
На махорку не жалей,
Съ ней въ окопахъ, ближе къ бою,
Намъ живется веселей!

В. С. Рисковъ, *** полка неогрешовой роты.

Мелочи.

Тайны маговъ и фанировъ въ XX вѣкѣ.

Эта столь могущественная и замкнутая никогда корпорация, опиравшаяся на религиозный культ народа, выродилась въ наши дни почти повсемѣстно въ сословіе фокусниковъ и пресидиджитаторовъ.

Человѣкъ по свойствамъ своей природы способенъ видѣть сверхъестественное во всемъ томъ, чего онъ не понимаетъ. Въ силу этого мало культурные народы до сихъ поръ свято вѣрятъ въ своихъ фанировъ и шамановъ, тогда какъ скептическая Европа, постигшая многія тайны химіи и физики, отреклась уже давно отъ этого суевѣрія.

Правда, находится многіе европейцы-туристы, склонные вѣрить въ чудеса фанировъ, но этому много помогаетъ необычная обстановка, экзотическая природа, странная и чуждая толпа.—вся декорация фееріи, столь мало похожая на условия, при которыхъ приходится работать европейскому фокуснику.

Извѣстный англійскій фокусникъ Кюльпитъ, объѣздившій весь миръ въ поискахъ новыхъ эффектовъ, разоблачаетъ въ англійскомъ журналѣ «Strand Magazine» своихъ экзотическихъ собратій по искусству и выдаетъ многія ихъ тайны. Мы много слышали объ изумительномъ «чудѣ» индійскихъ фанировъ, сжигающихъ манговую косточку въ землю и добивающихся того, что она пускаетъ ростокъ.

Иные фанатики животнаго магнетизма объясняли это явление сильнѣйшими токами жизненной энергии, исходящей изъ факира при напряженіи его воли.

Со словъ Кюльпита, дѣло обстоитъ гораздо проще и заключается лишь въ ловкости рукъ факира, какъ и всѣ европейскіе фокусы.

Съ внѣшней стороны «чудо» обставлено слѣдующимъ образомъ. Факиръ беретъ косточку мангового плода и даетъ ее рассмотреть присутствующимъ. Затѣмъ закапываетъ ее въ землю, поливаетъ обильно водой и накрываетъ своимъ плащомъ. Черезъ пять минутъ плащъ приподнимается, и на глазахъ у зрителей изъ земли уже появился ростокъ.

Онъ вновь накрывается плащомъ, и еще черезъ нѣсколько минутъ достигаетъ значительной вышины...

На дѣлѣ факиръ ловко обмѣниваетъ показанную публикѣ косточку на другую, заранее приготовленную въ цѣляхъ фокуса или «чуда».

Для этого ее осторожно раскалываютъ пополамъ, не надламывая до конца, извлекаютъ всю сердцевину и кладутъ внутрь ростокъ мангового дерева. Затѣмъ обѣ половинки скорлупки скрѣпляются глиной. Отъ дѣйствія воды глина раскисаетъ, косточка раскрывается и ростокъ выплываетъ наружу. При второй манипуляціи ростокъ вытягиваютъ болѣе вверхъ до желаемой и возможной высоты.

Другіе факиры пронзаютъ свой языкъ насквозь острой иглой, давъ его изслѣдовать публикѣ до и послѣ чуда. Это—

грубый по существу, но искусный по выполнению фокус. Показав язык присущуюся, фокус причесать его в рот и вынимать ложный язык из индийской красной резины. Ясно, что язык факира ничуть не страдает от этой операции.

Сингапурские факиры показывают любопытное «чудо». Они глотают один за другим до полусотни орехов, беря их из стоящей рядом корзины, затем прохаживаются вдоль рядов публики, и слышно, как орехи щелкают и колотятся один о другой внутри тела факира.

Мудреная на первый взгляд вещь объясняется очень просто!

Факир владет в рот первый орех, затем подносит второй и, кладя его, вынимает незамытно первый. Таким образом он производит манипуляцию с двумя орехами до полусотни, опуская вынутый изо рта в рукав, и во рту его все время остается один орех.

Поглотив 40 орехов... в рукав, он начинает щелкать единственным орехом во рту по зубам так искусно, что дает иллюзию перекачивающихся и стучающихся друг о друга орехов в ладошке.

Австралийские маги называют себя «докторами чародейства», но их фокусы довольно грубы и примитивны.

Они применяют свои силы к лекарской науке, изгоняя «дурную кровь» при болезни следующим образом:

присасываются губами к плечу пациента и затем внезапно, без укуса, из покрасившего места течет темная кровь.

Это чародей держал во рту капсюлю с красным веществом, и в желаемый момент раскусил ее, выпуская «кровь» из плеча больного.

Любопытно, что пациенты, в огромном большинстве случаев, чувствуют немедленное, хотя и недолговременное, облегчение от этой операции. Это объясняется уже самовнушением.

Из числа прочих фокусов, перечисленных Кюльнитом, приведем хотя бы следующий. Чародей ведет свою аудиторию на берег реки, где свалены сотни эвкалиптовых стволов. По мановению его руки один из стволов с шумом бросается в воду и провалится в ней разны эволюции и маневры, повинус команд фокусника.

Это достигается путем веревки, протянутой внутри полога ствола. Два помощника чародей, сидя на разных берегах реки в кустах, дергают веревку и двигают ствол в ту или иную сторону.

Тибетские факиры вносят в свои фокусы научные основы. Так, скажем, сибирский ком, он зажигают его, и он горит ярким пламенем.

В обмен на английский фокус один факир создал Кюльниту, что для достижения этого эффекта в ствол вводят несколько шариков камфоры, которую и зажигают.

Этот же факир показывает другой фокус. Поставив на уступ скалы чашку с водой, он попросил Кюльниту опустить в нее руку—вода была холодна, как лед. Через несколько минут она стала горячей, как кипяток, после ряда заклинаний со стороны факира.

Несомненно, что заклинания здесь были не при чем, а секрет заключается в специальном устройстве чашки.

Японские фокусники изобретают, главным образом, в извлечении из карманов или шляпы неограниченного количества разных предметов.—фокус, получивший широкое распространение и в Европе и представляющий азбуку этого искусства.

То они вытягивают из стакада 40—50 аршин легкой шелковой материи, то усаживают всю сцену десятками пестрых зонтиков, живописно раскрывая их, то целый ряд фонариков, развешенных ими из коробочки, развешиваются вдоль рамы и кулисы.

Но эти фокусы не нуждаются в объяснении,—мы видели их достаточное количество раз в наших цирках.

Япония имеет также своих факиров, продвигавших вещи, жуткие для непосвященного глаза. На «огненном празднестве» процессия идет к священной роще, где посреди вырыта яма до двенадцати футов в диаметре и глубиной около двух футов.

В центре ямы уложены бревна, образующая род решетки, и на них набро-

саны падьмовые листья и мелко напиленная дрова.

Задолго до церемонии зажигают этот оригинальный костер, и в прибитию кортежа яркие угли сверкают рубинами на дне ямы.

Факиры снимают сандалии и, под звуки пьесной, при возгласах благоговящего восторга со стороны паломников, проходят босыми ногами по раскаленным углям, не торопясь и не показывая признаков боли.

Но следует отметить, что кожа становится нечувствительной к огню, будучи пропитана раствором квасцов, а этот секрет несомненно известен японским жрецам.

Подобная же церемония происходит и на островах Фиджи, но здесь угли замываются раскаленными камнями.

Китайские и египетские фокусники и маги сводят все свое искусство к претиджитаторству, поэтому бесполезно распространяться на их счет.

По глубокому убеждению Кюльнита, все чудеса факиров—т.е. фокусы и при некоторой доле догадливости и специальных познаний их не трудно разгадать и разъяснить.

РЕДАКТОРЫ: Б. А. СУВОРИНЪ.
М. Н. МАЗАЕВЪ.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. С. СУВОРИНА—
«Новое Время».

Открыта подписка на 1916 годъ

на большой еженедельный художественно-иллюстрированный журналъ

СОЛНЦЕ

РОССИИ

Первый и единственный въ Россіи журналъ, издаваемый по типу лучшихъ еженедельниковъ Запада.

Особое вниманіе обращено на художественное и изящное исполнение иллюстрацій.

Собственные корреспонденты-фотографы на театрахъ военныхъ дѣйствій.

Въ яркихъ художественныхъ иллюстраціяхъ-фотографіяхъ «Солнца Россіи», какъ на экранѣ, отражается весь бытъ походной жизни. Подобныхъ иллюстрацій войны не имѣетъ ни одинъ другой русскій журналъ.

«СОЛНЦЕ РОССИИ» выпускается въ художественныхъ обложкахъ въ краскахъ, причемъ каждая обложка имѣетъ свой специальный рисунокъ.

Въ «Солнцѣ Россіи» участвуютъ лучшія силы современной русской литературы и живописи.

Въ «Солнцѣ Россіи» печатаются иллюстраціи въ краскахъ.

Въ «Солнцѣ Россіи» обширно применяется способъ, ГЛУБОКОЙ ПЕЧАТИ (МЕЦЦОТИНТО-ГРАВЮРЪ), представляющий собою послѣднее слово въ области художественнаго воспроизведения иллюстрацій.

Подписная цѣна на 1916-ый годъ:

(съ пересылкой и доставкой).

на 1 годъ—9 руб., на 6 мѣс.—4 руб. 75 коп., на 3 мѣс.—2 руб. 50 коп.

Для ГОДОВЫХЪ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ—4 руб. 50 коп. и къ 1-му мая—4 р. 50 к.

Для любителей художественной иллюстраціи выпускается особое изданіе «Солнца Россіи»—НА МЯЛОВОЙ БУМАГѢ. Желающие получить журналъ на мялковой бумагѣ приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ: въ годъ—8 руб., въ 6 мѣсяцевъ—4 руб.

Подписные деньги адресовать: Петроградъ, Акц. О-ву Изд. Дѣла «НОПЪИКА», Лиговская, 111, с. А.

ИЖЕВСКИЙ ИСТОЧНИКЪ

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

Окладъ въ Русскомъ Об-вѣ торговли авторскими товарами.

Казанская, 12.

Телеф. 2-21, 104-48 и 479-08.

НОВАЯ КНИГА
САДЫ-ГОРОДА
и жилищный вопросъ въ Англии.

П. Г. МВЖУЕВА.
Красивое изданіе. Более 150 рисунковъ (3 цветныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ переплетѣ 5 р. 50 к. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданій—книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.

Новая книга В. ОПОЧИНИНА:

Трезвы и Жизнь.

Античные эскизы. Отклики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время», Попова и друг.

Обложка Г. Нарбута.

Издательство «Луноморье».

НОРМАЛЬНО

ПРОТИВЪ ЗАПОРОВЪ

Стомосигенъ Д-ра Антона Мейеръ
Стомосигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомосигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРІЯТНО

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,

простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдоль Д-ра Стора. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА в 1916 г. НА ЛУЧШИЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪСТНИКЪ МОДЫ

(Петроградъ, Итальянская 16).

Переводъ французскаго журнала La Mode pratique. Выходитъ въ 5-ти изданияхъ и даетъ: 24 модныхъ №№ (около 8000 рис. въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья); 24 №№ рукодѣлій (около 400 рис. съ узорами въ натуральную величину); 24 выкройки листовъ (около 600 выкроекъ въ годъ); 24 вырѣзныхъ выкройки; 6 раскрашенныхъ узоровъ и 2 преміи: 1) устройство квартиры. Соч. Гекенсъ и 2) Альбомъ мержежъ. Кроме того II-ое издание получаетъ 24 вырѣзныхъ выкройки; III-е — 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ; IV-ое—48 раскрашенныхъ карт. и V-ое — 96 раѣр. картинъ.

Въ программу журнала входятъ: романы, биографіи съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей; кухня, домоводство, гигиена и косметика и др. подъ редакціей спеціалистовъ.

Цѣна въ годъ: I изд. 6 р., II — 7 р., III — 9 р., IV — 14 р., V — 28 р. Есть подписка на 1/2 г., 1/4 г. и съ разсрочкой. Дѣтскія платья и бѣлье 12 номеровъ въ годъ съ 12 вырѣзными выкройками и 12 вырѣзными листами. Цѣна въ годъ 2 р. 50 к. и журналъ „Бѣлье и вышивки“ дающій крокъ бѣлья въ видѣ ролловъ рукодѣлій, съ узорами въ натуральную величину, 6 №№ въ годъ. Цѣна 1 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

IV-й г. изданія

НА 1916 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЕ

IV-й г. изданія

ИНОСТРАННЫЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ РУССКИХЪ

Самый легкій и интересный способъ изученія иностр. языковъ и постояннаго освеженія въ памяти приобретенныхъ свѣдѣній. Иностран. текстъ снабжается многочислен. ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, дѣлающими его понятнымъ даже ЛИЦАМЪ СЪ САМОЙ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКОЙ.

Чтеніе этихъ журналовъ не требуетъ поэтому НИКАКОГО НАПРЯЖЕНІЯ, служитъ ПОЛЕЗНЫМЪ РАЗВЛЕЧЕНІЕМЪ и даетъ возможность шутя приобрести солидныя познанія по языкамъ.

Употребленіе словаря излишне.

ПРОГРАММА:

- 1. Широко поставленный беллетристическій отдѣлъ, въ которомъ печатаются рассказы, стихотворенія и повѣсти лучшихъ иностранныхъ писателей. 2. Юмористическій отдѣлъ: карикатуры, анекдоты, юморески. 3. Статьи историческаго и литературнаго характера. 4. Статьи и замѣтки о выдающихся событіяхъ изъ области науки, искусства, техники, изобрѣтеній, спорта, авіаціи и проч. 5. Иллюстраціи, фотографіи, карикатуры. 6. Шараны, задачи, ребусы.

„LE PETIT FIGARO“

(на французскомъ языкѣ)

„THE ENGLISHMAN“

(на англійскомъ языкѣ).

Для удобства подписчиковъ и въ видахъ предоставленія имъ возможно большей свободы выбора установлены слѣдующ. подписные абонементы:

„LE PETIT FIGARO“

„THE ENGLISHMAN“

1-й французскій абонементъ:

1-й англійскій абонементъ:

12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.

12 книжекъ ежемѣсячнаго журнала за 1916 г. по указанной выше программѣ.

2-й французскій абонементъ:

2-й англійскій абонементъ:

12 книжекъ «Библиотека Языкознанія» избран. произведеній великихъ писателей съ полн. переводомъ и комментаріями.

12 книжекъ «Библиотека Языкознанія» избран. произведеній великихъ писателей съ полн. переводомъ и комментаріями.

Въ теченіе 1916 г. будутъ даны произведенія: Флобера, Жоржъ-Занда, А. Дюма, Метерлинка, Верхарна, Пр. Мориса, А. Додэ, Ф. Коппе и др.

Въ теченіе 1916 г. будутъ даны произведенія: Марка Твена, Джерома К. Джерома, Брэтъ-Гарта, Ч. Дикенса, У. Коллиза, Теннисона, Арт. Коппъ-Дойла, Артура Моррисона и др.

3-й французскій абонементъ:

3-й англійскій абонементъ:

12 книжекъ-сборниковъ по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 году.

12 книжекъ-сборниковъ по программѣ журнала, вышедшихъ изъ печати въ 1915 году.

4-й французскій абонементъ:

4-й англійскій абонементъ:

12 книжекъ «Библиотека Языкознанія»: № 1. Мюссе «Съ любовью не шутятъ». № 2. А. Франсъ «Рассказы». № 3. Г. Мопассанъ «Рассказы». № 4. Мюрже «Сцены изъ жизни Богемы». № 5, 6 и 7. В. Гюю «Король веселится». № 8. Антологія французскихъ поэтовъ. № 9 и 10. Балмакъ «Кюре города Туръ». № 11 и 12. Е. Ожье и Ж. Сандо «Зять господина Пуарье» (комедія).

12 книжекъ «Библиотека Языкознанія»: № 1. Диккенсъ «Меблированные комнаты со столомъ». № 2. Киплингъ «Рассказы». № 3—5. Коппъ-Дойль «Знакъ четырехъ». № 6. Уэльсъ «Рассказы». № 7. Дейквельсъ «Рассказы». № 8. Арнольдъ Беннетъ «Рассказы». № 9, 10 и 11. Оскаръ Уайльдъ «Важность быть серьезнымъ» (комедія). № 12. Джексъ Лондонъ «Рассказы».

Table with 2 columns: подписная цѣна, 1 любой абон. каждого журн. въ годъ (12 кн.) 4 р. 50 к. за 1/2 года (6 кн.) 2 р. 50 к. за каждый слѣдующій абонементъ 4 р. — к.

Абонементы 3 и 4 (франц. и англійск.) могутъ быть высланы сейчасъ же полностью. Для ознакомленія высылаются книжка журнала или «Библ. Языкознанія» по полученіи марками 45 к.

Т-во Благо, Петроградъ, Николаевская, 44.

ШКОЛА РИСОВАНІЯ, ЖИВОПИСИ И ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА.

Минная „неспособность“ къ рисованію, о которой часто говорятъ, есть лишь предразсудокъ. Всей нормальной человѣкъ надѣленъ средними художественными способностями, вполне достаточными для того, чтобы при правильной системѣ преподаванія овладѣть техникой рисованія и живописи. Мы своимъ изданіемъ „Искусство для всѣхъ“ даемъ возможность всѣмъ «заочно» научиться рисованію и живописи подъ руководствомъ лучшихъ педагоговъ для собственнаго удовольствія или для какихъ-либо практическихъ цѣлей.

«Искусство для всѣхъ» 1) даетъ читателямъ тѣ теоретическія познанія, которыя необходимы для пониманія художественныхъ произведеній; 2) даетъ лицамъ, уже занимающимся рисованіемъ, тѣ познанія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать рисунокъ грамотнымъ и художественно-правильнымъ; 3) даетъ своимъ читателямъ всѣ тѣ свѣдѣнія по техникѣ, теоріи и исторіи искусства, безъ которыхъ невозможно пониманіе художественныхъ произведеній; 4) даетъ своимъ читателямъ такую подготовку и техническія познанія въ области прикладнаго искусства, которая открываетъ имъ возможность примѣнить свои познанія къ дѣлу, въ различныхъ и многочисленныхъ отрасляхъ художественной промышленности.

Изложеніе вслѣдъ за прочтеніемъ и сопровождается множествомъ пояснительныхъ и образцовыхъ рисунковъ.

Для художниковъ и учителей рисованія „Искусство для всѣхъ“ является необходимой библиографіей, къ которой они могутъ обращаться за всякаго рода справками и указаніями.

При редакціи учреждена художественная комиссія, которая исправляетъ бесплатно работы и даетъ советы и справки, относящіяся къ области искусства. «Искусство для всѣхъ» издается подъ редакціей проф. Академіи Художествъ А. В. Маковского и Валдіа Лѣвова, при участіи И. Е. Равнина проф. А. К. Киплинга и преподав. педагогическихъ курсовъ при Академіи Художествъ. Изданіе состоитъ изъ 10 томовъ большого формата, роскошно иллюстрир. красочными и черными рисунками. Цѣна каждого тома съ перес. 2 р. 80 к. (въ налож. плат. 25 к.).

Подробные проспекты высылаются бесплатно.

Т-во «БЛАГО», Петроградъ, Николаевская ул., 44-15.

Ежегодный. ИЛЛЮСТРИРОВ. журналъ (38-й г. изд.) ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 Г. „РОДИНА“

ПОДПИСКА на 1916 г. приним. по ТРЕМЪ АБОНЕМЕНТАМЪ, дающимъ РАЗНОЕ КОЛИЧЕСТВО КНИГЪ при одномъ НЕИЗМѢННОМЪ числѣ выпусковъ ЖУРНАЛА.

АБОНЕМЕНТЪ № 1-й

257 ВЫПУСК. 52 в. журн. „РОДИНА“ 52 в. „ВСЕМИР. ОБОЗРѢНІЕ“ 52 в. „НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ“ 52 вып. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ (около 3200 столб. текста и св. 2000 иллюстр. воен. соб.) 12 №№ „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, 12 №№ „НОВЫЙШІЯ МОДЫ“ 12 №№ листовъ ВЪ КРОЕКЪ, 12 №№ листовъ РИСУНКОВЪ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ РАБОТЪ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1916 года.

52 КНИГИ РОМАНОВЪ

повѣстей, рассказовъ, очерковъ и проч., а именно: 22 КНИГИ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ „русскаго Дома“—извѣстнаго историка-беллетриста, князя

М. Н. ВОЛКОНСКАГО

12 КНИГЪ БЫТОВЫХЪ РОМАНОВЪ Н. СЕВЕРИНА

18 КНИГЪ ПОВѢСТЕЙ, РАССКАЗОВЪ, СТИХОВЪ, СОВРЕМЕН. ПИСАТЕЛЕЙ „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

ДВѢ КАРТИНЫ-ПРЕМІИ „ЧЕЙ ФАНТЪ?“ „ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ“ БОЛЬШОГО РАЗМѢРА БЕЗПЛАТНО тѣмъ, кто до 15 апрѣля 1916 г. внесетъ ГОДОВУЮ ПЛАТУ

За ГОДЪ безъ достав. 8 р. 50 к. съ пересылкой 9 р. РАЗСРОЧКА перв. взносъ 3 р.

АБОНЕМ. № 2. 64 КНИГИ т.е. 52 ВЫШЕУКАЗ. КНИГИ и ЕЩЕ 12 КНИГЪ ИЛЛЮСТР. СОБРАНІЯ НОВЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ

(ок. 1800 столб.) на ВОЕННЫЯ и др. СОВРЕМЕН. темы, выдающ. автор. ПОДП. ЦѢНА АБОНЕМ. № 2—64 КНИГИ и 257 вып. журн. и ПРИЛОЖ. За ГОДЪ безъ достав. 10 р. Съ пересылкой 10 р. 50 к. РАЗСРОЧКА перв. взносъ 4 р.

АБОНЕМ. № 3. 82 КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ (беллетристич. и философскихъ)

ПОДПИСН. ЦѢНА 82 КНИГЪ Л. Н. ТОЛСТОГО съ 257 вып. журн. За ГОДЪ безъ достав. 11 р. 50 к. Съ пересылкой 12 р. РАЗСРОЧКА перв. взносъ 5 р. Подп. програм. на безплатно.

Указавъ номеръ абонем., подписку адресов. Акціон. Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская, 114. Отдѣл. конт. ПЕТРОГР., САДОВАЯ, 20 (3-й домъ отъ Невскаго). ВЪ МОСКВѢ—на ПЕТРОВСКИХЪ линияхъ, у И. ПЕЧКОВСКОЙ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕВЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 10 р. только оилово въ нихъ тока. СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ Петроградъ, Морская, 88.

„ДЖЕНТЛЬМЕНЪ“

настоящ. книга кажд. адепта мужнина, ИСКУССТВО быть всегда, во всякомъ возрастѣ, элегантнымъ и изящнымъ. ИСКУССТВО заказывать и носить костюмы и вообще одѣваться. ИСКУССТВО держатъ себя въ обществѣ. Цѣна въ переплетѣ 2 руб. Складъ изд.: Петроградъ, Владимірская пл., 1—3, кв. 11. Телеф. 482-80. П. Ф. Мегуаала.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Записки Оли Петровой Цѣна 1 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Вышло въ свѣтъ 4-ое изданіе книги женщины врача М. М. ВОЛКОВОЙ

„КАКЪ ИЗБАВИТЬСЯ ОТЪ ПОЛНОТЫ и ожирѣнія“ по способу, испытанному авторомъ на себѣ и на своихъ больныхъ.

Цѣна 80 коп. Складъ изданія въ книжн. магазинѣ „Новаго Гривенъ“.

УРАЛЬСКІЕ Драгоценные Камни
А. Ю. ПИЛУДСКІЙ.
 НЕВСКІЙ, 96 (уголь Надеждиной).

Изумруды, рубины, сапфиры, алмазныя, цирконы, топазы и пр. и пр.
 Приемъ и быстрое выполнение заказовъ на всевозможныя ювелирныя изделия.
 Художественная работа. Цены вѣ конкуренціи.
 Телефонъ 168-95.

ПОДАРКИ И ПОДНОШЕНІЯ
 каждый найдетъ по вкусу и по цѣнѣ у
Ювелира С. М. ВОЛОСЪ,
 гдѣ всегда имѣются случайныя вещи.
45. ЛИТЕЙНЫЙ, 45.
 Уг. Симеоновской ул.
 Покупка драгоценн. камней, вещей, металловъ и ломбарды, китанги и.
 Обмѣнъ старыхъ вещей на новыя.

Уральская яшма,
 РОЖДЕСТВЕРСКІЕ ПОДАРКИ
 ЮВЕЛИРНЫЯ ВЕЩИ. РУССКІЕ
 КЪЖЕВА.
Пушкинская, д. II.

«Книгонад. Т-во», Пггд. Невскій, 158.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ
 «НОВЫЙ ВѢКЪ», 2 р.
 «СВѢТОЧИ ЧЕХІИ», 2 р.
 (Борьба за свободу).
 Почетн. отзывъ Академіи Наукъ.
 «ПАУТИНА», 2 р. 50 к.
 (Нѣмецкое завѣлье).
 и др. окултъ., истор. и бытов. ром. выемл. наложки, платок., каталоги бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

Трирода и Жизнь

Подпис. годъ начин. 1-го ноября

52 №№ художеств.-иллюстрир. **52 №№ ХРОНИКА ВОЙНЫ** журнала, свыше 1.000 стр. съ многочислен. иллюстраціями.
 ЗА ГОДЪ 4 руб. съ дост. и перес. 3 руб. 50 к. безъ дост. и пересылки.

Приложенія по выбору подписчиковъ за особую плату, а именно:

12 кн. журн. литер. новинокъ МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ	ЗА ДОПЛАТУ 2 РУБ. 60 К.
20 кн. собраніе сочиненій РЕДИАРДА КИПЛИНГА	ЗА ДОПЛАТУ 3 РУБ.
50 книгъ новаго собранія сочиненій ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО	ЗА ДОПЛАТУ 6 РУБЛЕЙ 50 КОП.
16 кн. художествен. изданія НАРОДЫ МІРА	ВЪ ПРѢВЪ ЗА ДОПЛАТУ 3 РУБ. 60 К.
12 кн. ежем. журн. самообр. ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ	ЗА ДОПЛАТУ 3 РУБ. 50 К.

УСЛОВІЯ РАЗСРОЧКИ: Разсрочка на журналъ и приложенія допускается въ два или три срока. Въ два срока: при подпискѣ половина стоимости журнала и выбран. приложеній и къ 1 мая остальные. Въ три срока: при подпискѣ треть стоимости, къ 1 февраля еще 1/3 стоим. и къ 1 мая остальные.

Каждому подписчику предоставляется право выписать журналъ безъ приложеній, либо съ однимъ или нѣскольк. прилож., но не одинаков., по собств. выбору. Прил. ж. н. безъ журнала не высылаются.

Подроб. объявлен. в журн. высылаются безплатно.
 Главлитъ Конт.о: Петроградъ, Стремляная, 12.
 —ИЗД. П. П. СОЙКИНЪ.—

ОМЕГА ЧАСЫ „ОМЕГА“
 отличающиеся точностью хода и изящн. отдѣлкой внѣшн.
 СКЛАДЪ: Пассажи, 24—26. Петроградъ.
 Швейцарскій магазинъ часовъ **А. БРУДЕРЕРЪ**
 имѣетъ постоянный разнообразный выборъ карманныхъ, стѣнныхъ и настольныхъ часовъ, а также часы съ будильникомъ, дорожныя, кабинетныя и т. п.

На 1916-й годъ ПОДПИСКА на еженедѣльный иллюстрированный художественный журналъ

„ЛѢТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914-15-16 ГГ.“

Издается во время войны, выходитъ по субботамъ.
 При ближайшемъ сотрудничествѣ извѣстныхъ военныхъ писателей. На театрѣ войны имѣются собственные корреспонденты.

Каждый номеръ не менѣе 16 страницъ большого формата, богато снабжается рисунками, картинами, портретами, планами, картами, набросками и рисунками извѣстныхъ художниковъ.

Редакція и контора журнала: Петроградъ, Надеждинская, 19. Тел. 427-85.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
 НА СЕДЬМУЮ СЕРІЮ 12 номеровъ (январь, Въ Россіи. За границей. февраль и мартъ 1916 г.) съ № 73 по № 84. . . . 4 руб. 6 руб.
 Отдѣльный номеръ въ Петроградѣ 30 коп., въ провинціи 35 коп., съ пересылкой 40 коп., налож. платежемъ 50 коп.

Подписавшіеся на 7-ю серію могутъ получить 1, 2, 3, 4, 5 и 6 серіи „Лѣтописи Войны“ (съ августа 1914 г. по январь 1916 г.; съ № 1 по № 72 включит., за 18 руб. съ пересылкой; налож. платежемъ 1 руб. 20 коп.

Редакторъ-издатель: Дм. Дубенскій.

Въ декабрьскихъ номерахъ **„ВѢСТНИКА МОДЫ“** помѣщено:
 Женитъ-бало неволь. Мольера (съ рис.) Пачка писемъ. Разсказъ. Разборъ различныхъ режиссуръ пьесы. Проф. Нако. Психологія ребенка. Веселые-Фавуль. Женщины и любовь по Ренану. Уходъ за ногтями (съ рис.). Кремъ для лица. Помада для губъ. Меню завтрака и обѣда. Полезные омовы. 152 риз. дамскаго и дѣтскаго туалетоу. 85 выкроекъ. 52 рисунка рукодѣлій. Подписка на 1916 годъ продолжается. Цѣна въ годъ 6 руб. Петроградъ, Итальянская, 16.

НОВАЯ КНИГИ:

ДОЛИНОВЪ, А. И., режиссеръ Имп. Алекс. театра.

Учебникъ выразительнаго чтенія. Элементарный курсъ для начинающихъ и младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Петроградъ. Изд. Н. П. Карбасникова, 1916 г. Цѣна 1 руб. съ перес. налож. плат. — 1 р. 65 к. СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе. Выразительное чтеніе. Техническая часть: диктанты, правильное произношеніе звуковъ, недостатки произношенія. Логическая часть: ударенія, впаки прип. ии и паузы. Художественная часть: выразительнаго чтенія. Хрестоматія.

Практическое руководство къ художественному чтенію. Часть I-я. Практическій курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Изд. Н. П. Карбасникова, 1916 г. Цѣна 1 р. 20 к., съ перес. налож. плат. — 1 р. 65 к. СОДЕРЖАНІЕ: Отдѣлъ I—Механика рѣчи. Отдѣлъ II—Техника рѣчи. Отдѣлъ III—Логическая часть. Хрестоматія. Часть II-я (художественныя условія выразительнаго чтенія)—печатаются.

Складъ: Т-во «Н. П. КАРБАСНИКОВЪ», Петроградъ, Гостинный дворъ, 19.

НИВА еженедѣльный иллюстрированный журналъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ: 1916 г.

52 №№ журнала: повѣсти, разск., картины, рис. въ краск., иллюстраціи съ театра войны, дѣйствій.

52 КНИГИ, отпечатанн. нымъ шрифтомъ, въ которыхъ войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячн. журнала „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ВТОРУЮ СЕРІЮ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **Н. Г. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКАГО.**

— НОВАЯ — ПОСМЕРТНЫЯ СОЧИНЕНІЯ **А. П. ЧЕХОВА.**

Романъ Шарля ДЕ-НОСТРА: **„БИБЛІЯ БЕЛЬГІИ“** (Уленспигель).

2 Новыя спец. карты театра войны. Дѣйствій двухъ фронтовъ: западнаго (русскаго) и западно-европ. подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.

12 №№ „Ежемѣсячныхъ новѣйшихъ модъ“.

12 Листовъ выкроекъ и рисунковъ рукодѣлн. работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1916 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложеніями на годъ:

Въ Петроградѣ: безъ доставки 8 р. 50 к. Съ доставкой 9 р. 50 к.	Съ перес. по всей Россіи: 10 р.	Допускается разсрочка.
---	---------------------------------	------------------------

Новыя подписчики, желающіе получить первую серію (18 кн.) Мамина-Сибиряка, доплачиваютъ 3 р. 50 к. съ перес. въ Европ. Россіи.

Адресъ: въ Контору журнала „НИВА“, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.